

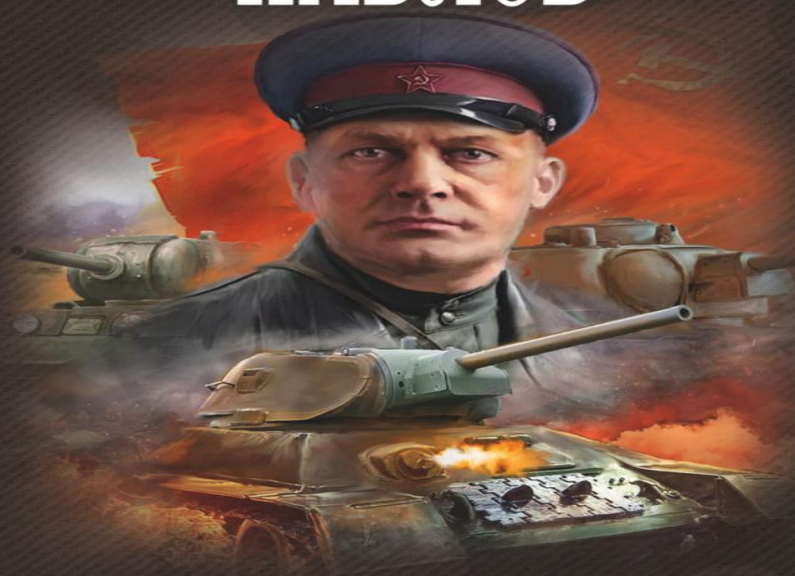
Александр Берг

МОЯ ФАМИЛИЯ ПАВЛОВ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Александр Берг
МОЯ ФАМИЛИЯ
ПАВЛОВ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

Одна из достаточно противоречивых фигур Великой Отечественной войны генерал армии Дмитрий Григорьевич Павлов. Кем он был? Врагом, дураком или просто жертвой обстоятельств? Именно Павлову мы обязаны созданием знаменитого Т-34, и хотя он сам непосредственно не участвовал в его создании, но именно он, будучи начальником Главного автобронетанкового управления, после опыта боевых действий в Испании инициировал работы по созданию нового танка с противоснарядным бронированием, дизельным двигателем и 76-миллиметровой пушкой. Что же касается его деятельности как начальника Западного военного округа, то трудно сдержать удар противника, когда у тебя связаны руки, тем более когда более высокое начальство хочет прикрыть тобой свои задницы. Личное мое мнение: Павлова просто сделали козлом отпущения, повесив на него чужие ошибки. А что, если появится возможность переиграть это, как тогда будут развиваться события?

- [Александр Берг](#)

-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [68](#)
  - [69](#)
  - [70](#)
  - [71](#)
  - [72](#)
  - [73](#)
  - [74](#)
  - [75](#)
  - [76](#)
  - [77](#)
  - [78](#)
  - [79](#)
  - [80](#)
  - [81](#)
-

Александр Берг
Моя фамилия Павлов

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 247

Ленинград
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

© Александр Берг, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Неизвестно кто, неизвестно где и неизвестно когда

– Ты все же считаешь, что они заслуживают второй шанс?

– Да, среди них достаточно достойных, кто не заслуживает такой судьбы.

– Хорошо, у них будет шанс, но только один.

– Благодарю тебя.

– Ты выбрал своего посланца?

– Да.

– Только помни: никаких сверхспособностей.

– Только память, иначе все будет бесполезно. Какой прок от посланца, если он не будет помнить ни своей жизни, ни жизни реципиента.

– Да будет так.

8 августа 2024 года, Санкт-Петербург

Чертов кашель, как же он меня достал! Я согнулся от приступа, а сам выматерил чертовых пиндосов. Похоже, эта «корона» меня скоро доконает, и так уже почти половина страны от нее умерла.

Все началось в 2022-м, после того как ВСУ на Новый год нанесли массированный удар по Белгороду из американских «Хаймарсов» дальнобойными ракетами с объемно-детонирующими боеголовками.

Удар украинских ракет пришелся по спальному району, и хотя наша ПВО сбила практически все ракеты, но две из них все же прорвались. Жертвами стали более семи тысяч человек, причем среди них не было ни одного военного. Это стало последней точкой, в ответ началась настоящая охота за руководством Украины и не только.

В воздух поднялись стратеги, взяв курс на Киев, чем до смерти напугали все НАТО. Были уничтожены объемно-детонирующими бомбами мэрия, Рада, Дом правительства и еще с десятков других правительственных объектов, причем не точечным ударом ракеты с фугасной боеголовкой, как раньше, для минимизации ущерба гражданским строениям, а бомбами с объемно-детонирующей боевой частью. Затем подобные удары стали наносить непрерывно по

воинским частям, а также по станциям, дорогам и мостам в западной части страны.

А еще пшечки все же полезли на Незалежную, правда под видом наемников, поэтому заодно под удары попали и поляки, которые прибыли на Украину. В Польше поднялся большой вой после гибели нескольких тысяч польских наемников в течение всего пары дней. Но это было еще не все. Решившись на аннексию западной части Украины, поляки начали вводить туда свои войска и сразу попали под массированные удары Российской армии. Когда наши Ту-95 обрабатывали их, поляки попытались сбить тех своими истребителями, в результате в небе над Украиной завязался воздушный бой. Итогом стало повреждение одного стратега, один сбитый и три поврежденных Российских Су-35, а поляки в общей сложности потеряли 14 своих F-16 Jastrzab. Попытки поляков представить это как нападение на НАТО, с треском провалились, поскольку в Вашингтоне испугались, что попытка НАТО вступить за Польшу приведет к ядерной войне с Россией, тем более что наши Ракетные войска стратегического назначения были подняты по тревоге, а все ударные подлодки срочно покинули свои базы. Россия явно показала, что в случае чего готова к нанесению массированного ядерного удара по странам НАТО. В результате полякам пришлось утереться и только обиженно вопить на весь мир.

Все попытки так называемого прогрессивного человечества надавить на Россию также провалились. После удара по жилому району и гибели семи тысяч мирных жителей в глазах всего мира Россия была в своем праве. На линии фронта также всю стали применять подобные боеприпасы, и в середине января 2023 года фронт рухнул. Без поставок техники, боеприпасов и пополнения наемниками ВСУ стали разбегаться. Всем стало понятно, что очередная вашингтонская авантюра окончательно провалилась. При этом Еврокомиссия все же постановила отдать замороженные российские резервы Украине, после чего последовал молниеносный ответ России.

Во-первых, Россия прекратила любые торгово-коммерческие операции с Европой, а во-вторых, все депутаты Еврокомиссии, проголосовавшие за признание России страной – спонсором терроризма, а также голосовавшие за санкции, как и члены их семей, получили пожизненный запрет на посещение России.

А в Европе тем временем начался хаос, кус русофобских политиков привел к краху экономики из-за полного прекращения торговли с Россией. Теперь уже не десятки, а сотни предприятий обанкротились, уволив сотни тысяч своих рабочих, после чего начались массовые протесты, порой переходящие в настоящие сражения с полицией. На этом фоне зеленое правительство Германии с треском вылетело из власти, после того как миллионы немцев вышли к бундестагу, скандируя: «Шольц и Бер-бок – прочь!» К власти пришли левые и правые под руководством Сары Вагенкнехт, которые провели референдум по выходу страны из ЕС и НАТО. Его поддержало большинство немцев, после чего новое правительство сняло в одностороннем порядке все санкции с России. Все это вызвало новую волну истерии в Европе и Америке, причем больше всех возмущались Польша и Прибалтика. Мир окончательно разделился на Запад и Восток.

Поняв, что украинская авантюра не просто провалилась, а провалилась с треском, США пошли ва-банк. Сразу в Китае, России, Индии и Германии началась эпидемия нового штамма «короны», причем с очень большой смертностью. Одновременно с этим в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и европейских странах в принудительном порядке стали прививать население. Но тоже очень странно: в первую очередь вакцинировали работающих и совершенно не прививали многочисленных мигрантов.

Исключением стала только Германия, которая начала активно сотрудничать с Россией и в которой снова стал расти уровень жизни населения. На этом фоне поддержка населением партии Сары Вагенкнехт и «Альтернативы для Германии», которые наглядно показали, что для них на первом месте благополучие своих граждан, а не интересы американских денежных мешков, выросла максимально, и правые отлично уживались с левыми.

Российское правительство поняло, что начавшаяся эпидемия нового штамма ковида есть не что иное, как настоящая биологическая война, развязанная Америкой в попытке удержать свою гегемонию в мире. После того как больше 60 % населения России умерло от болезни, президент все же решился, и по Америке был нанесен ответный массированный ядерный удар.

Два «Посейдона», подорванные по обе стороны материка, просто смыли гигантской морской волной Сан-Франциско и Нью-Йорк. На месте Англии остались радиоактивные обугленные руины, досталось и другим англоязычным странам, ни одна из них не осталась без своего «подарка». Также были нанесены удары и по европейским базам. Исключением стала Германия, которая за прошедший год ликвидировала у себя все базы НАТО. Хельсинки и Стокгольм также сгорели в атомном пламени, так как официально вошли в Североатлантический альянс.

Ничего этого я, разумеется, не знал, я просто шел из магазина, когда сзади возникла ярчайшая вспышка, а когда я обернулся, то над горизонтом рос гриб ядерного взрыва. А потом до меня дошла ударная волна. Прямо на моих глазах сносились дома, а я даже не пытался спрятаться и укрыться. Зачем, все равно мне и так оставалось немного, так зачем продлевать мучения. Я спокойно стоял и смотрел, пока ударная волна не достигла меня, а затем просто выключили свет.

Почти все ракеты, выпущенные НАТО в ответ, были сбиты нашей ПВО, но около десятой их части удалось прорваться, и одна из них рванула над Санкт-Петербургом. Но и затеявшая все это американская элита, те из нее, кто выжил в начавшемся атомном апокалипсисе, поняли, что все равно проиграли.

Россия, осознав, что умирает, решила захватить своих убийц с собой в могилу. Теперь оставшиеся в живых американские кукловоды получили полностью уничтоженную страну с немногочисленным выжившим населением, которое явно не будет им подчиняться. Сколько можно протянуть в бункерах, пускай и оборудованных по последнему слову техники? Что будет через 10 лет, а через 20? Это был полный крах. Если до этого еще был чистый мир, то теперь среди оставшихся начнется грызня за пригодную для жизни территорию, и вряд ли для них там найдется место.

Глава 1

1 августа 1937 года, ГАБТУ, Москва

Первое, что я услышал, кстати, несказанно этому удивившись, было:

– Товарищ комкор, Дмитрий Григорьевич, очнитесь! Что с вами?

Я с трудом понимал происходящее. Кто мог меня звать и почему комкор? Через какое-то время я смог открыть глаза. Белый потолок, старомодные шкафы, деревянная облицовка стен... Что происходит, где я? Наконец на глаза попался молодой парень в старой, еще довоенной форме с петлицами вместо погон. Это еще кто? И тут мою голову как будто сжало, прострелило дикой болью, и она словно взорвалась. Снова причитания того парня, с трудом открываю глаза и вдруг понимаю, что я его знаю, это мой ординарец, или порученец, лейтенант Валера Левашов. Как такое может быть, ведь я вижу его впервые в жизни? Прошлый раз не в счет. И тем не менее я с ним знаком. Вдруг в голове начинают разворачиваться целые пласты знаний. Мне снова стало плохо, но уже не так сильно.

Тут появилось еще одно действующее лицо. Мне под нос сунули вату с жутким запахом, это был нашатырь, а совал его врач. Оказалось, я сидел на стуле за большим письменным столом. Врач быстро меня осмотрел, но никаких проблем не выявил. В голове немного прояснилось, а я стал понимать, куда я попал. Я был в моем полном тезке, генерал-полковнике Павлове, правда пока он еще не генерал-полковник танковых войск, а комкор, и недавно вернулся из Испании. А сейчас он – заместитель начальника Главного автобронетанкового управления РККА.

Это что получается, я стал героем книжки? Каюсь, как вышел в отставку, так и стал почитать книги по альтернативной истории. Право слово, было интересно переиграть те или иные события нашей истории. Вот и сбылась мечта идиота, я получил реальный шанс воплотить это в жизнь, но и потерять голову сейчас ой как легко. И ведь что занимательно, я подробно изучил жизнь своего знаменитого тезки, просто было интересно, но даже подумать не мог, что окажусь на его месте, вернее в его теле.

Поистине ирония судьбы я, генерал-майор в отставке Дмитрий Григорьевич Павлов, бывший командир мотострелковой дивизии, оказался в теле своего полного тезки, в прошлом. Может, и получится у меня изменить историю и не допустить те астрономические жертвы, которые понесла наша страна. По крайней мере я сделаю все, что смогу, чтобы не допустить этого. Главное, что кроме общих знаний об этом времени я каким-то образом получил всю память этого тела, вернее, уже моего тела. Теперь не придется гадать, кто есть кто, да и информация об этом времени не даст зайти в тупик и делать глупости. Но есть и одно очень большое НО, это семья моего реципиента. Сейчас самым трудным для меня будет начать общение именно с семьей настоящего комкора Павлова. Кто они для меня? Чужие люди. Хорошо хоть память моего реципиента мне доступна, иначе была бы жопа, такая большая и жирная жопа.

– Товарищ комкор, может, вам сейчас лучше домой поехать?

– Да, наверное. Спасибо, Валера, вызови мою машину, действительно, лучше сейчас поехать домой, все равно, похоже, сегодня я больше не работник.

– Сейчас, Дмитрий Григорьевич.

Машина пришла буквально через пять минут, обычная «эмка», а что вы хотели, но и это хорошо. Сев в машину, я задумался: как жить дальше? Можно, конечно, все оставить как есть, и закончить жизнь через четыре года у расстрельной стены. Нужен мне подобный сценарий?! Да ни фигя подобного! Не хочу я такого конца! Значит, теперь надо менять свою судьбу. Главное сейчас – пережить встречу с семьей настоящего Павлова. А встреча будет уже совсем скоро, так как мы подъезжаем к теперь уже моей квартире. Наконец машина остановилась, и я вышел. Ну все, стоять и ждать у моря погоды нет смысла, а потому я решительно пошел домой – и будь что будет.

– Дима, что случилось, почему ты так рано?

– Да плохо себя почувствовал, Сашенька, но ты не волнуйся, мне уже лучше.

– Папка!!!

И у меня на плечах повисла семилетняя егоза. Сын тоже был дома, но он уже достаточно большой, ему 14 лет. Вот он и стоял солидно в стороне, не пытаясь повиснуть на моих плечах. Я, разумеется, обнял Аду, и тут меня накрыло. Я вспомнил свою дочь, и

нагрянули воспоминания Павлова. Я крепко прижал теперь уже свою дочь к себе и зарылся в ее волосах, которые так приятно пахли. Похоже, воспоминания и чувства моего реципиента стали смешиваться с моими, и я, честно говоря, был этому рад. Жить оставшуюся жизнь с чужой семьей, имитируя любовь, я не смогу, а так и притворяться не придется, если они будут восприниматься мной как моя собственная семья. Вечером, когда мы легли спать, у меня не возникло чувства отвращения к теперь уже моей жене. Моя бывшая умерла за год до моей смерти от сердечного приступа, да и я, по большому счету, тоже умер, так что, как ни взгляни, а я теперь по-любому свободен.

2 августа 1937 года, ГАБТУ, Москва

Приехав утром в управление, я узнавал его и одновременно не узнавал, для меня все было неизвестно, но для памяти моего тела все было привычно и знакомо, вот и получалось, что знания и впечатления накладывались друг на друга. Вроде в медицине это называется шизофрения, не знаю, но приятного в этом мало, одна надежда, что это быстро пройдет. Вы спросите почему? А просто скоро все, что досталось мне из памяти моего предшественника, станет моим знанием.

— Добрый день, Дмитрий Григорьевич, как вы себя чувствуете?

— Спасибо, Валера, хорошо. Я до обеда с бумагами поработаю, так что если ничего срочного или важного не будет, то не беспокойте меня.

— Хорошо, Дмитрий Григорьевич.

Дверь в кабинет закрылась, ординарец с секретарем остались в приемной, а я стал разбираться с бумагами. Да, с одной стороны, это все есть в новоприобретенной памяти, а с другой стороны, мне надо это осознать самому, чтобы в памяти всплыли все знания реципиента.

Я сидел за столом и разбирался с бумагами Павлова. Как раз к обеду справился, затем сходил пообедать, а потом пришлось общаться с посетителями. Вечером уже без страха поехал домой, к себе домой, это теперь мой дом, моя семья и моя жизнь. Неделя пролетела очень быстро, я пока не высовывался, а вживался в свою новую жизнь. Вечно так продолжаться не могло, иначе через четыре года встану к расстрельной стене, а потому надо начинать действовать.

Прежде всего еще раз и очень внимательно перечитал записки Павлова про его мысли о необходимости создания нового среднего

танка. Мыслей и планов громадье, теперь это надо оформить официально или как минимум получить официальное добро на самом высоком уровне. Сделать надо много, даже, возможно, придется пересечь интересы других людей, а время такое, что по одному доносу могут пустить в расход, вот и надо сделать себя неприкасаемым. Вопрос: как это сделать? Ответ очень прост: заинтересовать собой Сталина, я и так почти в фаворе после Испании, вот и надо этим воспользоваться и усилить свои позиции возле вождя.

8 августа 1937 года, Генеральный штаб, Москва

– Добрый день, Ян Карлович, – поздоровался я с начальником военной разведки, комиссаром 2-го ранга Берзиным.

Вообще сейчас в руководстве ГРУ творится черт знает что, руководство меняется как перчатки. Берзин уже был начальником разведки, потом его сменил на этой должности Урицкий, потом снова ненадолго вернулся Берзин, и дальше руководители разведки будут сменять друг друга каждый год.

– Здравствуй, Дмитрий Григорьевич, с чем пожаловал?

– Мне, Ян Карлович, необходимы сведения о танках вероятного противника. Ты только не пугайся, схемы и чертежи не нужны, а нужна справка о наличии в войсках и проектировании новых средних и тяжелых танков. Это Англия и Франция.

– Ну ты и запрашиваешь. Ладно, сейчас.

Сняв трубку, Берзин приказал секретарю:

– Ваня, кто там у нас занимается танками? Вызови ко мне.

Спустя минут пятнадцать в кабинет Берзина вошел капитан.

– Капитан Милютин.

– Капитан, вот товарищу комкору необходимы сведения о французских и английских танках. Что там тебе, Дмитрий Григорьевич, конкретно надо?

– Капитан, мне необходимы общие сведения о средних и тяжелых танках Франции и Англии, те, что уже есть, и те, что разрабатываются. Необходимы общие сведения, вес, броня, калибр орудия. Сделаешь?

– Сделаю, товарищ комкор, подождите час, я за это время подготовлю вам документ.

– Добро.

Капитан ушел, а Берзин предложил:

– Может, по чаю?

– А давай.

– Слушай, а зачем тебе это?

– Испания мозги хорошо прочистила. Посмотрел я, будучи там, как наши танки как спички горели. В Империалистическую и Гражданскую они сгодились бы, а для предстоящих войн – нет.

– Думаешь, будет война?

– А ты не веришь? Кто у нас разведкой занимается, я или ты? По моим прикидкам, у нас впереди еще три-четыре мирных года, максимум пять. Ян Карлович, включи мозги, французы всегда боялись немцев, а тут вдруг они не возражают против возрождения немецкой армии. Спрашивается, почему?

– Натравить на нас?

– Да, англичане тоже молчат, а между тем их излюбленная тактика – стравить между собой соседей, а затем ловить рыбку в мутной воде. В Империалистическую у них это уже получилось, когда они столкнули Россию и Германию, а выиграли от этого только англичане, французы и американцы, так почему не попробовать снова? Зачем лезть самим, рискуя получить по наглой морде, когда можно стравить соседей, подождать, пока они друг друга не обескровят, и только тогда влезать.

– Может, ты и прав...

Вот так, попивая чай с сушками, мы и дождались капитана Милютина. Получив от него папку с данными, я попрощался с Берзиным и поехал к себе в управление.

10 августа 1937 года, Кремль, Москва

На прием к Сталину удалось попасть без особых проблем. Входя в его кабинет, я сначала немного струхнул, все же это была ЛИЧНОСТЬ. Вытащить страну из пропасти в тех ужасающих условиях, в которых она оказалась сначала после Гражданской войны, а затем и после Великой Отечественной, могла только ЛИЧНОСТЬ с большой буквы. Но как струхнул, так и оправился, причем сразу.

– Добрый день, товарищ Павлов, проходите, садитесь. Что у вас?

– Здравия желаю, товарищ Сталин. Я к вам по поводу наших бронетанковых сил.

– Вы уже освоились в управлении?

– Да, товарищ Сталин, спасибо, освоился, а кроме того, хотел бы поговорить с вами о будущем наших танковых войск. Моя командировка в Испанию очень много мне дала в понимании тактики и стратегии использования танков в войсках, а также того, что именно нам нужно.

– Это интересно, товарищ Павлов, и что вы поняли в Испании?

– Многое, товарищ Сталин. Во-первых, нам необходимо срочно разработать новые средние и тяжелые танки. К сожалению, наши Т-26 и БТ уже устарели, даже новая модификация БТ слишком слаба и уязвима для потенциального противника. Нам жизненно необходимо в кратчайшие сроки создать новые танки с противоснарядным бронированием, достаточно мощным оружием и дизельным двигателем.

– А чем вам, товарищ Павлов, не угодили наши Т-26 и БТ?

– Видите ли, товарищ Сталин, если сейчас еще калибр в 45 миллиметров достаточно актуален, то спустя ближайшие годы уже будет недостаточен.

– А какой калибр достаточен?

– Минимум 76 миллиметров, а лучше – 90-100. Далее, бронирование. Наши танки с легкостью пробиваются любыми средствами потенциального противника, а вблизи даже из крупнокалиберного пулемета. Исходя из этого, нам просто необходимы более мощные танки, иначе в предстоящих войнах мы умоемся кровью.

– А вы думаете, они будут?

– Несомненно! Капиталисты не оставят нас в покое. Почему они не только не ответили на все ваши предложения о создании системы коллективной безопасности в Европе, но и не предложили свои варианты? Допустим, им не нравятся ваши предложения, так тогда предложите свои, но они молчат. Почему Франция была так заинтересована в союзе с царской Россией? Да как противовес кайзеровской Германии. Французы последние лет сто опасались Германии – и что сейчас? Почему они вдруг разрешили Гитлеру восстановить войска? Думаю, у нас еще есть лет пять мирной жизни, не больше, а возможно, и меньше.

– Хорошо, возможно, вы и правы. А что по танкам?

– Вот, товарищ Сталин, специально позавчера ездил в разведупр, уточнил данные по зарубежной бронетехнике.

Итак, Франция. Тяжелый танк Char B-1, толщина брони корпуса – 60 миллиметров, вооружение – одна 75 и одна 47-миллиметровая пушки. Наши Т-26 и ВТ против него практически беззащитны. Они смогут пробить его броню только на малой дистанции, в то время как их самих можно подбить уже с дальней дистанции. Или средний танк D2, у него броня в 40 миллиметров, что тоже больше, чем у нас.

Теперь Англия. Средний танк «Матильда», броня тоже 60 миллиметров, и я более чем уверен, что в ближайшее время у них появится более мощный танк с толстой броней. У нас нет ничего подобного, и в случае войны наши танки будут гореть только так. Испания это наглядно показала.

– А Т-35? Что вы скажете о нем, товарищ Павлов?

– Извините, товарищ Сталин, я знаю, что вам он очень нравится, но, к сожалению, это тупиковый путь развития.

– Почему?

– Тут несколько причин. Во-первых, большой вес, 58 тонн. Не каждый мост сможет выдержать такую тяжесть. Кроме того, и не каждый грунт пригоден для его передвижения, он запросто может сесть на брюхо, если съедет с дороги в поле, особенно после дождя.

Во-вторых, его габариты. Такая машина, например, в горах, а в Испании много гор, так вот, он там не по каждой дороге сможет проехать, так как просто не впишется в узкие горные дороги. Кроме того, его размеры такие, что попасть в него достаточно легко.

В-третьих, его бронирование в среднем составляет 20–30 миллиметров, что явно недостаточно для тяжелого танка прорыва. Он будет легко подбиваться стандартной противотанковой артиллерией. Так зачем нам такие танки, товарищ Сталин? Да, выглядят они грозно, не спорю, но они годятся для прошедших войн, а не для грядущих.

– И вы, товарищ Павлов, уже определились с тем, что нам нужно?

– Да, товарищ Сталин. Основу нашей бронетанковой мощи должны составить средние танки с предельным весом в 35 тонн. Бронирование корпуса 70–80 миллиметров в лобовой части и 50–60 в бортовой с минимум 76-миллиметровым орудием. И тяжелый танк весом до 45 тонн. Броня в 90-100 миллиметров лобовой брони и 70–80 бортовой, с орудием в 100–120 миллиметров. Такие танки смогут

хорошо противостоять противотанковой артиллерии и танковым орудиям и сами будут иметь достаточно мощное вооружение. Вот, товарищ Сталин, я набросал эскизы, примерно то, что я планирую разработать, вернее, что именно по моему заданию должны разработать наши конструкторы.

Я достал из папки, которую принес с собой, два листа бумаги, на которых были набросаны Т-44 и КВ. Художник из меня не очень, но достаточно точно сделать их набросок, разумеется, без деталей, я смог. Сталин, взяв их в руки, принялся внимательно рассматривать мои наброски, наконец, отложив их в сторону, он произнес:

— А мне нравится, товарищ Павлов. Вы уже думали, кому поручить разработку этих танков?

— Да, средний танк думаю поручить товарищу Кошкину на Харьковском заводе, а тяжелый танк — товарищу Духову на Кировском заводе в Ленинграде.

— Да, пожалуй, они справятся. У вас все?

— Нет, товарищ Сталин, есть еще один очень важный вопрос.

— Какой?

— Мы планируем создать мехкорпуса и механизированные части, но для них нам необходимы в больших количествах бронетранспортеры для транспортировки пехоты, кроме того, и сами бронетранспортеры, вооруженные пулеметами, будут очень хороши в боях против пехоты противника.

— Товарищ Павлов, я понимаю их важность, вот только проблема в том, что нам не хватает заводов по выпуску автотехники.

— Я знаю, товарищ Сталин, поэтому хочу предложить вам один вариант, который, если сработает, даст нам 3–4 автомобильных завода.

— Интересно, и что это за вариант?

— Товарищ Сталин, помните слова Владимира Ильича про капиталистов, что за 300 процентов прибыли они продадут нам веревку для собственного повешенья.

— Разумеется, помню, но при чем тут его слова?

— Как вы думаете, заинтересует американцев предложение построить у нас несколько автомобильных заводов на Урале, если мы предложим им двойную или тройную цену за них?

— Безусловно, заинтересует: вот только где мы возьмем на это средства?

– А вот тут самое интересное, мы предложим им на выбор два варианта. По первому они вкладываются в разработку нового золотого прииска у нас в Сибири, и пока добыча с этого прииска не покроет все их затраты на его обустройство и стоимость заводов, все добываемое там золото идет им в оплату.

Второй вариант предусматривает, допустим, получение ими в течение пяти лет половины всего добываемого золота на этом прииске. В любом случае мы окажемся в выигрыше. Мы сразу получаем современные заводы и одновременно с этим оборудование прииска, а расплачиваемся постепенно и не из основного бюджета страны.

Я интересовался автомобильными фирмами Америки, лучше всего подходит фирма «Вайт», у них самый широкий спектр выпускаемой продукции, и часть ее идет в армию. Кроме того, можно попробовать подобный трюк и с Германией. Предложить Гитлеру построить у нас в Харькове два автомобильных завода «Мерседес» и «Опель». Оплата сырьем, причем можно указать срок в 10 или даже 15 лет.

– Почему на такой длительный срок и почему именно в Харькове?

– Длительный срок для того, чтобы Гитлер согласился, а Харьков... По моему глубокому убеждению, Гитлер нападет на нас, его к этому активно подталкивают Англия с Францией, правда, завуалированно. Что касается постройки этих заводов в Харькове. Думаю, Гитлер рассчитывает, что Украина отойдет к Германии. Плодородные земли с запасами угля и руды он без внимания не оставит, так что, по его планам, в итоге потом и эти заводы отойдут к нему. Так есть шанс его заинтересовать. Если строить на Урале или в Сибири, то шансов не будет точно, а так очень высокая вероятность, что он согласится.

Мы получим еще пару автомобильных заводов, а после начала войны все договоренности по оплате станут недействительны. Именно поэтому можно предложить много, все равно мы все не выплатим. Таким образом, у нас есть возможность получить в течение одного года – двух лет от четырех до шести автомобильных заводов под ключ.

Если эта задумка сработает, то мы легко перекроем свои потребности в колесных бронетранспортерах и грузовиках для армии. Старые автозаводы будут работать на народное хозяйство, а новые –

исключительно на армию. Тогда в течение двух-трех лет мы сможем насытить войска автотехникой в достаточном количестве.

– Ваше предложение, товарищ Павлов, достаточно интересное и в принципе может решить проблему с нехваткой автотехники в стране и армии. Я обдумаю ваше предложение. У вас все?

– Да, товарищ Сталин.

– Тогда держите меня в курсе дел, товарищ Павлов. Составьте для меня докладную с обоснованием разработки новой техники.

– Хорошо, товарищ Сталин.

Поднявшись со стула, я вышел из кабинета Сталина. Как говорил великий комбинатор Остап Ибрагимович, «лед тронулся, господа присяжные заседатели, лед тронулся». На первый взгляд, Сталин принял меня хорошо, прислушался к моим словам, и хотя по Т-35 мои выводы явно не понравились, но подал я их ему уважительно и объективно, так что, надеюсь, и Сталин будет объективен. Выйдя из приемной Сталина, я поехал домой, этот разговор вытянул из меня все силы, да и время уже было позднее, пять часов дня.

* * *

После того, как комкор Павлов вышел, Сталин надолго задумался. Поднятая им тема была достаточно болезненной, особенно про танки Т-35, которые ассоциировались у него с мощью Красной армии. Однако и доводы Павлова были объективными, а поднятые им проблемы – важными. Эх, ему бы при обороне Царицына хотя бы пару Т-35, вот тогда он показал бы белякам кузькину мать. Но, похоже, Павлов прав, эти сухопутные линкоры устарели, едва успев появиться. Отдельного рассмотрения стоит его предложение по автомобильным заводам. Если его идея сработает, то СССР получит несколько новейших автомобильных заводов, которые действительно закроют все потребности страны в автотранспорте.

– Товарищ Поскребышев, вызовите мне на завтра товарищей Молотова, Ворошилова и Шапошникова.

Сталин хотел посоветоваться, он никогда не принимал важных решений, предварительно не посоветовавшись со специалистами. Если

идеи Павлова одобряют, тогда он начнет искать способ уговорить соратников на предложение комкора.

Глава 2

Сталин в задумчивости курил трубку. Хотя он уже многое сделал для страны, но проблем было еще много. Он только недавно окончательно укрепил свое положение, уничтожив своих противников, но их приспешников все равно осталось много, а тут еще слова Павлова о предстоящей войне. Он и сам чувствовал нарастающее напряжение в мире.

После прихода в 1933 году Гитлера к власти прекрасные отношения с Германией стали очень быстро портиться, причем не по вине СССР. Его собственные попытки построения коллективной безопасности в Европе оказались безуспешными, его инициативы в этом просто игнорировались европейскими странами. А Павлов вчера говорил правильные вещи, вот и надо обсудить это с ближайшими соратниками.

В дверь постучал Поскребышев.

– Товарищ Сталин, товарищи Молотов, Ворошилов и Шапошников прибыли.

– Пусть заходят.

В его кабинет зашли соратники, и Сталин начал совещание.

– Вчера у меня на приеме был комкор Павлов, он много чего рассказал о проблемах в танковых частях и срочной необходимости разработки новых танков, но кроме этого, он заострил вопрос о легкой бронетехнике, в частности бронетранспортерах для пехоты. Зная, что наши заводы просто не справятся с их выпуском, он предложил интересный выход: попытаться предложить американцам за строительство для нас нескольких автозаводов выделить им один из наших золотых приисков. Увеличить стоимость заводов в 2–3 раза, и пускай американцы добывают у нас золото в покрытие своих расходов на этот прииск и построенные заводы. Кроме того, попробовать такой же фокус с немцами, предложить им за строительство двух автомобильных заводов в Харькове расплатиться ресурсами. Как вам такое предложение?

Соратники задумались, первым взял слово Ворошилов. Он за прошедшие годы хорошо изучил Сталина, и раз он советовался с ними,

то предложение Павлова его заинтересовало. Как нарком обороны, Ворошилов прекрасно знал о нехватке автотехники в войсках, и предложение Павлова могло это исправить.

– Коба, нам действительно крайне необходимы грузовики и бронемашины, наши заводы просто не успевают производить их в необходимом количестве. Конечно, не очень хочется пускать к себе американцев, но, похоже, другого способа получить автозаводы у нас нет. А Павлов молодец: получить сейчас, а платить потом... Хорошо придумал.

– Я тоже думаю, что комкор Павлов хорошо придумал, – сказал в свою очередь Шапошников. – Это позволит нам в кратчайшие сроки решить проблему с автотранспортом, да и легкая бронетехника тоже не помешает, тем более что мы хотим создать мехкорпуса.

Наконец свое слово сказал и Молотов.

– Действительно, предложение комкора Павлова интересное. Золото всего лишь золото, один из инструментов торговли, но на нем грузы не перевезешь и воевать им не будешь. А чем покупать у буржуев технику, так лучше купить средства ее производства, а то перестанут нам продавать, и что тогда делать? Я за предложение комкора Павлова.

– На следующей неделе я хочу вынести этот вопрос на обсуждение ЦК, вы меня поддержите?

В ответ раздалось дружное «да». Раз ближайшие соратники одобрили предложение Павлова, то можно было выносить его на обсуждение в ЦК. Сталин пока еще не мог решать все единолично и был вынужден учитывать мнение других.

* * *

На следующий день после того как я сходил на прием к Сталину, приехав в управление, сразу вызвал к себе секретаря.

– Петр Николаевич, вызовите, пожалуйста, ко мне конструкторов Духова с Кировского завода и Кошкина с Харьковского тракторного.

– Вместе, Дмитрий Григорьевич?

– Нет, раздельно, и, пожалуйста, на разные дни, так как я не знаю, сколько времени у нас займет разговор.

- Сделаю, Дмитрий Григорьевич.
- Да, чуть не забыл, еще товарищей Астрова и Гинзбурга.
- Их тоже на разные дни?
- Да.

Отдав распоряжение секретарю, я принялся за докладную Сталину. Там я подробно расписал необходимость создания новой бронетехники, причем с описанием, какой именно. Единственное, не стал писать про войну с Германией, ни к чему писать про это, достаточно было того, что я рассказал об этом Сталину. Затем стал делать наброски бронетехники, как танков, так и самоходок с бронетранспортерами. Нужно было как следует подготовиться к разговору с конструкторами. Чем на пальцах объяснять им, что я от них хочу, лучше один раз показать, вернее, отдать им эти наброски, которые, кстати, не сильно отличаются от той техники, что им в любом случае предстоит создать, только теперь кому на год, а кому на несколько лет раньше.

Спустя несколько дней ко мне первым приехал Николай Духов с Кировского завода.

- Добрый день, Николай Леонидович, проходите, садитесь.

Духов, не чинясь, прошел за стол и сел.

– Николай Леонидович, насколько я знаю, вы сейчас заняты модернизацией танка Т-28, но я хочу вам предложить новое задание, создание нового тяжелого танка. Как вы на это смотрите?

- Товарищ комкор...

– Можете называть меня по имени-отчеству, Николай Леонидович.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич, я не против. Вы уже определились, что именно вы хотите?

– Да, примерный вес – 45 тонн, толщина брони 70-100 миллиметров, орудие 100–120 миллиметров и дизельный двигатель. Вот, посмотрите, я набросал примерно, что я хочу получить от вас.

Я протянул Духову лист бумаги, на котором был нарисован КВ, правда, в отличие от оригинала, у него был спрямлен лоб, как на Т-34, а ниже написаны ТТХ, в которые должен уложиться Духов. Взяв лист бумаги, Духов стал его изучать.

– Занятно, Дмитрий Григорьевич, хорошо, когда заказчик знает, что именно он хочет. Так, толщина лобовой брони – 90-100 миллиметров, однако... Борт – 80–90 миллиметров, корма – 70–80.

Башня, лоб – 100–120, борт 90-100, корма – 80 и орудие калибра – 100–120 миллиметров. Да это у вас настоящий монстр получается. А какое орудие ставить? У нас ведь нет танковых орудий такого калибра.

– Тут решайте сами, или установите 107-миллиметровое орудие 1910/30 года, или создайте на базе Ф-22, просто увеличив калибр. Понимаете, тяжелый танк с трехдюймовым орудием – это не тяжелый танк. Только бронепробиваемость не должна быть меньше, чем на 107-миллиметровом орудии, это если вы решите делать пушку на базе Ф-22.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич, я посмотрю, что лучше поставить.

– Вы не спешите, Николай Леонидович, у меня для вас есть еще одно задание. Безусловно, создание танка – первоочередная задача, а потом на базе этого танка вы должны сделать штурмовую самоходку. Вместо поворотной башни сделайте неподвижную рубку с толщиной лобовой брони в 120 миллиметров и орудиями калибра 122 и 152 миллиметра.

– А они зачем?

– Для прорыва укрепленных районов противника. Эти самоходки отлично смогут бороться с вражескими ДОТаами. Толстая броня позволит им выйти на дистанцию прямого выстрела, не опасаясь орудий противника, а мощное орудие уничтожит их.

– Сделаю, и постараюсь сделать как можно быстрее.

– Вы, главное, в качестве не потеряйте.

Первый пошел. Если в тот раз Духов справился хорошо со своим КВ, а проектировал он его наобум, то теперь должен сделать еще лучше. Главное, что уже в таком виде КВ потом сможет с легкостью бороться с немецкими «кошками». Я тут глянул в данные 107-миллиметрового орудия. Так он обычным бронебойным снарядом пробивал вертикальную броневую плиту в 103 миллиметра на дистанции в километр, что было вполне достаточно для пробития лобовой плиты «тигра»^[1].

Следующим на очереди стал Кошкин, он приехал через три дня после Духова.

– Добрый день, Михаил Ильич, проходите, присаживайтесь, можете обращаться ко мне по имени-отчеству, – поприветствовал я конструктора, когда он зашел в мой кабинет.

– Добрый день, Дмитрий Григорьевич, зачем я вам понадобился?

– А вот, взгляните. – Я пододвинул Кошкину лист бумаги с наброском Т-44. – Как вам, нравится? Возьметесь за разработку этого танка?

Кошкин, взяв лист бумаги в руки, стал его изучать.

– Скажу честно, Дмитрий Григорьевич, заинтересовали вы меня, заинтересовали. Вес до 35 тонн, лобовая броня в 75 миллиметров, бортовая – в 60, лоб башни – 90 и борт – 75 плюс трехдюймовое орудие. Танк должен получиться хорошим. По сравнению с нашими нынешними, это следующее поколение. И экипаж из четырех человек, трое в башне и мехвод. Тут будут некоторые трудности. У нас нет необходимого станка для проточки башенных погонов, тут слишком большой диаметр.

Павлов хоть и не был танкистом, но читал об этом, а потому, обдумывая задание по созданию Т-34, учел эту проблему.

– Михаил Ильич, пока на вашем заводе нет необходимого оборудования, эти работы можно делать на Николаевском кораблестроительном заводе, там такое оборудование точно должно быть. Башни на кораблях большие, так что оборудование быть должно, а поскольку корабли сейчас не строят, то оно там простаивает без дела, вот пусть и займутся этим. И вот что еще, думаю, за основу танкового орудия вам надо будет взять 76-миллиметровую зенитку^[2].

– Интересное решение, Дмитрий Григорьевич, но это не в моей компетенции.

– Не беспокойтесь, этот вопрос я решу сам, а вы изначально проектируйте большую трехместную башню. Нам необходим отдельный наводчик, не дело, когда командир совмещает обязанности наводчика и командира. Он должен командовать, искать противника, а потом указывать на него наводчику. У командира должны быть свои отдельные приборы наблюдения.

В разговоре с Духовым я как-то упустил это из вида, но не беда, пусть это разработает Кошкин, а потом просто поделится с Духовым, и тот установит это на КВ.

– А что по двигателю, Дмитрий Григорьевич? Вы тут хотите дизельный, вот только насколько я знаю, такого двигателя пока нет.

– Пока будем ставить М-17Т^[3]. Возможно, к тому моменту, как вы закончите разработку танка, они появятся^[4].

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич, задание действительно очень интересное, я берусь за него.

– Только, пожалуйста, сделайте торсионную подвеску и длину ствола орудия не меньше 50 калибров. И вот что еще, попробуйте установить двигатель не вдоль, а поперек, это позволит вам уменьшить моторный отсек.

Напоследок я чуть не забыл уточнить важные детали. Торсионная подвеска сэкономила место и вес, а длина ствола влияла на точность и бронепробиваемость, это я знал даже не будучи танкистом, просто читал в свое время.

Кошкин ушел, а через два дня должен был прийти Гинзбург, также с Кировского завода. Я знал, что перед самой войной он разработал один из лучших легких танков в мире, вот только в связи с началом войны выпуск Т-50 был прекращен, а вместо него стали выпускать Т-34^[5].

Человек предполагает, а Бог располагает. Хотя Гинзбург и приехал ко мне, вот только я не смог с ним встретиться, так как был вызван в Кремль к Сталину. Когда я зашел в его кабинет, то кроме самого Сталина увидел Ворошилова, Шапошникова и Буденного.

– Здравствуйте, товарищ Павлов, проходите. Вы подготовили доклад?

– Да, товарищ Сталин, подготовил.

– Тогда мы вас слушаем, товарищ Павлов.

Ну что, Бог не выдаст, свинья не съест. Мысленно перекрестившись, хоть я и не верующий, я достал написанный накануне текст и начал:

– Бои в Испании, в которых я принимал участие, наглядно показали, что старые тактика и стратегия, которые были во время Империалистической и Гражданской войны, претерпели значительные изменения. С приходом в армию новой техники изменились и способы ведения войн. Особо наглядно это стало видно в Испании, как в боях на открытой местности, так и в условиях города. Теперь одними из главных факторов успеха становятся четкое взаимодействие между родами войск и связь. Не буду акцентировать внимание на всех родах войск, а ограничусь только танковыми войсками.

Во-первых, нам необходимо срочно разработать новые средние и тяжелые танки с хорошей противоснарядной броней. При этом

необходимо не забывать про проходимость и маневренность танков, а также связь, которая играет огромную роль в новых условиях ведения войны. Только своевременная связь перед и во время боя позволит грамотно руководить им и предупреждать экипажи машин о возникших новых угрозах.

Во-вторых, необходимо очень тесное взаимодействие с другими родами войск, и в первую очередь с пехотой. Если в поле танки еще могут действовать самостоятельно, то в населенных пунктах при правильно организованной обороне они становятся легкими мишенями. Простой пример: солдат противника может легко спрятаться среди городских построек, а затем метнуть в наш танк противотанковую гранату или бутылку с зажигательной смесью из-за дома или сверху, если бой идет не в селе, а в городе. Обзор в танке и так сильно ограничен, а в населенном пункте и подавно. Тут без непосредственного сопровождения танков пехотой просто не обойтись. В идеале пехота идет по краям улицы и зачищает дома, а танки огнем своего орудия и пулемета уничтожают опорные пункты противника.

В-третьих, кроме самих танков необходимо разработать целую линейку различных бронированных машин поддержки. Так, на базе тяжелых танков нам необходимы самоходные артиллерийские установки с мощной лобовой броней и орудиями корабельного калибра, в частности 122 и 152 миллиметра. На базе средних танков – истребители танков с орудием калибра 90-100 миллиметров^[6].

Не надо забывать и про легкие танки, в новых обстоятельствах они будут нам интересны только как самоходные платформы. На их базе можно создать различную бронетехнику, к примеру – самоходную зенитку, самоходный тяжелый миномет, легкую самоходную пушку непосредственной поддержки пехоты, транспортно-заряжающую машину, санитарно-эвакуационную, артиллерийский бронированный тягач, боевую машину пехоты.

– Простите, Дмитрий Григорьевич, – перебил меня Шапошников. – Что еще за боевая машина пехоты?

– Это, Борис Михайлович, легкая самоходная машина с малокалиберным орудием и десантным отсеком для пехоты. Мы ведь планируем создать мехкорпуса, вот для них и нужна такая техника. Кроме того, необходима широкая номенклатура и колесной

бронированной техники. Это кроме обычных бронетранспортеров для перевозки пехоты и разведывательные, и зенитные, и транспортно-заряжающие, и санитарно-эвакуационные машины. Не стоит забывать, что без своевременного подвоза топлива и боеприпасов вся бронетехника станет мертвым грузом. Только сбалансированное подразделение сможет эффективно воевать. И не стоит также забывать про инженерную технику: ремонтно-эвакуационные машины и инженерно-строительные также нам необходимы. Как видите, товарищи, для создания полноценного мехкорпуса нам необходимы совершенно разные модели бронетехники, и только все вместе они позволят использовать мехкорпус с максимальной эффективностью.

– Ну что скажете, товарищи? – обратился к собравшимся Сталин. Первым ответил Шапошников.

– По моему мнению, комкор Павлов во всем прав. Проблема только в том, что кроме отсутствия такой техники нет также и достаточных производственных мощностей для ее производства.

– Что скажете, товарищ Павлов?

– Товарищ Сталин, здесь главная проблема именно в недостатке производственных мощностей. Берем танк, убираем башню, вместо нее делаем рубку и получаем самоходку. По автотехнике тоже нет больших проблем, главное – шасси, а бронекузов на его основе можно быстро сделать любой. Тут главное – единая основа, а уже на ее базе можно сделать что угодно.

– Вы согласны с этим, товарищи?

– Да, согласен.

– Согласен.

– Согласен.

– Спасибо вам, товарищ Павлов, за ваш доклад. Вы свободны.

Я вышел из кабинета Сталина, а Ворошилов, Буденный и Шапошников остались. Вроде нормально прошло, по крайней мере Шапошников, которого Сталин уважал, понял правильность моего доклада.

* * *

– Итак, товарищи, что скажете?

– Комкор Павлов во всем прав, товарищ Сталин. С развитием техники и вооружения меняется и тактика со стратегией. Я хоть и не танкист, но тоже понимаю, что одних только танков без вспомогательной техники в новых условиях будет недостаточно.

– Спасибо, Борис Михайлович, а ты, Клим, что думаешь?

– А что тут думать? Павлов прав, я его поддерживаю.

– А ты, Семен?

– Думаю, как просто было в Гражданскую, да и в Империалистическую тоже. Пехота, артиллерия, конница – и все, а теперь... Хорошо, что хоть кто-то сейчас разбирается в новых условиях. Короче, я за, похоже, пора нам, кавалеристам, на покой, будущее за этими жестянками.

На следующий день я все же встретился с Гинзбургом.

– Добрый день, Семен Александрович, проходите, садитесь. Извините, что не смог принять вас вчера, срочный вызов в Кремль, к товарищу Сталину.

– Ничего страшного, товарищ комкор, я все понимаю.

– Давайте без званий, Семен Александрович. Я чего вас вызвал. Хочу вам предложить разработать новый легкий танк, а кроме этого еще и целую серию различных легких бронированных гусеничных машин на его основе.

Я, как и на докладе у Сталина, перечислил Гинзбургу всю номенклатуру желаемых машин.

– Дмитрий Григорьевич, смотрю, у вас большие планы, но боюсь, что мне одному со всем, что вы хотите, не справиться.

– Знаете, Семен Александрович, не так страшен черт, как его малюют. Это только кажется, что тут очень много работы. По сути вам необходимо сделать единую боевую платформу, на основе которой будет уже очень легко сделать все необходимое. Единственное, думаю, вам нужно проектировать технику с передним расположением двигательного отсека. Знаю, это несколько сложнее традиционного, но зато экипаж получит дополнительную защиту в случае поражения в лобовую часть. Или вы можете танк и самоходку сделать классическими, но все же думаю, что лучше расположить двигательный отсек спереди.

– Тогда получится, что лобовая плита будет на болтах, а это ухудшает бронезащищенность.

– Так и так при попадании среднего калибра броня не выдержит, а от малого и болты сгодятся, зато получаем свободную кормовую часть. В любом случае это техника поддержки и в идеале действует только со средними и тяжелыми танками или исключительно против пехоты.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич, я согласен, самому интересно.

– Вот взгляните, я тут сделал небольшие наброски, как я вижу, что нам нужно. Конечно, последнее слово за вами, это чтобы вы имели представление о том, что я хочу получить для нашей армии.

– Я постараюсь.

Гинзбург ушел, а я облегченно вздохнул, теперь остался только Астров для колесной техники и, разумеется, новые автомобильные заводы, без них будем получать в день по чайной ложке. Надеюсь, Сталин сможет решить этот вопрос, главное, чтобы он все же смог его продать, а пиндосы... Уж больно аппетитная наживка для них будет, 200–300 процентов прибыли и сам заказ очень солидный. Вот с немцами сложнее. Могут и не клюнуть, хотя я очень надеюсь, что жадность победит.

Наконец пришел и Астров, осталось решить вопрос с колесной бронетехникой.

– Добрый день, Николай Александрович, проходите, садитесь и давайте, как говорили в царской армии, без чинов.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич. Честно говоря, я теряюсь в загадках по поводу моего вызова к вам.

– Понимаю, но дело в том, что я хочу поручить вам разработку целой серии легкой колесной бронетехники.

– Извините, но я разрабатываю гусеничную технику, и у меня есть работа. Думаю, вам лучше поручить это кому-нибудь другому.

– Жаль, очень жаль, Николай Александрович, но, как говорится, насильно мил не будешь, придется искать другого человека.

– Еще раз извините, Дмитрий Григорьевич, но колесная техника – не мой конек.

– Хорошо, Николай Александрович, я вас понял, не буду больше задерживать, можете идти.

Жаль, что Астров не согласился. Конечно же, мстить ему или еще как пакостить я не буду, не тот я человек. Да и зачем заставлять делать ответственное дело из-под палки. Вопрос только в том, кому поручить это дело? И тут я вспомнил, что незадолго до смерти «в той жизни»

мне попалась одна книжка про попаданца. В ней он был танкостроителем, и когда ему понадобилось разработать автомобильную бронетехнику, то у него точно так же ничего не получилось с Астровым, тогда он заменил его молодым конструктором Грачевым с Горьковского автозавода. Если у того попаданца – героя книги получилось, то почему не получится у меня? К тому же Грачев – чистый автомобилист. Решено! Позвонив секретарю, велел ему найти на Горьковском заводе конструктора Грачева и вызвать его ко мне, а также собрать краткую справку по нему.

Грачев прибыл через неделю, и я сразу его принял.

– Добрый день, Виталий Андреевич, проходите, садитесь и давайте общаться без чинов, зовите меня просто по имени-отчеству.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич.

– Вы, наверное, гадаете, зачем такому человеку, как я, понадобился обычный конструктор с автомобильного завода.

– Есть такое, Дмитрий Григорьевич.

– Дело в том, что мне понадобился человек, который сможет разработать целую линейку различной колесной бронетехники. Не стану скрывать, я хотел поручить это дело товарищу Астрову, но он отказался, сказал, что занимается гусеничной техникой. Настаивать я не стал, раз он не хочет, то заставлять его не стоит. А потом случайно узнал про вас, что вы, можно сказать, фанатик автомобильного транспорта^[7].

– Дмитрий Григорьевич! Да я с огромной радостью займусь этим делом! Что вам нужно?

– Значит так, Виталий Андреевич, мне нужна целая линейка различной автомобильной бронетехники, но могу вас успокоить, вся она должна быть разработана на базе единой платформы. Это не только упростит ее разработку, но и позволит делать различные машины на единой основе, вернее, основ будет две, двух- и трехколесные шасси. Вот смотрите, мне нужны следующие бронемашины...

И вот еще что, пока это еще предположительно, но вполне возможно, что в следующем году у нас в стране будут построены несколько новых автомобильных заводов. Строить будут американцы, также нам дадут лицензию на выпуск нескольких вариантов грузовиков разной грузоподъемности. У товарища Сталина есть такие

планы, но пока еще нет никаких договоренностей, и все еще может сорваться.

Распространяться об этом не надо и пока начинайте работать на базе ЗИС-5 и ЗИС-6. Думаю, если с новыми заводами все получится, то вам потом не составит труда заменить на бронекузовах шасси с наших ЗИСов на американские модели. И вот еще что, колеса делайте односкатными и более широкими. А нужно мне следующее...

Я снова рассказал Грачеву все, что мне было нужно, и добавил, что будет лучше, если в армии будут не обычные грузовики, а полубронированные.

– Это как, Дмитрий Григорьевич?

– Очень просто, бронированными у них будут только кабина и моторный отсек, слишком это машину не утяжелит, зато двигатель и водитель будут защищены.

– Интересное решение, хорошо, я сразу приступаю к работе, вот только если, как вы говорите, за основу будут взяты ЗИСы, то я-то работаю на ГАЗе.

– Ничего страшного, возьмете несколько шасси от ЗИСа и будете у себя работать над ними. Если с американскими заводами все получится, то потом перейдете на один из них и уже там будете работать дальше. С вашим руководством я свяжусь, они окажут вам всемерную поддержку и закажут несколько комплектов ходовой с завода имени Сталина.

– Дмитрий Григорьевич, не сомневайтесь, я вас не подведу.

– Надеюсь! Ах да, чуть не забыл, на Ярославском автомобильном заводе в 1932 году был разработан четырехосный грузовик ЯГ-12, к сожалению, в серию он не пошел. Съездите туда и узнайте, сохранилась у них документация на него или нет. Если сохранилась, то заберите или снимите копию, если нет, то постарайтесь восстановить, что можно. Работники завода, что его проектировали и строили, вам помогут. На базе этого автомобиля необходимо сделать полноприводный четырехосный бронетранспортер, если получится, то плавающий. Вооружите башней с пулеметной спаркой из обычного и крупнокалиберного пулеметов и десантным отсеком на десяток бойцов. Вот теперь все, Виталий Андреевич.

Окрыленный Грачев ушел, этот фанатик все сделает, чтобы выполнить мое задание. Пока, как говорится, пусть тренируется на

кошечках. Переделать бронекорпус под новое шасси особой проблемы не составит, главное, чтобы у Виссарионыча с пиндосами все срослось, тогда проблем с шасси для бронетранспортеров у нас не будет, да и с грузовиками для армии тоже. ГАЗ и ЗИС пойдут в народное хозяйство, а американцы – в армию, может, еще и с немцами получится... Кто знает, будем надеяться. Но в любом случае, даже если и не выгорит с пиндосами и колбасниками, то, по крайней мере, хоть сколько-то бронетранспортеров на базе ЗИС-5 и ЗИС-6 мы получим.

Глава 3

Да, можно сказать, что программу минимум я выполнил, хотя, как читал в книгах, Высоцкого не пел, Хруща в сортире не мочил, командирскую башенку пока не внедрил и калаш с промежуточным патроном не изобрел. Увы, увy, увy... Но с другой стороны, смог выбить создание целой линейки различной легкой и тяжелой бронетехники. Кстати, насчет командирской башенки, она будет и на Т-34, и на КВ. Вот как сами танки спроектируют, то сразу с ней, так что в принципе как раз насчет нее можно смело ставить галочку, выполнено. Говорить о калаше рано пока, не готовы мы еще к его производству, хотя я его знаю, как поп «Отче наш». Вот насчет промежуточного патрона, так есть у меня кое-какие задумки, вжился в роль, разгреб самое необходимое, теперь можно и следующий шаг делать.

За последнее время я полностью сжился с произошедшим и с эпохой, в которую попал. С семьей тут, слава Богу, тоже все в порядке. Если честно, не ожидал, что она станет для меня родной, но вот воспринимаю ее как свою, и очень этому рад. Кстати, жена начала ворчать, что я ее совсем заездил. А что вы хотели? Я из 68-летнего старика попал в пускай и в немолодое, но и не в старое тело, а для меня и 40 лет – молодой!

Как приятно было начинать каждое утро с зарядки, а не с приема таблеток. Давление не капризничает, спина не болит, суставы не ноют, лепота. Есть у меня подозрение, что, вселившись в это тело, я его немного оздоровил, по крайней мере, в отношении мужской силы точно.

Тут как раз выходной настал, и я после завтрака повел всех в Московский зоопарк. Дети были в восторге, да и жена тоже. Вволю нагулявшись и наевшись вкуснейшего мороженого, пообедали в ресторанчике и, решив продолжить хороший отдых, отправились в цирк. Как раз попали на представление. Семья была очень довольна, давно уже мы так дружно не отдыхали, все дела. Но, как говорится, делу время – потехе час, надо дальше «прогрессорствовать».

21 ноября 1937 года, Москва

Вот я и начальник ГАБТУ, теперь могу более свободно распоряжаться своим временем и у меня уже есть дело, которое надо решить. Нет, не угадали, пришла пора заняться стрелковым оружием. Я досконально знал все стрелковое оружие России, не просто из него стрелял, а все его неоднократно разбирал и собирал.

Вот и решил съездить на оружейный завод... Снова не угадали, не в Тулу, а в Ковров, ибо именно там работали нужные мне специалисты. В Туле работал Токарев, а мне нужны был Симонов и Шпагин. К сожалению, Судаев в это время учился в Горьковском индустриальном институте, так что простите, уважаемый товарищ Судаев, но не судьба вам теперь сделать свой автомат, он уже сейчас нужен, а не через шесть лет. Вот Дегтярев, Симонов и Шпагин работали в Коврове на оружейном заводе, поэтому именно туда я и отправился.

Хорошо быть начальником, хотя и надо мной есть начальство, но такие небольшие командировки на несколько дней можно организовать без всяких согласований. Я заранее распланировал все так, что на эти необходимые мне для поездки дни никаких совещаний у меня в управлении не будет.

Разумеется, кроме этого сделал и наброски оружия, а вот дальше дело уже за оружейниками, я им только идею дам, что им нужно делать, а дальше сами. Тут ведь не только в схеме дело, но и в размерах, а главное, в материалах, из которых будут делать оружие, и в технологическом процессе. Не зря ругали китайцев за паршивое оружие: схему и устройство скопировали, а правильные стали и технологию производства – нет, вот и штамповали всякую дрянь.

На оружейный завод я прибыл в полдень. Пройдя к директору, попросил встречу с нужными мне конструкторами. Директор завода охотно пошел мне навстречу и даже выделил свой кабинет. Благо, что у него самого не было в это время дел.

– Добрый день, товарищи, проходите. Если кто не знает, то я – комкор Павлов Дмитрий Григорьевич, начальник Главного автобронетанкового управления. Вы, наверное, спросите, зачем вас позвали ко мне, ведь вы – конструкторы-оружейники и к автобронетехнике не имеете никакого отношения, но это не совсем так. Приказывать вам я не могу, вы не являетесь моими подчиненными, но у меня есть для вас задание, которое, надеюсь, вас заинтересует. Вот

здесь, – при этих словах я показал на папку с документами в своих руках, – находятся наброски стрелкового оружия. Итак, начнем по порядку.

– Василий Алексеевич, – обратился я к Дегтяреву. – Вы сделали очень неплохой ручной пулемет, но для моих целей он нуждается в модернизации. Мне нужен единый пулемет с ленточным питанием, который сможет одновременно использоваться и в технике, и как ручной пулемет, и как станковый, и как зенитный. Я тут прикидывал, вот смотрите, оставляем съёмные сошки и делаем универсальное крепление и под пехотный, и под зенитный станок, а также ставим механизм ленточного питания. Вот вам мои наброски, как это сделать, ознакомьтесь.

Теперь вы, Сергей Гаврилович, я знаю, вы работаете по автоматической винтовке и даже сделали достаточно неплохой образец, АВС-36, но при стрельбе очередями его постоянно клинит, да и стоимость с технологией производства оставляют желать лучшего. Я предлагаю вам сделать хоть и не автоматическую, но самозарядную винтовку со съёмным двадцатизарядным двухрядным магазином. Вот наброски.

И наконец, Георгий Семенович, для вас автомат, или, как его еще называют – пистолет-пулемет.

Полностью из металла и с максимальным использованием штамповки.

Теперь поясню, почему именно я приехал к вам с таким заказом. Командование Красной армии планирует создать мехкорпуса, в которых будут вместе бронетехника и пехота. Сами должны понимать, это уже в какой то мере входит в мою компетенцию, а кроме того, я заинтересован в личном оружии танковых экипажей.

Одних револьверов для этого мало, экипажам требуется многозарядное, скорострельное и компактное оружие, и автомат со складным прикладом будет самое то. Да и пулемет, который можно вытащить из танка, присоединить к нему сошки и использовать как ручной или, поставив на соответствующий станок, как станковый или зенитный. А танковому десанту тоже пригодятся универсальный пулемет и самозарядные винтовки.

Кроме того, как только вы закончите эту работу, предлагаю вам заняться разработкой промежуточного патрона с проточкой вместо

ранта. Слышал, что у вас проблемы с автоматикой из-за избыточной мощности патрона; вот такой промежуточный патрон и позволит избавиться от них, заодно будут экономиться металл и порох.

Надо ли говорить, что все конструкторы согласились. Конечно, были вопросы, откуда чертежи, но я смог общими фразами замять этот довольно скользкий вопрос. Главное, что самое позднее следующей весной это оружие начнут испытывать, а я постараюсь его протолкнуть. На очереди были еще противотанковые ружья, но их я решил оставить на потом, когда конструкторы сделают стрелковое оружие.

Довольный, я уехал назад в Москву, а там решилось и еще одно важное, но довольно скользкое дело. Прийти к товарищу Сталину и сказать, что, например, вот тут есть нефть, вы не сомневайтесь, товарищ Сталин, голову даю в заклад, я не мог, а бензин и другие нефтепродукты были очень нужны. Перед самым Новым годом нас с женой пригласили в гости, вернее, это жену пригласили, и вот там среди гостей я случайно встретил геолога. Разговор получился совершенно случайно, и я, узнав, что гость геолог, дождался удобного момента, когда он остался один, и завел с ним разговор.

Дело в том, что пришлось мне послужить в свое время в Татарстане, и я прекрасно знал, где там есть нефть. Вот и назвал геологу три месторождения нефти, откуда наиболее удобно ее добывать из расчета доступности. Разговор прошел достаточно тяжело, но я смог убедить геолога в следующем году провести там изыскания. Ему по большому счету было все равно, куда отправляться с экспедицией, а тут практически конкретные места и достаточно доступные. Еще, к обоюдному удовлетворению договорились, что если он там что-то найдет, то это будет только его открытие, и я к нему не буду иметь никакого отношения. Понятно, что намного выгодней быть единственным первооткрывателем стратегического месторождения, чем хотя бы партнером. Тут все плюшки достанутся исключительно геологу. Но и мне хорошо, что лишнего внимания не привлеку к себе, иначе как объяснить начальству свое знание, где следует искать нефть.

А затем мы праздновали Новый год, и тут жена преподнесла мне сюрприз, сообщив, что она беременна. У меня будет ребенок, мой ребенок, я полностью сжился с новым телом и был очень рад этой

новости. Я и так воспринимал детей как своих, а сейчас почувствовал это с новой силой.

Наступил новый год, служба шла хорошо, а в феврале я случайно узнал, что Сталин все же смог договориться с американцами, и в Ярославле, Сталинграде, Горьком и Челябинске строят автомобильные заводы. На них будут выпускать десять моделей грузовиков грузоподъемностью от одной до двенадцати тонн. Детали сделки прошли мимо меня, но в любом случае оно того стоило.

Кстати, Грачев порадовал меня раньше всех, он сделал два базовых бронетранспортера на базе ЗИС-5 и ЗИС-6, ну и я его тоже порадовал сообщением, что скоро у нас заработают четыре новых больших автозавода. Придется ему через полгода переделывать бронекузова под американские грузовики. А вот с немцами пока глухо, но это уже не критично, по крайней мере, три автозавода окажутся за пределами немецкой досягаемости, да и про Сталинград еще неизвестно, надеюсь, теперь удастся не пустить немцев к нему. В любом случае со следующего года мы будем ежегодно получать минимум полмиллиона грузовиков и бронетранспортеров для армии, так что в течение нескольких лет проблема будет решена.

К слову говоря, весной Сталин все же смог дожать немцев. Видимо, узнав, что у нас и так строятся четыре американских автозавода, Гитлер понял, что два немецких уже не сделают погоды, зато Германия получит необходимые ей ресурсы, а позже эти два автозавода все равно достанутся ему, так как их строительство планировалось в Харькове и Николаеве. Вот как раз немецкие грузовики и будут использоваться исключительно для транспортировки грузов.

3 марта 1938 года, Москва

Грачев привез в Москву 9 машин. На базе двухосного ЗИС-5 он сделал четыре машины, взяв за их основу набросанный мной старый добрый БТР-40. В том числе была бронированная командирская машина для высшего начальственного состава нашей армии, я специально ее заказал Грачеву, не хотел, чтобы многие наши командиры разделили судьбу генерала Ватутина^[8].

Кроме нее, собственно, БТР-40, правда, не открытый, а с крышей, и такой же, но с пулеметной башней, и открытую машину с зенитной

турелью для крупнокалиберного пулемета. Другие были на базе ЗИС-6 и походили на БТР-152. Также классический БТР-152, но с крышей, с пулеметной башней, открытый с зенитной турелью под ШВАК, КШМ, и транспортно-заряжающая.

Вся техника прибыла в Кубинку, на наш полигон, вот там я всю ее и облазил. Выстроенные в ряд, машины сразу бросались в глаза, и в первую очередь своими прямыми, рублеными линиями. Все бронеавтомобили, которые уже были в армии, отличались закругленными формами и, честно говоря, не смотрелись, взять хотя бы пулеметный броневик БА-20. Конечно, внешний вид не главное, но тут он хорошо сочетался с бронезащитой за счет более рациональных углов наклона брони.

– Ну как, Дмитрий Григорьевич, нравится?

– Просто нет слов, Виталий Андреевич. Вы молодец, сделали именно то, что я хотел. Кстати, хочу вас обрадовать: похоже, скоро вам придется переделывать всю технику под новое шасси.

– Получилось с новыми заводами?

– Насколько я слышал, да, но пока не знаю, когда их построят, и что именно будут выпускать, но как только узнаю, сразу вам сообщу. А что слышно по ЯГ-12?

– Сама машина, оказывается, уже списана и утилизирована в прошлом году, а документация на нее потеряна^[9].

Правда, я нашел главного разработчика грузовика, товарища Литвинова. Переходить на мой завод для работы по его грузовику он отказался, но помог восстановить по нему техническую документацию. Сейчас я как раз приступаю к работам по нему, раньше просто не было времени, был сильно занят созданием обычных бронемашин.

Ждать Грачеву пришлось недолго, буквально на следующий день меня вызвал к себе Сталин.

– Добрый день, товарищ Павлов, проходите, у меня для вас хорошие новости.

– Добрый день, товарищ Сталин. Вы насчет автозаводов?

– Да, переговоры в Америке увенчались успехом. Американцы построят нам четыре автомобильных завода. В Ярославле, Сталинграде, Горьком и Челябинске.

– А какая фирма? Или их несколько?

– Мы договорились с фирмой White, у них большой выбор техники, и ее охотно использует американская армия. А у вас есть новости для меня?

– Да, товарищ Сталин, есть, как раз хотел сам проситься к вам на прием.

– И что за новости?

– Буквально позавчера в Москву приехал товарищ Грачев, автоконструктор Горьковского автомобильного завода. Он по моему заданию проектировал колесную бронетехнику и привез первые экземпляры, сделанные на базе отечественных ЗИС-5 и ЗИС-6.

– Это не создаст проблем при переходе на американские грузовики?

– Нет, товарищ Сталин, не создаст. Просто бронекорпус будет изменен под размеры американских моделей, там нет ничего особо сложного.

– А где сейчас экспериментальные модели?

– На полигоне в Кубинке.

– А давайте съездим туда и посмотрим, их ведь по вашим наброскам делали?

– Да, товарищ Сталин.

В Кубинку мы приехали уже вечером, но было еще светло и ничто не помешало нам осмотреть бронемашины. Они стояли в ряд, а рядом с ними – их экипажи, которые их испытывали. Сталин сначала не торопясь прошелся вдоль всего ряда бронемашин, а затем стал осматривать их изнутри, тем более что Грачев сделал удобный доступ в машины. После этого экипажи, заняв свои места, поехали по полигону, показывая проходимость своих машин. Они достаточно уверенно преодолевали все препятствия. Полный привод и широкие колеса обеспечивали хорошую проходимость, и все машины без особых проблем прошли весь участок на наших глазах. Сталин остался очень доволен как проходимостью, так и внешним видом. Все же они сильно отличались в лучшую сторону от ныне существующих бронеавтомобилей. В Кремль мы возвращались тоже вместе.

– Спасибо вам, товарищ Павлов, под вашим руководством сделали отличные бронеавтомобили. Кстати, немцы, похоже, все же согласятся на наше предложение. Мы предложили им построить заводы в

Харькове и Николаеве, там развитая промышленность и транспорт. Думаю, до осени этот вопрос окончательно решится.

– Товарищ Сталин, можно заказать в Америке грузовики фирмы White?

– Зачем? Мы ведь скоро построим их заводы.

– Не хочу терять время зря. Пока еще построят, думаю, что пройдет не меньше года, а пока товарищ Грачев сможет изменить бронекорпуса под новую ходовую. Зато, как только заводы будут построены, так сразу можно будет приступить к производству броневых автомобилей.

– Хорошо, товарищ Павлов, вам нужны образцы всех моделей?

– Нет, на тонну, три и шесть.

– Закажем.

– И, пожалуйста, сразу товарищу Грачеву в Горький.

* * *

Я поехал из Кремля сразу домой, уже было достаточно поздно, и возвращаться в управление не имело никакого смысла.

– Папка!

Маленький вихрь повис на моей шее, а я подхватил и закрутил маленькую Аду. За прошедшее время я окончательно вжился в свою новую жизнь и в это время.

17 марта 1938 года, Москва

– Дмитрий Григорьевич, – раздалось в телефонной трубке. – Звонил товарищ Кошкин, он хочет приехать и показать чертежи, говорит, что черновой набросок танка готов.

– Петр Николаевич, назначьте ему на 21 марта.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич.

Кошкин приехал с предварительными чертежами, и мы вместе стали их изучать, вернее это я изучал, а Кошкин и так прекрасно их знал.

– Михаил Ильич, я смотрю, у вас тут люк мехвода находится в лобовой плите, но это ослабляет ее, делает ахиллесовой пятой. Конечно, попасть в люк достаточно сложно, но тем не менее вполне

возможно. Благодаря тому, что поперечное расположение двигателя уменьшило моторный отсек, башня сдвинулась к середине, и теперь вполне возможно сделать люк мехвода сверху.

– Хорошо, люк перенесем, а в остальном?

– Только не делайте его прямо под орудием, сдвиньте его вбок, а больше вроде никаких нареканий я не нашел. Разве что добавьте еще одну вещь: надо в обязательном порядке изнутри на всю броню наваривать лист обычного железа миллиметровой толщины.

– Зачем?

– Для защиты экипажа и оборудования от сколов собственной брони. При попадании снаряда, даже если нет пробития броневой плиты, вполне возможны сколы внутренней брони, вот этот тонкий лист обычного железа, который наварят изнутри, и защитит экипаж и оборудование танка. Скажите, Михаил Ильич, вы не общались с танкистами?

– Нет.

– Зря, пообщавшись с ними, вы смогли бы многое узнать. Знаете, когда я понял, что нам нужны новые танки с противоснарядной броней, дизельным двигателем и мощным орудием?

– Нет, Дмитрий Григорьевич?

– После моей командировки в Испанию. Когда я там покомандовал и увидел, что наши танки горят как спички. Именно тогда я понял, что они устарели и будущее за средними танками, они непременно должны составить основу нашей бронетанковой мощи.

– А тяжелые танки?

– Они тоже нужны, но в гораздо меньшем количестве.

– Не буду спорить. На внесение изменений мне потребуется максимум неделя, и потом я готов приступить к производству опытных образцов.

– Это хорошо, сделайте пять экземпляров. И еще, чуть не забыл: что с орудием?

– Согласно нашему заказу, товарищ Грабин адаптировал свое орудие Ф-22 под танковую версию.

– Длина ствола?

– Пятьдесят калибров.

– Отлично, тогда жду вас через два месяца вместе с опытными экземплярами, и не забудьте сделать еще противотанковую самоходку,

пока с этим орудием, но позже необходима пушка калибра 90-100 миллиметров.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич, сделаю.

А спустя неделю отзвонился Гинзбург с сообщением, что он не только закончил с разработкой порученной ему техники, но даже произвел ее в двух экземплярах каждую.

2 апреля 1938 года, Москва

– Здравствуйте, товарищ Сталин, комкор Павлов беспокоит. Товарищ Гинзбург из Ленинграда привез на показ сделанные им самоходки, их вчера разгрузили с эшелона и перегнали в Кубинку.

– Здравствуйте, товарищ Павлов, это хорошо. Как вы смотрите, если мы с вами туда сегодня съездим посмотреть их?

– Крайне положительно. Товарищ Гинзбург сейчас как раз ждет меня, чтобы лично все показать и рассказать.

– Вот и хорошо, подъезжайте в Кремль, вместе и поедем.

– Выезжаю, товарищ Сталин.

Положив трубку телефона, я вышел в приемную, где в этот момент кроме Петра Николаевича, моего секретаря, сидел и Валера Левашов, мой ординарец.

– Валера, машину к подъезду, сейчас срочно едем сначала в Кремль, а там присоединяемся к товарищу Сталину и едем в Кубинку.

К тому моменту, как я спустился вниз, у подъезда уже стояла моя машина, причем не старая «эмка», а уже новая БКМ, бронированная командирская машина. После того как Грачев привез на показ свои машины, я, пользуясь своим служебным положением, самым наглым образом отжал ее в свое пользование. Ее все равно ведь испытывать надо, вот и испытаю, а внешне она очень сильно напоминала наш «Тигр», правда, мощность и начинка гораздо хуже, а что вы хотели, все согласно нынешним технологиям. Сев на заднее сиденье, закрыл дверь, а в это время Валера заскочил на переднее, рядом с водителем, и мы тронулись. Езды буквально пять минут, если просто на доклад к товарищу Сталину, то лучше было прогуляться пешком, но поскольку надо ехать в Кубинку, то тут без вариантов, только на своей машине.

К тому моменту, как я подъехал, из ворот выехал кортеж Сталина из трех машин, его и две «эмки» охраны. Надо, кстати, посоветовать Власику поменять «эмки» на Б КМ, и охраны в них поместится

больше, как-никак. Она на 7 человек рассчитана: двое – спереди, трое – сзади и еще два человека охраны – в заднем отсеке. Да и сами машины бронированы, в случае заварухи за машиной вполне спрятаться можно, она и от пулемета защитит. Пока же я просто влился в кортеж. Власик, видимо, был предупрежден, так как замыкающая «эмка» приотсталала, явно показывая, куда моей машине надо встать. Ехали часа полтора и около пяти вечера въехали на полигон, где нас уже встречали. В сопровождении начальства и охраны вышли на плац, где и стояла техника.

Вот Гинзбург, вот ухарь! Этот прохвост абсолютно всю технику сделал под один стандарт. Я-то думал, что танк он сделает по классической схеме, как я ему и набросал, а он абсолютно всю технику сделал с передним расположением моторного отсека. Танк Т-50 не походил на самого себя, вернее на тот танк, который я знал. Башня переехала в кормовую часть корпуса, а вместо стандартной пушки 20-К стояла ее модернизированная версия с длиной ствола в 65 калибров, но с учетом того, что башня значительно сдвинулась назад, то почти трехметровый ствол лишь незначительно выступал впереди танка. Просматривая ТТХ танка, я лишь удовлетворенно кивал: вес вышел в 15,3 тонны, и это при толщине лобовой брони в 45 и бортовой в 30 миллиметров, что для этого времени и этого класса танка было просто замечательно^[10].

При этом переднее расположение моторного отсека давало экипажу танка дополнительную защиту. После того как снаряд противника пробьет лобовую броню, перед ним будет двигатель, а за ним – 10-миллиметровая внутренняя переборка моторного отсека. Танк что, железака, их еще наклепать можно будет, а вот обученный и опытный экипаж за пару месяцев не подготовишь.

Кроме Т-50 стояла КШМ, она имела немного удлиненный по сравнению с танком корпус и с двумя гибкими антеннами и одной телескопической, а кроме того, над корпусом торчали рога стереотрубы. Еще одна полностью закрытая, с красным крестом на бортах, и такая же, но без них. Это оказалась транспортно-заряжающая машина для подвоза боеприпасов и топлива. Еще была машина с небольшой пулеметной башней из спарки ДК и ДТ и десантным отсеком. Затем пошли машины с открытой рубкой, знаменитая самоходка поддержки пехоты СУ-76, та самая, которую в войсках

прозвали «Голожопый Фердинанд». Затем были две с зенитными турелями, на одной стоял 20-миллиметровый ШВАК, а на другой спарка 12,7-миллиметровых ШВАКов^[11].

И завершала этот ряд еще одна самоходка с открытой рубкой, в которой стоял 82-миллиметровый миномет БМ 36. К сожалению, 120-миллиметровый ПМ 38 еще не создан, хотя уже на подходе и впоследствии именно он и заменит БМ 36. Всего 9 машин, и если Т-50 имел бронирование в 45 миллиметров лоб и 30 – борт, то остальные машины имели 25 миллиметров лобового бронирования и 15 – бортового при весе примерно в 10–11 тонн.

Сначала Гинзбург подробно рассказал нам про каждую машину, ее ТТХ и для чего она нужна. Мы еще и залезали в них, чтобы рассмотреть изнутри, а потом по команде в них забрались экипажи, и они дружно рванули по полигону, показывая свою проходимость. Машины с легкостью преодолели все препятствия, правда, стрельб не было, но они сейчас были не нужны. Сталин остался очень доволен, армия должна была получить их после того, как наладят производство, большой спектр различной бронетехники. По крайней мере, наша пехота, с учетом и колесной техники, будет иметь разнообразные бронированные машины поддержки. С такой техникой планируемые мехкорпуса действительно будут мехкорпусами.

– Спасибо, товарищ Гинзбург, вы сделали большое дело для всей нашей страны и армии. Теперь осталось только запустить это все в производство.

– Товарищ Сталин, но пока не было госприемки, это опытные, экспериментальные образцы.

– Товарищ Гинзбург, думаю, госприемка не будет к вам придирается. Ведь так, товарищ Павлов?

– Лично я буду голосовать за принятие всей этой техники на вооружение. Товарищ Гинзбург отлично выполнил мой заказ, но ведь в приемной комиссии будут и другие товарищи.

– Думаю, они тоже примут эту технику. Спасибо вам, товарищ Гинзбург, а к вам, товарищ Павлов, у меня еще будет разговор. Давайте вернемся в Кремль.

Мы расселись по машинам и поехали назад, а по приезде я прошел вслед за Сталиным в его кабинет.

– Товарищ Павлов, что вы имели в виду, когда говорили про прием этой техники на вооружение?

– Товарищ Сталин, к сожалению, прием на вооружение новой техники зависит не от меня одного. В комиссии по приемке разные люди, и не все они понимают значимость той или иной техники, особенно, если это не по их профилю. Лично меня все устраивает, товарищ Гинзбург сделал все, что я от него хотел, и в свою очередь на приемке я приложу все усилия для того, чтобы эту технику приняли на вооружение.

– Хорошо, товарищ Павлов, я вас понял, не волнуйтесь, проблем с приемом не будет.

– Спасибо, товарищ Сталин.

Когда я вышел от Сталина, то в его приемной столкнулся с Власиком, еще не генералом, а майором госбезопасности, что соответствовало армейскому полковнику.

– Николай Сидорович, добрый день! Есть пара минут для меня?

– Здравствуйте, Дмитрий Григорьевич, пять минут найду

– Вот и отлично. Вы мою новую машину видели?

– Да, необычная машина.

– Я это к чему говорю, вы только не подумайте, что я хвастаюсь. Хотел вам порекомендовать такие машины в вашу службу. Она пока выделяется на фоне остальных машин, но это ненадолго. Зато, во-первых, она бронирована, а во-вторых, рассчитана на семь человек. Думаю, вам понравятся такие машины, как раз для сопровождения. Как только построят новые американские заводы, так сразу их начнут выпускать на базе американских грузовиков. Вы подумайте, не дай Бог что случится, а с такими машинами у ваших людей больше шансов выжить.

– Спасибо, Дмитрий Григорьевич, я подумаю, наверное, вы правы. А сейчас их можно получить?

– Обратитесь к товарищу Грачеву с Горьковского автозавода, это он ее сделал на базе ЗИС-5. Думаю, для него не проблема сделать для вас несколько таких машин. Можете пока их обкатать, а потом заменить на американские, там двигатели мощнее.

– Обязательно, Дмитрий Григорьевич, еще раз спасибо и всего вам хорошего.

Глава 4

2 апреля 1938 года, Кубинка

Сегодня я приехал в Кубинку с самого утра, и хотя Сталин четко дал понять, что вся представленная здесь неделю назад техника ему понравилась, но меня все равно бил мандраж. Хотя я и не конструктор, но ее делали по моему заказу, и я был крайне заинтересован в принятии ее на вооружение Красной армии. В членах комиссии были Ворошилов, Буденный, Шапошников, Кулик и я. В принципе я понимал, что все кроме Кулика точно проголосуют за принятие техники на вооружение, а вот что решит Кулик – неизвестно. Это был известный хам и самодур, и только то, что он во время Гражданской войны воевал в Царицыне вместе со Сталиным, позволило ему сделать такую карьеру. Гинзбург, конечно же, тоже был здесь, как-никак, а он главный конструктор, по положению обязан быть тут, и было видно, как он волнуется.

– Семен Александрович, не волнуйтесь, главное, что ваши машины понравились товарищу Сталину.

Гинзбург только благодарно кивнул мне. Вот выстроившиеся в ряд машины дружно взревели моторами, разом развернулись и двинулись по бездорожью полигона. Сначала они показали свою хорошую проходимость, а затем были стрельбы. Мне понравилось, другим, судя по всему, тоже, только Кулик прицепился к орудию Т-50. Почему оно такое длинное, и почему это не согласовали с ним.

– Григорий Иванович, зачем с вами согласовывать? Орудие создано по моему заказу, именно такое, какое мне нужно, и ставиться оно будет на танки. Так в чем проблема? Лично товарищу Сталину неделю назад все понравилось, он даже и тени сомнения не высказал на счет принятия всей этой техники на вооружение.

Услышав, что Сталину все понравилось, и он не сомневается в принятии бронетехники на вооружение, Кулик сразу сдулся, так что комиссия приняла всю технику на вооружение, а я, подойдя к Гинзбургу, лишь сказал:

– Ну вот, Семен Александрович, и все, а вы боялись, даже платье не помялось.

– Вы о чем, Дмитрий Григорьевич?

– Да шучу я, говорю, что все хорошо, технику на вооружение приняли, теперь надо налаживать ее производство.

– Наладим, но пока не знаю где. На Кировском заводе делают тяжелую бронетехнику, на заводе Ворошилова производят Т-26.

– Давайте в Ленинграде, на заводе номер 174, в Сталинграде и Харькове. ВТ и Т-26 устарели, их надо снимать с производства. Вы пока начинайте готовиться, а я пробью этот вопрос наверху.

На этом мы и распрощались, а спустя месяц в Кремле состоялось большое совещание у Сталина, где я и поднял этот вопрос, а кроме того мне удалось совершенно случайно встретиться там с Поликарповым. Ни знатоком, ни фанатом авиации я не был, но вот мой сын – другое дело, и именно от него я и узнал кое-какие подробности касательно наших истребителей предвоенной поры. Используя эти знания, я попытался кое-что посоветовать Поликарпову, раз случайно его встретил на совещании.

– Добрый день, Николай Николаевич! Найдется пять минут для меня?

– Товарищ Павлов?

– Да, Николай Николаевич, Павлов Дмитрий Григорьевич.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич, что вы хотели?

– Николай Николаевич, вы только не подумайте, что я вас учу, просто после моей командировки в Испанию появились кое-какие мысли. Возможно, они вас заинтересуют, а мой интерес прост: я хочу иметь надежный зонтик над своими коробочками во время боя, а вот этот зонтик уже будет зависеть от вас, от тех самолетов, что вы сделаете.

Не буду касаться тактики их применения, это не ваша епархия, а вот по самим самолетам есть что сказать. Я тут краем уха слышал, что вы разрабатываете новый истребитель и у вас проблемы с двигателем. Возможно, вам лучше применить мой метод, я сейчас приказал разработать бронетранспортеры на базе наших грузовиков, а как пойдут в серию американские, так сразу кузова переделают под них.

К чему это я, на вашем месте я взял бы уже хорошо отработанный двигатель и сделал самолет на его основе, но с возможностью модернизации под новый двигатель. Слышал, товарищ Яковлев – еще та акула, любая неудача у вас будет ему выгодна, а в самолете главное

– двигатель. Сделайте прототип на надежном двигателе и запустите его в серию, зато потом будет намного легче внедрить его модернизированный вариант.

И еще, в Испании многие летчики жаловались, что они весь боекомплект в противника выпустят, а толку мало, а все потом, что их истребители вооружены одними ШКАСами, особенно это было видно на бомбардировщиках. Ругались почему зря и жалели, что нет пушек или хотя бы крупнокалиберных пулеметов. Вы бы сами пообщались с нашими пилотами, что воевали в Испании, они вам много интересного расскажут.

И напоследок, сейчас новое время и новая тактика, и она показывает, что без качественной связи что летчики, что танкисты, что пехотинцы и другие рода войск будут проигрывать противнику имеющему связь, поэтому самолет без радиации – это не самолет.

– Спасибо, Дмитрий Григорьевич, я подумаю над вашими словами.

Когда на совещании в Кремле к нему подошел этот танкист, которого он даже не сразу вспомнил, то сначала Поликарпов хотел прервать разговор, но поскольку танкист говорил уважительно и действительно высказал идею, которую стоило обдумать, то он выслушал его до конца. А его предложение интересное, тем более что Яковлев действительно своего не упустит. А проблемы с его И-180 были, и именно с двигателем.

И-180, одномоторный истребитель Поликарпова, создавался перед войной, на нем планировали поставить двигатель М-88. Именно на этом самолете разбился 15 декабря 1938 года Чкалов во время первого испытательного полета. Кстати, с этой катастрофой не все чисто, 2 декабря на собранной машине было выявлено 190 дефектов. Н. Н. Поликарпов протестовал против ненужной гонки при подготовке И-180 к первому вылету, ввиду чего был отстранен от этих работ.

7 декабря И-180 вывезли на аэродром; 10 декабря В. П. Чкалов произвел рулежку самолета по земле, при которой мотор часто глох; 12 декабря при повторной рулежке сломалась тяга управления газом мотора.

13 декабря Поликарпов представил программу испытаний И-180: полетное задание предписывало совершить пробный полет по кругу в течение 10–15 минут без уборки шасси. Впоследствии, после

тщательного осмотра всей машины, планировалось осуществить испытательный полет и 1–2 полета по 30–60 минут; наконец полет с убранными шасси до высоты 7 000 метров.

Позже, уже в своем КБ, Поликарпов долго прикидывал, чем он может пока заменить двигатель М-88, и в итоге пришел к выводу, что пока лучше всего подойдет двигатель М-62^[12].

Неделю спустя Поликарпов обстоятельно переговорил с несколькими летчиками, которые воевали в Испании, и по достоинству оценил совет Павлова. В итоге вместо четырех ШКАСов, которые он планировал поставить, вооружение поменялось на четыре ШВАКа, две пушки и два крупнокалиберных пулемета. Забегая вперед, можно сказать, что в 1941 году двигатель М-62 был заменен на М-82 (АШ-82) мощностью в 1700 л/с. Принятый на вооружение в 1939 году И-180 с двигателем М-62 под названием И-18 имел две пушки и два крупнокалиберных пулемета при скорости в 580 км/ч и при этом превосходил немецкий «Мессершмитт».^[13]

– Товарищ Павлов, вы хотите что-то сказать?

– Да.

– Пожалуйста.

– Спасибо. Я хочу поднять вопрос о бронетехнике. У меня несколько тем. Первая – о замене танков. Бои в Испании показали, что наши танки устарели, даже БТ последних модификаций. Исходя из этого, как только я приступил к исполнению своих обязанностей в ГАБТУ, то поставил вопрос о разработке целого ряда различной бронетехники. Если средние и тяжелые танки еще в процессе разработки, хотя она уже практически завершена, по крайней мере средних танков, то вот линейки легкой бронетехники закончены полностью. Не буду касаться колесной бронетехники, она начнет выпускаться на новых заводах, которые мы закупили в Америке, а скажу о легких танках.

Предлагаю немедленно остановить выпуск Т-26 и БТ всех модификаций, а вместо них начать производство новой гусеничной бронетехники. Также акцентировать внимание на полной взаимозаменяемости деталей и агрегатов. К сожалению, выяснилось, что детали различных заводов не подходят друг к другу. Это отдельный разговор, и я не хочу сейчас его поднимать тут, но при начале выпуска новой бронетехники необходимо обеспечить полную

взаимозаменяемость деталей и агрегатов различных заводов. Кроме того, и это немаловажно, нам нельзя гнаться за количеством в ущерб качеству.

Есть и еще одна немаловажная проблема, которую предпочитают замалчивать, но которая может привести нас к катастрофе. Это проблема запчастей. В погоне за количеством мы упустили из виду выпуск запчастей, в итоге это привело к тому, что по бумагам у нас одно количество танков, а на деле боеспособных – совсем другое. При планировании начальство будет исходить из данных об общем количестве танков, а по факту готовых к бою окажется значительно меньше. Это значит, что нам необходимо минимум соблюдать соотношение 1:1,5, то есть, к примеру, при выпуске 150 танковых комплектов пускать на производство танков только 100, а 50 комплектов отправлять на склад в качестве запчастей, и это минимум. Можно, конечно, выпустить танк и поставить его на прикол, чтобы он не изнашивался, вопрос только в том, как его экипажу получить опыт, если танк стоит для сбережения своего ресурса?

Я предлагаю по мере поступления в части новой техники, старую переводить в разряд учебной и именно на ней обучать экипажи в полевых условиях. Все маневры и учения только на ней, этого хватит для выработки тактики применения танков, а новую технику использовать по минимуму, проводя на ней только боевые стрельбы.

Плавнo переходя ко второй теме, предлагаю полностью выработавшие свой ресурс старые танки сначала отправлять на небольшую модернизацию, где с них снимут двигатель и ходовую, а кроме того увеличат бронирование башни. Затем этот корпус будет устанавливаться в капонире на линии УРов. Таким образом, мы получим бронированные огневые точки. А после демонтажа двигателя вырезать в корме дверь для экипажа. Соединить траншеями такие огневые точки, а в тылу установить мобильные генераторы, хотя бы на базе обычных грузовиков. Провести от них кабели к этим точкам для обеспечения их электричеством. Точно так же можно их использовать при организации обороны мостов и бродов. Таким образом, мы сможем значительно усилить нашу оборону без особых затрат.

Теперь по поводу формирования мехкорпусов. Я считаю, что крайне важно не распыляться и не пытаться сразу объять необъятное. Поясню: не стоит сразу начинать формировать массу мехкорпусов, мы

просто физически не сможем это сделать. Формально на бумаге их будет много, а на деле ни одного полностью сформированного. При планировании операций командование будет рассчитывать на готовый мехкорпус, а на деле окажется, что он значительно слабей, и это может полностью сорвать все планы. Предлагаю не бежать впереди паровоза, а планомерно создавать их, и новый начинать формировать только тогда, когда полностью сформирован предыдущий. По крайней мере, в таком случае мы сможем рассчитывать на укомплектованный мехкорпус со всем штатом и усилением.

После моих слов началось бурное обсуждение, в итоге мнения разделились на за и против. К моей радости, за был Шапошников, к мнению которого Сталин прислушивался. Также, к моему удивлению, мою сторону принял и Ворошилов. Как военачальник он был не очень, а вот как административный работник даже очень, поэтому я и удивился тому, что он меня поддержал. А вот командарм 2-го ранга Кулик был против. Ну кто бы сомневался, похоже, после того, как я в обход его заказал орудия для танков, он записал меня если и не во враги, то в недоброжелатели точно. И то ли еще будет, ведь в моих ближайших планах было создание РСЗО, «катюши» были нужны мне уже сейчас, и чем больше, тем лучше.

Сталин молча слушал все обсуждения и только под конец вынес свое решение, которое и стало итоговым, тем самым прекратив споры.

— Товарищ Павлов привел достаточные аргументы в пользу своего мнения. Я лично видел новую бронетехнику, которую уже успели разработать за это время, и она мне понравилась, к тому же товарищ Павлов за это время показал себя грамотным и знающим командиром. За то небольшое время, что он исполнял обязанности начальника Автобронетанкового управления, он показал себя только с самой лучшей стороны. Думаю, что его предложение единственно правильное.

После этого совещание закончилось, а меня отозвали в сторону Ворошилов и Шапошников. Они принялись выспрашивать меня по моим задумкам и в большинстве случаев поддержали, в том числе и по созданию систем залпового огня.

— Я считаю, что нам крайне необходимы в качестве средств усиления мобильные системы залпового огня, которые необходимо разработать в кратчайшие сроки.

– Это что такое, Дмитрий Григорьевич?

– А это, Климент Ефремович, собранные в одну пусковую установку эрэсы.

– Но ведь у них отвратительная точность, тем более на таком расстоянии.

– Это если надо поразить одиночную цель, то плохо, а когда надо нанести удар по площади, то, наоборот, хорошо. Вот представьте себе, стоит в поле одно орудие, тогда действительно попасть одиночным эрэсом будет очень проблематично, практически невозможно. А если там стоит целая батарея, а неподалеку складированы боеприпасы и транспорт рядом, то тогда залп эрэсов, которые попадут не все в одно место, а по достаточно большой площади, гарантированно накроет всю батарею и боеприпасы с транспортом. А если таких установок будет не одна, а на нас наступают значительные силы противника? Я планирую объединить в единый пусковой блок сразу 40 ракет, сделать его 5 на 8. Представьте себе дивизион из 18 установок. Это в общей сумме составит 720 ракет, причем все они могут быть выпущены меньше чем за минуту. Пускай они не очень мощные, но по крайней мере пехоту и легкую артиллерию уничтожат, а если, допустим, пять ракет из залпа будут еще и зажигательными, то эффект будет еще больше. Предположим, вы наступаете, а тут сверху на вас валятся ракеты, и все поле мгновенно покрывается разрывами^[14].

При этом будет и сильное психологическое воздействие, когда сверху падают огненные стрелы. Монтируем такую установку на тяжелый грузовик или легкий гусеничный транспортер, и она получает высокую мобильность. Сделали залп и тут же, не дожидаясь ответного удара противника, уехали перезаряжаться. Как говорится, дешево и сердито. Сколько потребуется обычной артиллерии, чтобы так накрыть необходимую площадь? Пускай у РС-82 малая поражающая способность, зато она накроет сразу большую площадь, и живой силе противника там не поздоровится.

– А знаете, в этом что-то есть. Думаю, сама установка вместе с машиной будет стоить дешевле одного тяжелого орудия. Полагаю, что можно попробовать, вот только кто будет разрабатывать? Может, поручить Кулику. Это к его епархии относится.

– Не думаю, Борис Михайлович, что это будет хорошей идеей. На мой взгляд, Кулик мало что понимает в артиллерии.

– Почему вы так думаете?

– Да доходили до меня слухи, как он у себя командует, а кроме того, как он прицепился к орудию Т-50 на испытаниях. Он точно это дело завалит, а мне эти установки нужны уже сейчас в качестве усиления мехкорпуса. В конце концов, самоходные орудия разрабатывает ГАБТУ, а не ГАУ, так и тут будет лучше, если этим займется мое управление. Ведь тут главное – сам реактивный снаряд, он создан, а сделать пусковую установку намного легче. Установим ее и на колесное, и на гусеничное шасси, зато со всем этим мехкорпус получится такой, что вполне с армией сможет пободаться.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич, займитесь этим.

На этом совещание для меня закончилось, причем очень удачно, так как удалось продать все свои идеи, даже больше, – на пару лет раньше получим «катюши». Не думаю, что на создание пусковой потребуется больше двух месяцев, надеюсь, что уже осенью первые серийные установки начнут поступать в войска, впрочем, как и другая легкая бронетехника.

Спустя примерно полторы недели, практически одновременно, с разницей всего в пару дней, в Кубинку прибыли сначала Духов вместе с КВ и штурмовыми самоходками, а затем и Кошкин со своим Т-34 и противотанковой самоходкой СУ-76. Сначала я сам поехал инспектировать новинки, прежде чем звонить товарищу Сталину.

КВ с самоходками стояли на плацу, и мне сразу бросились в глаза отличия от классики, которая была в моем мире. Лоб КВ был скошен точно так, как и на Т-34, правда, пулемет там отсутствовал, и толщина брони составила 90 миллиметров. Так же смотрелось и орудие, сделанное из 107-миллиметрового орудия образца 1910/30 года с длиной ствола в 40 калибров и дульным тормозом. Главное, что бронепробиваемость этого орудия вполне позволяла обычным, тупоголовым снарядом Б-420 пробить лобовую броню «тигра» с дистанции в километр. С такими характеристиками КВ не особо сильно уступит «тигру», когда они сойдутся на поле боя.

Кроме КВ Духов привез и две штурмовые самоходки, которые я ему заказал, СУ-122 на базе орудия А-19 и СУ-152 на базе гаубицы МЛ-20. Тут тоже были свои отличия. Во-первых, на СУ-122 вместо орудия М-30 Петрова, которое изначально ставили на СУ-122, сразу поставили длинноствольную А-19. М-30 хоть и было новей, но ствол

его был слишком коротким, да и серийно оно также должно начать выпускаться только со следующего года^[15].

А во-вторых, несколько изменен был и корпус за счет более обтекаемых углов, теперь это уже не простая прямая лобовая плита. Все это повышало шанс рикошета, ведь гарантии, что во вражеских дотах будут стоять исключительно противотанковые орудия малого калибра, не было. Также в бортах рубки были сделаны люки для значительного облегчения загрузки в самоходки боеприпасов. Ведь снаряды к ним хоть и раздельного заряжания, но все равно тяжелые. Так, снаряд от А-19 весит в среднем 25 килограммов, в зависимости от назначения, а у МЛ-20 – от 40 до 50 килограммов, вот и загрузи в нее полный боекомплект через верхний люк. В любом случае борт – это слабое место не только самоходки, но и танка, а у самоходки тем более, так как у нее рубка, а не башня, и при повреждении ходовой она развернуть орудие не сможет. Здесь люк уже не особо повлияет на ее бронезащищенность.

– Ну что, бойцы!? Как вам новые аппараты? – спросил я у экипажей боевых машин.

– Отличные, товарищ комкор! Не машины, а натуральные звери, они кого угодно в клочки порвут и на обломки пустят!

– Дмитрий Григорьевич, ну что, это то, что вы от меня хотели?

– Думаю да, Николай Леонидович, осталось только посмотреть, как они пройдут полигон, а внешне – да, это именно то, что я от вас хотел.

– Отлично пройдут! Даже не сомневайтесь.

И они действительно отлично прошли полигон вместе со стрельбами. Глядя на это, я ни на мгновение не сомневался, что их без особых проблем примут на вооружение. Позже так и случилось, только Кулик опять пытался мутить воду по поводу того, что танковые орудия разрабатывались без его участия.

– Николай Леонидович, у меня есть для вас еще одно задание.

– Слушаю вас, Дмитрий Григорьевич.

– На базе КВ необходимо сделать пару инженерных машин. Броню можно слегка уменьшить, скажем, миллиметров до 80. Первая – это ремонтно-эвакуационная машина, где вместо башни необходимо установить кран, способный снимать башни с танков. Такая машина и поврежденный танк утащит, и башню с него при необходимости

снимет. Вторая машина должна иметь мощный отвал спереди, опускаемый крюк сзади и роторную установку вместо башни для рытья окопов. При нужде она и противотанковый ров отроет. Нам просто необходима инженерно-строительная техника. Главное, что сам танк уже есть, а это просто дополнительное оборудование для него.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич, как вернусь в Ленинград, так и займусь этим.

А через день я снова был в Кубинке и теперь уже смотрел на Т-34, который выглядел как Т-44, но, опять же, кроме меня этого никто не знал. СУ-76 тоже хорошо смотрелась, а главное, что на танке, что на самоходке, лобовая броня была 75 миллиметров, так что по крайней мере первые два года войны немцы мало чем смогут ее пробить. Не утерпев, я сам сел за рычаги Т-34, и тут всплыл момент, про который я совершенно забыл, а именно коробка передач. На ранних версиях она была очень тугая, и от мехвода требовалась немалая сила для переключения передачи^[16].

– Михаил Ильич, а вы передачи переключать тут пробовали?

– Да, туговато переключаются, Дмитрий Григорьевич.

– Так не пойдет, передачи должны переключаться легко. Сейчас я не буду из-за этого зарубать машину, но вы должны немедленно устранить эту проблему Или новую коробку передач разработайте, или сделайте усилители для рычага переключения передач.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич, сделаем.

– И вот что еще, задел по модернизации остался? Я про замену этого орудия на более мощное позднее. Слышал, сейчас разрабатывается 85-миллиметровое зенитное орудие, думаю, оно будет в самый раз на ваши танк и самоходку.

– Как только появится, так сразу этим и займусь^[17].

– Не забудьте.

Этим же вечером я сразу, как только приехал из Кубинки, позвонил Сталину.

– Добрый вечер, товарищ Сталин, это вас комкор Павлов беспокоит.

– Здравствуйте, товарищ Павлов, что вы хотели мне сказать?

– Товарищ Сталин, я только что приехал из Кубинки, где осматривал новые танки. Позавчера – тяжелый танк и две штурмовые самоходки, а сегодня – средний танк и противотанковую самоходку.

– А мне почему сразу не сказали про тяжелый танк?

– Решил немного подождать, все равно разница в пару дней, зато теперь можно посмотреть все сразу. Лично мне все понравилось, это именно то, что так нужно нашей армии.

– Товарищ Павлов, жду вас завтра в час дня, поедем вместе посмотреть новую технику

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

На следующий день мы вместе снова направились в Кубинку. Власик мои слова мимо ушей не пропустил, и теперь нас сопровождали два БКМ, причем, как я заметил, они отличались от моей машины: не было задней перегородки и сиденья были по бокам. Не удивлюсь, если в крыше появился люк и турель под пулемет, как в патрульных «Тиграх» моего времени.

Доехали быстро, и теперь уже Сталин осматривал новые танки. Кроме него приехали и Ворошилов с Шапошниковым. Я поздоровался с ними, мы обменялись рукопожатиями и все вместе еще раз стали смотреть, как новая техника проходит полигон.

Ну что можно сказать, все понравилось, Сталин остался очень доволен, так что примут технику без проблем. А модернизировать ее потом будет намного легче, чем разработать, да и выпуск начнут минимум на год раньше, а это многое значит. Теперь еще нужно уставы подправить, по крайней мере, у себя в епархии я постараюсь это сделать, все силы приложу для этого. Даже если новые уставы будут для бронетанковых войск, то уже дело, а ведь под это можно и мехкорпус подвести, типа новое формирование.

Как я и думал, неделю спустя всю технику без проблем приняли на вооружение, даже Кулик, который тоже был в приемной комиссии, ничего не вякал, видимо, ему успели донести, что Сталину все понравилось, и он просто не рискнул выступать против.

2 июня 1938 года

В этот день у меня в кабинете прозвучал звонок телефона.

– Добрый день, товарищ Павлов, это вас директор ковровского оружейного завода беспокоит.

– Здравствуйте, что случилось?

– Понимаете, мы закончили работы по тому заданию, что вы нам давали, и теперь на носу приемка, только боюсь, могут нам ее

зарубить. Вот я и хотел бы, чтобы вы, как лицо заинтересованное в этом оружии, помогли нам пройти госприемку.

– Конечно, когда приемка?

– Десятого числа у нас.

– Буду.

– Спасибо вам.

Вот так неожиданно организовалась служебная командировка. В Ковров приехал 9 июня, а на следующий день прямо с утра прибыл на завод.

Приемная комиссия немного удивилась моему присутствию, все же я относился совершенно к другому ведомству. Подойдя к столу, на котором были выложены опытные образцы, я сначала внимательно осмотрел пулемет, повертел его в руках, установил на станину и остался доволен. Это действительно был единый пулемет. Затем оглядел СКС. Пока ничего сказать по нему не мог, нужно было его отстрелять, ведь сейчас вместо более слабого промежуточного патрона тут был мощный мосинский, но надеюсь, будет работать нормально, все же автоматической стрельбы тут нет. Правда, сделать под мосинский патрон двухрядный 20-зарядный магазин не смогли, а потому пошли на компромисс, создали его однорядным и сократили до 15 патронов. Но и так в принципе сойдет. И наконец, ППС, вернее ППШ, так как его сделал не Судаев, а Шпагин. Он получился удобным и ухватистым, для экипажей в самый раз.

Члены комиссии с удивлением наблюдали, как я осматривал оружие. А я попросил возможности его отстрелять, и директор завода лично проводил меня на стрельбище. Начал я в том же порядке – сначала пулемет. И с рук, и с сошек, и с турели он отработал отлично. Я положил пулемет и взялся за СКС. Воткнув в приемник магазин, уверенно отстрелял его, правда, лягался он сильнее, но это не удивительно, патрон-то мощнее. Завершил отстрел из ППШ, перед этим откинув проволочный приклад. Все оружие понравилось, а потому прямо при членах комиссии сказал:

– Все отлично, вы, товарищи, сделали именно то, что я хотел. Не знаю, как приемная комиссия, а для своих мехкорпусов я его у вас закажу. Кстати, думаю, что летчики тоже не откажутся от автомата на тот случай, если их собьют над вражеской территорией, да и

пограничники вполне могут заинтересоваться этим оружием. Огневую мощь оно повышает очень хорошо.

После этого, попрощавшись, я уехал и только позже узнал, что члены комиссии сами опробовали оружие и после небольшого совещания приняли его, видно, поняв, что оно все равно будет затребовано армией.

Ну что, считай, это последнее, что мне было нужно, теперь необходимо сформировать хотя бы три-четыре мехкорпуса полного штата, а техника и оружие для него уже есть. Осталось только наладить выпуск, а потом начать учить бойцов по полной программе. Нет, действительно, если к началу войны у нас будет хотя бы четыре таких полностью укомплектованных и обученных мехкорпуса, то немцам придется очень кисло. Ведь по сути такой мехкорпус равен полевой армии, и если не проспим, то удар такого мехкорпуса по врагу будет страшен.

Глава 5

А теперь вопрос на засыпку: в каком составе формировать мехкорпус? Сталин и Ко приняли соломоново решение, они согласились не распыляться и формировать полностью, причем сразу четыре мехкорпуса, вот теперь и думаю, в каком составе их формировать^[18].

В результате долгих размышлений решил, что мехкорпус должен состоять из танковой дивизии, где один полк тяжелых танков, два полка средних, разведывательный батальон легких танков и полк штурмовых самоходок, всего 336 единиц бронетехники. Две механизированные дивизии с 450 бронетранспортерами каждая, полк гаубиц М-30 из 36 орудий в двух дивизионах, правда, их еще только должны начать выпускать, но к моменту окончания формирования мехкорпуса они уже станут поступать в войска^[19].

Полк РСЗО из трех дивизионов с 18-ю установками в каждом, саперно-инженерный полк, батальон связи, отдельный разведывательный батальон, отдельный автобат, отдельная разведывательная эскадрилья и отдельный комендантский батальон. По составу вроде определился. Если что, позже можно будет дополнить, а пока надо решить, где будем размещать мехкорпуса, и начать строительство в этих местах военных городков.

По собственному опыту помню, как порой на месте новой дислокации не было ни кола ни двора. Все равно формирование начнется не раньше осени, за это время можно хотя бы бараки нормальные построить, чтобы в них можно было зимой жить. Почему бараки? Так ведь если строить капитальные строения, то только в глубине страны, ведь на носу война. Корпуса понадобятся в первую очередь в Белоруссии и на Украине, а строить там сейчас капитальные строения – это просто выкидывать деньги и материалы на ветер, все равно они в ходе войны будут уничтожены. А пару лет можно прожить и в щитовом бараке, если он качественно построен, без щелей и дыр. Украина с Белоруссией, конечно, не Африка, но и не крайний Север, и бараки на сто процентов лучше обычных палаток и землянок.

Сначала хотел разместить Первый мехкорпус под Москвой, так сказать, под рукой, для контроля, но, немного подумав, отказался от этой идеи. Да, с одной стороны, он рядом, вот только потом его все равно надо будет передислоцировать, поэтому решил сразу размещать их в местах последующей дислокации и изменил расположение первого мехкорпуса на Витебск.

Второй мехкорпус хотел разместить в Могилеве, третий – в Чернигове и четвертый – в Житомире. И не в глубине страны, и не на самой границе, тем более с учетом того, что через год к нам присоединятся Западные Украина и Белоруссия. Да и относительно предстоящей войны у меня были свои задумки, и по ним нахождение корпусов в приграничной зоне совсем не предполагалось. Они должны были нанести встречные удары по прорвавшимся немецким частям, причем касаясь Белоруссии у меня был свой план. Главное, необходимо было добиться его одобрения Сталиным в свое время, а с этим могли возникнуть трудности.

Радовало одно: точно не будет бесполезных метаний, когда наши мехкорпуса мотались туда и обратно под непрерывными бомбежками, теряя технику, и, несмотря на подавляющее преимущество в танках, потеряли большинство из них в первые несколько недель войны. Чего только стоило танковое сражение под Дубно, лишь немногим уступавшее Курской битве. Оно произошло 25–29 июня в районе Дубно – Луцк – Броды, где наша армия имела многократное преимущество в танках^[20].

Вот только в итоге сражение было проиграно, в немалой степени потому что наши удары наносились разрозненно, а части зачастую получали противоречивые приказы, тылы отстали, начались проблемы с топливом и боеприпасами, и все это под непрекращающимися бомбежками. А ведь если бы удары были нанесены одновременно, по данным разведки и имели воздушное прикрытие, то тогда бы наши войска имели все шансы разгромить противника. Вот только получилось все наоборот. Кроме того, свою роль сыграло и отсутствие опыта, когда наши легкие танки, составляющие основную массу бронетехники, перли в лоб на подготовившихся к обороне немцев, а для Т-26 и БТ немецкие 37-миллиметровые противотанковые пушки были смертельно опасны, так как с легкостью пробивали их тонкую броню^[21].

Таким образом, немцы жгли наши танки без особых проблем благодаря несогласованности действий и дурости нашего командования.

После того как подробно все расписал от состава до места размещения, позвонил Шапошникову и отправил ему со своим ординарцем пакет со всеми расчетами. Спустя пару дней получил ответ: Генштаб принял мои расчеты без возражений. Учитывая, что тут в первую очередь необходимо ориентироваться на поставку техники, решили не гнать лошадей и сначала подготовить военные городки.

Зная, скольких людей необходимо обеспечить жильем, выделили необходимое количество строителей и материалов, и к середине октября все было построено. Только после этого начали прибывать люди. Сначала были сформированы штаб мехкорпуса и комендантский батальон для охраны штаба и военного городка. При планировании места размещения учитывали необходимость в полигонах для отработки езды и проведения боевых стрельб, а потому располагали военные городки на достаточном удалении от выбранных городов, но в пределах легкой досягаемости железной дороги. В начале ноября стали прибывать первые бойцы для механизированных дивизий, а с декабря пошли поставки первой техники.

К 7 ноября заработали все четыре американских автомобильных завода, похоже, специально подогнали к этой дате, и первые поставки новой колесной бронетехники пошли исключительно в формируемые мехкорпуса. С производством гусеничных бронетранспортеров вышел небольшой затык, тем не менее пока хоть и в небольших количествах, но они стали поступать в войска и тоже исключительно в мехкорпуса. В декабре наконец пошли танки, Сталинградский и Харьковский заводы производили средние танки, а Кировский завод – тяжелые, при этом Ленинградский завод имени Ворошилова перешел полностью на выпуск легкой гусеничной техники и легких танков Т-50.

В разведывательную эскадрилью решили взять проектируемые Поликарповым И-180, как только они будут приняты на вооружение, а пока для обучения пилотов использовать И-16, которые заменят сразу, как только появятся новые истребители. В основном, пока бойцы мехкорпуса занимались тактикой и огневой подготовкой, строевая была в минимуме. По мере поступления техники начинали осваивать и ее. Танкисты получили батальон старых Т-26 и БТ, на которых они и

отрабатывали ведение танкового боя, учась тактике. Как только стали поступать новые танки, то в них в основном занимались с незаведенным двигателем, нарабатывая автоматизм действий и привыкая к ним, и лишь раз в неделю выезжали на рядом расположенный полигон для боевых стрельб. К сожалению, приходилось максимально беречь моторесурс новой техники, а потому использовали для наработки опыта старые танки.

Приятной новостью стало сообщение, что в Поволжье нашли нефть и сейчас планируют организовать там ее добычу и переработку. Геолог нашел-таки нефть по моим словам, правда, результат он получил только в середине октября.

Также этой осенью у меня родился сын, назвали Алексеем. А в остальном, похоже, все шло так, как и положено, в соответствии с историей. Сначала в марте произошел аншлюс Австрии, а в конце сентября состоялся Мюнхенский сговор, в результате которого Германия присоединила к себе Судетскую область Чехословакии под предлогом, что там живут одни немцы. Затем к разделу Чехословакии присоединились и Польша с Венгрией. Поляки получили Тешинскую область, а венгры – новые территории на юге Словакии и Подкарпатской Руси. На очереди был наш конфликт с японцами на Дальнем Востоке, а затем – война с финнами, а у немцев – война с поляками. А из приятных новостей – было начато строительство немцами двух автомобильных заводов у нас, в Киеве и Харькове.

Одновременно со всеми этими заботами пришлось переписывать устав танковых войск. Хотя я и не был танкистом в той жизни, но читать устав приходилось, вот и подгонял его под нынешние условия. Проще всего было с уставом для механизированных дивизий, я просто взял устав для мотострелков и адаптировал его к местным условиям, обойдясь минимумом изменений. Также влез и к разведывательной эскадрилье, настояв на переход с трех самолетов в звене на два. К сожалению, во всей авиации внести изменения не смогу, но у себя сделал, а там, глядишь, может, и авиационное начальство поступит так же намного раньше, хотя, учитывая, что там творилось, это еще вопрос [\[22\]](#).

В сам устав лезть не стал, а то еще наломаю дров, все же я не летчик, а потому и не стал ничего менять, кроме перехода со звена на пару.

Еще в декабре порадовали ракетчики, вернее разработчики ракетного оружия, они сделали наконец нормально работающие пусковые, которые установили на два типа шасси. Первое – на тяжелый трехосный шеститонный грузовик. Он имел легкобронированную кабину с бронезаслонками, которые опускались на стекла во время залпа установки. Вторым шасси стало гусеничное, на базе Т-50, где вместо башни установили пусковой блок. В отличие от колесного, этот вариант имел поворотный пусковой блок.

Вот так и прошел 1938 год. Даже если меня сейчас уберут, то по крайней мере у нас уже есть отличная для этого времени техника, да и заводов стало больше, во всяком случае автомобильных, а это тоже не мало значит, учитывая предстоящую войну.

Новый год мы праздновали в узком семейном кругу, а в следующем году события понеслись вскачь. Разумеется, сначала был конфликт на Халхин-Голе, и хоть я непосредственно в нем задействован не был, но частично поучаствовать пришлось.

К началу конфликта 1-й и 2-й мехкорпуса были полностью сформированы и проходили интенсивное обучение, за которым я следил лично. Этот конфликт был превосходным местом для прохождения боевой практики только что сформированных мехкорпусов. Правда, пришлось немного изменить состав вооружения: средним и тяжелым танкам, а также штурмовым самоходкам там делать было нечего. Кроме того, что незачем было светить их раньше времени, так и японские танки были на уровне наших Т-26 и БТ, даже наш новый Т-50 превосходил их в бронировании. За это время было выпущено около трех сотен Т-50, и, зная о предстоящем конфликте, я смог их придержать от отправки в войска. А сейчас танкисты обоих мехкорпусов получали их для участия в начавшемся конфликте.

Вот с колесной бронетехникой все было в норме: четыре завода вышли на полную мощность и вполне обеспечивали нужды армии в колесных бронетранспортерах. В этом конфликте, хотя командование мехкорпусов и допускало ошибки, проявили они тем не менее себя очень хорошо, а также и техника показала себя с самой лучшей стороны. В степях Монголии было где развернуться, и бойцы мехкорпуса наносили неожиданные и молниеносные удары по японцам. А что вы хотели? Ехать на машине – это вам не пешком идти,

поэтому бойцы могли быстро перемещаться по степи, оказываясь то тут, то там.

Отлично показали себя здесь самоходки поддержки пехоты СУ-76, она же «Голожопый Фердинанд». Легкая броня вполне защищала от винтовочного и пулеметного огня, а достаточно мощное 76-миллиметровое орудие позволяло с легкостью бороться как с немногочисленными японскими танками, так и с японской пехотой, попутно подавляя полевые огневые точки, поскольку мощность снаряда это вполне позволяла. Вполне проходимые для колесной техники монгольские степи позволяли делать глубокие рейды. Когда на японцев, не имевших противотанковых средств или имевших их в минимальном количестве, накатывалась волна бронированных машин, которым не страшна ружейная стрельба, при этом вооруженных пулеметами, в том числе и крупнокалиберными, то им оставалось или погибнуть, или сдаться.

В результате среди новых Т-50 безвозвратных потерь практически не было, если не считать шесть сгоревших танков из двухсот. А вот бронетранспортерам повезло не так сильно. Их броню кроме любого орудия мог пробить и крупнокалиберный пулемет, потому потери среди них были достаточно большими, из семи сотен машин были уничтожены более сотни, и еще почти три сотни машин получили повреждения различной степени тяжести, но все они были ремонтпригодны. В целом же вся новая техника показала себя с самой лучшей стороны, хотя, конечно, были и огрехи, которые тщательно протоколировались для их последующего устранения в новых машинах. Вся техника так и осталась на Дальнем Востоке, а в мехкорпуса поступала новая, к концу года они получили все, что должны были, и их вооружение достигло штата.

2 августа 1939 года, Кремль, Москва

Вызов к Сталину стал для меня неожиданностью, вроде никаких проблем или дел в последнее время не было. Именно поэтому я терялся в догадках, зачем понадобился вождю. На Дальнем Востоке мехкорпуса показали себя с самой лучшей стороны, несмотря на допущенные ошибки. Сам состав уже полностью сформирован, а вся техника будет поставлена еще до конца года. С третьим и четвертым мехкорпусами тоже все хорошо, инфраструктура построена, личный

состав тоже полностью сформирован и начаты поставки техники, по крайней мере треть уже точно есть, и обучение идет полным ходом, а пока подготавливаются еще два мехкорпуса, они будут формироваться в Смоленске и Николаеве. Вот поэтому я и терялся в догадках, зачем понадобился в Кремле.

– Здравия желаю, товарищ Сталин.

– Здравствуйте, товарищ Павлов, проходите, садитесь.

Я сел за стол, в то время как Сталин, держа в руках свою знаменитую трубку, неторопливо прошел от стола к окну.

– Товарищ Павлов, как вы считаете, что сейчас намеревается делать Германия?

Вопрос Сталина меня ошарашил: я не аналитик и не советник, хотя в своем предыдущем разговоре со Сталиным два года назад предрекал начало большой войны в Европе.

– Трудно сказать, товарищ Сталин. То, что Гитлер ведет агрессивную политику и жаждет реванша за поражение Германии в Империалистической войне, ясно всем здравомыслящим людям, но тут многое зависит от позиции Франции и Англии. Вот только то, что они позволили Германии, вопреки условиям Версальского договора, возродить армию, говорит о многом. Тем более Мюнхенский сговор... Они вполне могли этого не допустить, их совокупной военной мощи вполне хватает. Но они этого не сделали, спрашивается, почему? Почему они не одернули Гитлера и позволили ему не только возродить армию, но и присоединить к себе Австрию и Судеты?

Лично я считаю, что они хотят повторить Империалистическую войну, но несколько по другому сценарию. Позволить Германии окрепнуть, возродить свою армию и затем натравить на нас. Дать немцам хорошо увязнуть у нас, при этом достаточно сильно ослабив как Германию, так и нас, а затем нанести немцам удар в спину. Германия снова повержена, да и нам они смогут диктовать свою волю. Правда, на данный момент у Германии нет с нами общей границы, как это было в Империалистическую, но это не проблема. Думаю, что не позже следующего года Германия нападет на Польшу, а возможно, что и раньше.

– А как же договор о взаимной помощи между Польшей и Францией?

– Обещать не значит жениться. Ну объявит Франция войну Германии, и что? Ведь объявить войну и начать войну – это совершенно разные вещи. Пока Франция проведет мобилизацию, пока подготовится, Гитлер уже и Польшу завоюет, а потом французы просто разведут руками ну не успели мы, торопились, поспешали, но опоздали.

– А если мы, к примеру, поможем Польше?

– А зачем? Нет, помочь можем, тогда немцы не смогут их захватить. Можно даже не доводить до прямого начала военных действий, а открыто заявить, что в случае, если Германия нападет на Польшу, то мы немедленно выдвинемся полякам на помощь. Хоть паны нас и не любят, но в данной ситуации помощь примут. Вот только кажется мне, что этим мы себе хуже сделаем.

– Почему вы так считаете?

– Так ведь паны добра не помнят, у них до сих пор идея фикс – Великая Пшекия от моря до моря со Смоленском и Киевом. Насколько я знаю, они уже предлагали немцам союз против нас. Думаете, что если мы им поможем, то они изменят к нам отношение? Как говорят в Одессе: не смешите мои тапочки. Стоит только нам открыто заявить, что мы поддержим Польшу в случае нападения Германии, так сразу Гитлер предложит полякам союз против нас. Паны его с радостью примут, а немцы сначала бросят поляков против нас в первых рядах, а потом, когда, по их замыслам, те нас разгромят, добьют и ослабевших панов.

Но прежде Германия разберется с Францией, чтобы не ожидать удара в спину. Как бы то ни было, но Гитлер не дурак, он прекрасно понимает мотивы того, почему Франция с Англией ему позволяют усилиться. Именно поэтому, по моему мнению, сначала Гитлер решит западный вопрос, обезопасит себя со стороны Запада, тем более что англичане не представляют для него большой угрозы, они сидят на своем острове и без союзников на континенте не особо опасны.

– Спасибо вам, товарищ Павлов, вы свободны.

Будь на моем месте кто другой, он даже не понял бы, почему Сталин задавал ему эти вопросы, но я-то знал, что на носу договор с Германией, пресловутый пакт Молотова-Риббентропа^[23].

Ведь, насколько я знал, Германия хотела быть уверенной в том, что СССР не будет ей мешать в захвате Польши, она даже пошла на то,

чтобы вернуть нам захваченные поляками в 20-х годах Западные Украину и Белоруссию.

24 августа 1939 года, Генштаб, Москва

Уже на следующий день после подписания договора о ненападении между СССР и Германией в Генштабе состоялось совещание, в котором принял участие и Сталин. Поскольку на нем присутствовали только высшие военные чины, то и скрывать то, что после нападения Германии на Польшу нам отойдут Западные Украина и Белоруссия, не стали, а кроме того, встал вопрос и о Финляндии. Сталину и правительству СССР очень не нравилось то, что граница с Финляндией проходила всего в трех десятках километров от Ленинграда, так что его могли обстрелять тяжелые дальнобойные орудия с финской стороны.

Все попытки мирным путем отодвинуть границу не увенчались успехом, финны не хотели ничего слушать и даже предложение о вдвое большей территории взамен этой их не устроило. Поэтому кроме военного пути, никакого другого не осталось, а при заключении договора с Германией было и несколько секретных пунктов, в одном из которых было невмешательство Германии в наш вероятный конфликт с Финляндией. Сейчас как раз и обсуждалась вероятность войны с Финляндией и всего, что с этим связано.

Я спокойно слушал обсуждения, не вмешиваясь в них, когда неожиданно для меня, да и, пожалуй, для всех остальных, Сталин произнес:

– А что по этому поводу думает товарищ Павлов?

– У меня два существенных возражения, товарищ Сталин. Первое по бронетехнике: я категорически против использования в предстоящем конфликте наших новейших средних и тяжелых танков. Они создавались для других задач, а тут получится пальба из пушки по воробьям. Кроме того, думаю, все из здесь присутствующих играют время от времени в карты. Хоть кто-нибудь начинает игру с козырей? Все всегда приберегают козырь на крайний случай, так зачем и нам сразу раскрывать их? Кроме того, до сих пор не стихают споры насчет танка Т-35, вот я и предлагаю окончательно их решить, используя его в этом конфликте. Ведь официально Т-35 – это тяжелый танк прорыва, вот и посмотрим, как он будет прорывать линию вражеской обороны.

– А какие тогда танки вы предлагаете использовать? – спросил Сталин.

– Как я уже сказал, во-первых, Т-35. Кроме них, думаю, для этой операции отлично подойдут Т-28, они как раз и предназначены для борьбы в первую очередь с вражеской пехотой. Но их следует перед этим срочно экранировать, их броня уже слабовата для нынешнего времени.

– А почему тогда не экранировать и Т-35?

– У Т-35 и так очень большой вес, 58 тонн, и он очень большой, при нормальной экранировке он потяжелеет навскидку тонн на 10, не меньше, а это уже перебор. Далее, можно использовать новые Т-50. Проверим их в бою, и они не испугают наших потенциальных противников, так как являются легкими танками. Безусловно, новые бронетранспортеры тоже можно отправить. А для взлома финских укрепрайонов можно использовать один полк штурмовых самоходок, лучше СУ-152 как более мощных. Это довольно специфическая техника, и она не производится в больших количествах, так что тоже никого не пугает.

Теперь второе возражение: по срокам проведения операции. Считаю, что надо начинать не позднее середины – конца октября, это если проводить операцию в этом году. Поясняю: не надо считать, что раз Финляндия – маленькая страна, то и справиться с ней будет легко. Тут на стороне финнов сама природа, Карелия хоть и красива, но довольно сложна для наступательных операций. Рельеф ее местности сильно ограничивает возможность применения тяжелой бронетехники. Многочисленные озера, реки, болота и овраги делают ее очень тяжелой для применения танков. Еще тяжелее воевать будет зимой, вот потому я и предлагаю начинать до начала холодов и выпадения снега. И повторяю еще раз: не надо считать это легкой прогулкой, иначе кровью умоемся.

Все обдумывали услышанное, а я вспоминал наши потери в этой войне, одних только обмороженных бойцов и командиров было огромное количество человек^[24].

Если начать до морозов и действовать с умом, то вполне реально за месяц преодолеть линию Маннергейма, а после этого финны, как и в моем времени, сразу пойдут на попятную. Для штурмовых СУ-152 вполне по силам подавить финские доты. Их толстая шкура позволит

им выходить на дистанцию прямого выстрела, после чего своими фугасными снарядами они свободно смогут подавить их. Достаточно просто повредить вражеское орудие или пулемет, и пехота сможет подойти вплотную, а после этого, считай, дело сделано.

Спор о моем предложении вышел жарким, но в итоге Сталин решил принять мои доводы. Начать решили как можно скорее, но в любом случае не раньше, чем Германия нападет на Польшу. Я же приказал на Кировском заводе и заводе имени Ворошилова бросить все дела и заняться срочной модернизацией танков Т-28. В первую очередь усилить экранами бортовую броню. Сам танк весил 25 с половиной тонн, то есть как минимум 2–3 тонны навесной брони можно было установить без значительного ухудшения его проходимости и маневренности. В итоге за счет установки экранов броня была доведена до 40 миллиметров, а вес увеличился до 30 тонн, но это было не смертельно, зато его защита значительно выросла.

Меньше чем за два месяца экранировали 119 танков Т-28, все они были включены в войска Ленинградского военного округа. Также с Украины были переброшены 10 танков Т-35.

В итоге 23 октября 1939 года СССР объявил Финляндии войну. Хотя немцы уже и закончили с Польшей, мы не успели раньше начать с финнами, но все равно на открытое вмешательство они не пошли, хотя исподволь всячески помогали финнам, вопреки заключенному с СССР договору, но особой роли это не сыграло. Осенние дожди закончились, температура упала до легкого морозца, но снега пока почти не выпало, хотя леса уже стояли голыми.

Наши войска перешли в наступление. Наступать по подмерзшей земле было легко, и финнам приходилось несладко. Снега, который замедлял бы продвижение Красной армии и помогал маскироваться финнам, еще практически не было, зато листва с деревьев и кустов уже облетела. Достаточно легко прорвав приграничные силы финнов, механизированная колонна наших войск продвигалась по лесной дороге. Первым шел исполин Т-35, как-никак, а танк прорыва, вот его и пустили первым.

Выстрел финской противотанковой пушки за шумом многочисленных моторов никто не услышал и даже не увидел отсверк выстрела, но шедший первым Т-35 внезапно замедлился и, проехав с десяток-другой метров, остановился. С его кормы сначала потянулась

тоненькая струйка дыма, которая быстро превратилось в густую, а потом показались и языки пламени.

Экипаж быстро покинул танк, вот только не всем удалось остаться живым и невредимым. Как только танкисты полезли из люков бронированной машины, из леса раздались выстрелы, и несколько бойцов упали.

Потом снова сверкнул выстрел, который уже увидели многие, и шедший за Т-35 БТ-7 взорвался, когда от попадания бронебойного снаряда сдетонировала полная боеукладка танка. Следовавший следом Т-28 шустро повернул сначала свою левую пулеметную башню и открыл огонь по засеченной цели. В этот момент снова выстрелила финская пушка, и Т-28 сотряс удар, но танкистам повезло. Пробив экран, снаряд тем не менее слегка изменил свою траекторию и потому срикошетил от основной брони танка. В этот момент орудийная башня наконец повернулась в нужную сторону, и грянул выстрел Т-28. В то же время по расположению финского «бофорса» открыли огонь и другие танки, которые были в колонне, а также бронетранспортеры. После чего местонахождение финского орудия скрылось в огненных разрывах.

Однако с финской стороны стреляло не одно только противотанковое орудие, также огонь велся из нескольких пулеметов и многочисленных винтовок. Бойцы с начала боя мгновенно покинули бронетранспортеры и залегли вдоль дороги, только штатные пулеметчики из экипажей остались на месте. Они открыли огонь на подавление противника, и десант стал медленно двигаться в сторону финнов. В течение буквально пары минут были задавлены как противотанковая пушка, так и пулеметы. Финны отступили, оставив на месте засады уничтоженное орудие и четыре разбитых «максима», но главное они сделали.

Т-35 стоял и горел как раз перед большим оврагом. По бокам были здоровенные камни, один чуть ли не с небольшой домик, вот танк и заткнул своим корпусом проход между ними, а переехать через овраг можно было только тут. В этот момент от пожара рванул боезапас Т-35 и две башни, основную и переднюю орудийную, сорвало с места и отбросило в сторону. Быстро оттащить громадину тяжелого танка было невозможно.

В течение месяца боев были потеряны все десять Т-35, причем особой роли в ходе боевых действий они не сыграли, зато экранированные показали себя с самой лучшей стороны. Конечно, были и среди них потери, но не очень большие, зато они очень хорошо подходили для борьбы с финской пехотой. Опасность для Т-28 представляли только противотанковые пушки, а ружья, как финские, так и шведские, оказались почти бессильны против них. Учитывая небольшое количество противотанковых орудий, общие потери оказались не такими большими. Вот для Т-26 и БТ противотанковые ружья представляли большую угрозу, так как достаточно легко пробивали их броню [\[25\]](#).

Глава 6

5 ноября 1939 года, Карельский перешеек

Комбриг Петр Степанович Пшенников, командир 142-й стрелковой дивизии, только вчера получивший новое звание, рассматривал в стереотрубу укрепления линии Маннергейма, к которым его дивизия вышла вчера. Настроение комбрига было ни к черту, и его можно было понять. Сегодня он получил приказ от командующего 50-м стрелковым корпусом комдива Гореленко завтра штурмом занять финские доты. Пшенников не был дураком и отлично понимал, что в сложившейся обстановке он просто потеряет всю свою дивизию в бесплодной попытке захватить вражеские позиции без всякого толка. Правда, в своем приказе Гореленко упоминал сначала дожждаться каких-то «Костоломов» и только потом идти на штурм. Что еще за «Костоломы», ломал себе голову Пшенников.

Стемнело. Здесь, ближе к северу, в это время темнеет рано, и комбриг отправился к себе в палатку, которую для него поставили бойцы комендантской роты. Только он поужинал, как со стороны тыла послышался звук моторов приближающейся техники. На работу двигателей грузовиков этот шум походил не очень, был громче, плюс слышался лязг железа, и удивленный комбриг вышел из своей палатки.

По дороге двигалась какая то громада, перед которой ехало несколько гусеничных бронетранспортеров, в том числе комбриг разглядел и зенитный, со спаркой 20-миллиметровых ШВАКов. Наконец техника остановилась, и Пшенников с удивлением рассмотрел эту самую громаду. Такой техники он в своей жизни еще не видел. Это было нечто, раза в два больше обычного Т-26. Оно не имело башни, вместо нее была рубка, причем не просто прямоугольная, а плиты брони были под разными углами наклона, но главное – это было орудие поистине корабельного калибра, оно минимум на пару метров, если не больше, выпирало вперед.

Это нечто заглушило свой двигатель, сверху откинулась крышка люка, вылезший танкист, ловко спрыгнув со своей исполинской машины, приложил руку к шлемофону и доложил:

— Товарищ комбриг, третья батарея первого дивизиона штурмовых самоходок второго механизированного корпуса прибыла в ваше распоряжение. Командир батареи капитан Санаев.

А комбриг лишь с удивлением смотрел на шесть здоровенных самоходок, которые, судя по всему, и оказались «Костоломами». Теперь было понятно, почему Гореленко был уверен в успехе завтрашней атаки.

Ночь прошла спокойно, а утром, когда рассвело и все позавтракали, все шесть самоходок, выстроившись в ряд, порывкая двигателями, неспешно двинулись вперед.

Комбриг с самого начала прильнул к стереотрубе и старался ничего не пропустить из разворачивающегося перед его глазами боя. Вот забеспокоившиеся финны открыли огонь из своих орудий, то тут, то там виднелись вспышки выстрелов из бетонных амбразур дотов, но самоходки, казалось, даже не замечая этого, все так же неторопливо и несокрушимо двигались вперед, и лишь иногда, когда стрельба велась из дальних дотов, были видны отсверки рикошетов от бортов самоходок.

Наконец примерно метров за 700–800 от финских дотов самоходки остановились. Чуть-чуть поведя стволами своих огромных орудий, они открыли ответный огонь, и амбразуры финских дотов скрылись в облаке огненных разрывов. Самоходки сделали по 4–5 выстрелов каждая и замерли.

Комбриг понял, что сейчас настало его время, и приказал поднять бойцов в атаку, но как только пехота приблизилась метров на 400 к дотам, сразу ожили пулеметные колпаки и замаскированные амбразуры дотов. Пехота тут же залегла, а самоходки, обнаружив новую цель, незамедлительно открыли по ней огонь. Финские пулеметы замолкали один за другим. Пехота поднялась, но несколько уцелевших огневых точек снова открыли огонь, и бойцы опять рухнули в выпавший снег.

Наведение на новые цели, и вот СУ-152 басовито рывкают, посылая свои тяжелые полусотенные фугасные снаряды по новым целям. Вздываются султаны разрывов, после чего наша пехота неумолимо двигается дальше, и в этот раз ей противостоят всего три пулемета, которые моментально подавляют тяжелые фугасы самоходок. Правда, еще стреляют финские пехотинцы, но это уже не

шквальный пулеметный огонь, а потому бойцы продолжают продвигаться вперед и скоро достигают финских позиций.

Мгновенно распolzшись среди вражеских дотов, бойцы сначала окончательно подавили сопротивление финской пехоты, которая прикрывала доты, а затем принялись выкуривать гарнизоны замолчавших дотов. При этом им приходилось опасаться боковых и тыловых амбразур, которые были у многих дотов. Не мудрствуя лукаво, бойцы просто забрасывали в амбразуры дымовые шашки, случайно оказавшиеся в обозе и выданные им перед атакой.

Примерно через час зачистка дотов закончилась, дивизия Пшенникова захватила участок примерно в километр шириной и теперь, выставив заслон, стала медленно продвигаться в стороны, расширяя прорыв. Самоходчики тоже не остались без дела, они задним ходом отошли назад, чтобы не подставлять боковым дотам свои борта и корму, и только уже за пределами действия финской артиллерии повернули вбок. Три машины двинулись направо, а другие три – налево, после чего все повторили. Снова выдвинувшись на дистанцию прямого выстрела, они принялись подавлять новые доты. Закончив тут, самоходки отошли назад и встали для пополнения боекомплекта, так как расстреляли практически все. Потратив новый боекомплект, снова отошли в тыл и после пополнения боекомплекта сделали получасовой перерыв на обед, который им принесли в термосах бойцы хозроты с кухни. К вечеру был захвачен шестикилометровый участок линии Маннергейма.

Комбриг Пшенников был доволен: приказ выполнен, первая линия финских укреплений захвачена на участке длиной в шесть километров, а потери дивизии минимальны. «Вот уж действительно “Костоломы”, – думал он о танкистах»^[26].

С такой поддержкой вполне можно захватить укрепрайон, а то дали бы артподдержку, и что? Пускай даже артиллерия долбила по финнам целый час, а толку, если доты они все равно взломать не смогут, а тут били прямой наводкой по амбразурам и заставили финнов заткнуться, чем и обеспечили успех пехоте, которая почти без потерь захватила вражеские укрепления.

– Ну что, Петр Степанович, как успехи?

– Вашими молитвами, Филипп Данилович! Спасибо за «Костоломов». Действительно, полностью свое название оправдали,

кости финнам только так ломали. Мы за сегодня шесть километров укреплений захватили, если будет подкрепление, то завтра еще больше освободим.

– Хорошо, будет тебе подкрепление, жди, завтра к тебе 90-я дивизия комбрига Зайцева подойдет.

– Спасибо, Филипп Данилович.

На следующий день, после того как к комбригу Пшенникову подошла в помощь 90-я дивизия, наступление продолжилось. Кроме того, что он расширил прорыв еще примерно на 4–5 километров в сторону, его бойцы двинулись вперед, вглубь финских позиций.

До конца ноября линия Маннергейма была сначала взломана во многих местах, а затем полностью зачищена, и после пары дней отдыха, когда спешно подвозили топливо, боеприпасы и продовольствие, а также пополняли личный состав, 7-я армия двинулась дальше^[27].

Та относительная легкость, с которой Красная армия прорвала линию Маннергейма, впечатлила финское командование. Полностью уверенные в том, что укрепленный район надолго задержит советские войска, финские военачальники впали в ступор. Кроме того, относительно успешное наступление советских войск шло практически по всей линии противостояния. Просто запредельная насыщенность советских войск бронетехникой, пуск и легкой, позволяла им постоянно давить на финские войска. Катастрофическая нехватка противотанковых средств сказала свое веское слово. Помимо этого советские войска успели далеко зайти на финскую территорию до начала обильных снегопадов, которые значительно затруднили передвижение.

Осознав, что Финляндия проигрывает войну, и еще немного, и русские войдут в Хельсинки, финское правительство скрепя сердце запросило перемирия, и 22 декабря оно было заключено. Прибывшая в Москву финская делегация 8 января 1940 года подписала в Москве мирный договор, согласно которому СССР отходили значительные земли, включая и Выборг.

Я сидел в своем кабинете и просматривал данные статистики о наших потерях в этой войне. Я не помнил данные из моего мира, но явно было видно, что сейчас потерь значительно меньше. Всего погибло и пропало без вести 14 867 человек, а еще 59 075 были ранены^[28].

Эти потери тоже были значительными, но гораздо меньше, чем могли бы быть. Кроме того, из-за более ранних сроков начала войны практически отсутствовали обмороженные.

По технике получилось следующее: мы безвозвратно потеряли в общей сложности 213 танков и 415 бронемашин и бронетранспортеров, в том числе и все 10 принявших участие в этой войне Т-35. В то же время ни один новый Т-50 или экранированный Т-28 не был уничтожен. Были подбитые танки, но все они или уже возвращены в строй после ремонта, или будут отремонтированы в ближайшее время. Скажу честно, меня эта статистика обрадовала, мало того, что потери в живой силе в несколько раз меньше, так и в технике – тоже^[29].

Кроме того, можно сказать официально, что Т-35 прошел тест на профпригодность. Вернее сказать, не прошел, так как с треском его провалил. Все танки были потеряны в течение первых двух недель войны, причем 6 из них в безвозвратных потерях. Вот новые Т-50 и экранированные Т-28 показали себя с самой лучшей стороны, особенно Т-28, которые очень хорошо глушили финскую пехоту своими пулеметами. Все же надо отдать должное, с противотанковыми средствами у финнов было не очень, но экраны хоть и утяжелили танк, зато добавили ему защиты, и в целом он очень хорошо выступил в этом конфликте, но, честно говоря, уже устарел. Представляю себе, если бы Т-28 и Т-35 появились в царской армии во время Первой мировой войны, правда, с теми царскими генералами просрали бы их только так. Новые бронетранспортеры тоже показали себя очень хорошо, и хотя среди них и были достаточно большие потери, но ведь и броня у них не противоснарядная, а противопульная, и крупнокалиберный пулемет или обычные бронебойные патроны она не держит, особенно вблизи.

19 января 1940 года, Кубинка

К 10 часам утра на полигоне в Кубинке стали собираться высокопоставленные начальники. Помимо меня явились Ворошилов, Шапошников, Тимошенко, Буденный, Конев, Кулик, Жуков, а также приехал и Сталин. Все разместились в бункере для начальства, а в километре от него развернулась батарея «Смерчей» из 6 установок на колесном шасси, в качестве которого выступили американские

шеститонные грузовики. Машины имели бронированные кабины с опускаемыми защитными щитами для стекол. С другой стороны бункера на поле разместили три десятка списанных старых танков, бронемашин, грузовиков и деревянных щитов, имитирующих солдат потенциального противника.

Кроме того тут присутствовало и несколько бригад кинооператоров, которые снимали все происходящее на киноплёнку. Три бригады снимали установки залпового огня спереди, сбоку и сзади, а еще три – правда, на безопасном для себя расстоянии и на всякий случай в вырытых блиндажах – поле полигона, по которому должен был быть нанесен удар, и тоже с трех сторон.

После приезда Сталина машины вышли на боевую позицию и спустя пять минут нанесли удар. Зрелище было просто фантастическое, на грузовиках стояли коробка с пусковыми трубами, блок направляющих 5 на 8, всего 40 ракет в пусковой установке, а учитывая, что в батарее было 6 машин, то и залп составил 240 ракет, которые все вылетели за 40 секунд. Расстояние приглушило звук запуска, но вид стартующих ракет был фееричен, а затем все смотрели на мишени, мгновенно скрывшиеся в пелене разрывов. Конечно, летом это было бы зрелищней, но и так, когда опала снежная пыль, поднятая разрывами ракет, то все увидели горящую, местами перевернутую технику и разнесенные щиты, имитировавшие пехоту противника.

Все ошарашенно смотрели на то, что осталось от мишеней, а я предложил переехать в соседний бункер наблюдения для показа уже гусеничных установок. Все без возражения переехали в соседний бункер, в двух километрах от этого. Кинооператоры тоже перебрались на новые места съемки. Заработали кинокамеры, и по отмашке на боевую позицию выехали гусеничные установки на базе легкого Т-50. Вместо башни на нем стоял блок направляющих, управление было выведено в боевой отсек машины. Находившаяся до этого в транспортном положении направляющая, сначала развернулась на 90 градусов, а потом приподнялась на нужную высоту, после чего сразу произошел залп ракет. Как только машины отстрелялись, тут же рванули с места, уже на ходу возвращая пусковые установки в транспортное положение. А на месте мишеней снова расцвели огненные султаны разрывов.

Выйдя из бункера, все отправились осматривать мишени. Все поле было просто перепахано взрывами, кругом горела перевернутая техника, а на месте деревянных щитов остались лишь обломки.

– Товарищ Павлов, что это было?

– Рад представить вам, товарищ Сталин, перспективный вид новейшего вооружения, которого пока нет ни в одной армии мира. Это реактивные системы залпового огня «Смерч», стреляют реактивными снарядами РС-82, разработанными для нашей авиации, дальность стрельбы 6 километров, радиус сплошного осколочного поражения одного снаряда – 6–7 метров. Устанавливаются на автомобильное и гусеничное шасси. При установке на гусеничное шасси имеют полное управление из боевого отсека, что вы и видели.

На мой взгляд, это идеальное оружие против прорвавшегося или атакующего противника. Рассчитано на работу по площадям, всего лишь один дивизион РСЗО из 18 установок способен заменить 5–6 полков ствольной артиллерии, в то же время стоит значительно дешевле, ну и маневренность установок вы видели сами. Приедет, даст залп и уедет на перезарядку, а ответный огонь противника придется уже на пустое место. Плюс сюда надо добавить еще и психологический фактор: когда внезапно с неба падает огненный дождь, не каждый сможет сохранить боеготовность и самообладание^[30].

Единственное, я считаю, что надо немного доработать ракеты, добавить туда взрывчатого вещества, довести его вес хотя бы до килограмма, а то сейчас там находится всего 360 граммов взрывчатки, что, на мой взгляд, слишком мало^[31].

– Даже так, товарищ Павлов, это достаточно эффективное оружие. Вы правы, такое оружие нашей армии крайне необходимо, начинайте его выпуск побыстрей.

Вернувшись с полигона в Кубинке, Сталин стал просматривать бумаги, аналогичные тем, что незадолго до него просмотрел комкор Павлов. Результат его одновременно и радовал, и огорчал. Радовали относительно небольшие потери в живой силе и технике, а также достаточно успешные действия войск, а вот огорчало то, что его гордость, тяжелые танки прорыва Т-35, как и говорил Павлов, оказались крайне неэффективны, все они были выведены из строя во время этой войны, причем даже не оказав на ее ход никакого

положительного влияния, наоборот, в паре случаев они закупорили своими корпусами проходы, и пришлось основательно повозиться, чтобы освободить их.

Думал он и о самом Павлове, за последние два года он очень многое сделал для повышения мощи армии, в частности бронетехники, да и его прогнозы потихоньку сбываются. Напряжение в мире нарастает, все отчетливей пахнет новой войной в Европе. Павлов вон как старается побыстрее внедрить в войска новую технику и новые части, в частности мехкорпуса, правда, он немного переработал то, что предлагал Тухачевский^[32].

Также Павлов категорически отказался от идеи Тухачевского сделать ставку на скоростные легкие танки, вместо этого он сделал ставку на средние и тяжелые, оставив легкие только для разведки и сопровождения колонн.

До самого вечера Сталин обдумывал идеи Павлова, а после ужина ему доложили, что отснятую днем на полигоне пленку проявили и смонтировали из нее фильм.

В одиночестве пройдя в кинозал, он стал смотреть отснятый материал. Ну что сказать, фильм получился зрелищным, кинооператоры оказались профессионалами в своем деле, все было заснято с самых лучших ракурсов. Там, на полигоне, хоть и смотрели в бинокли, но все же это было не совсем то, а тут он видел установки крупным планом, а также стрельбу из них и результаты обстрела. Фильм был со звуком, и Сталин смотрел, как со скрежещущим звуком в небо взлетают сотни огненных стрел, чтобы спустя совсем короткое время обрушиться вниз. Сейчас – на мишени, а в будущем – на головы ничего не подозревающего противника. Вот вид сзади, видно, как вылетают реактивные снаряды. А вот спереди и затем сбоку, а затем оператор заснял, как снаряды падают на мишени, и снова с трех ракурсов по очереди.

Первый фильм закончился, здесь стрельба велась с колесной техники, а затем снова застрекотал киноаппарат, и на экране пошел второй фильм, уже с установками на гусеничном ходу. Здесь было почти то же самое, различие (кроме, конечно же, самой техники) было в том, что в первом случае расчеты вручную наводили установку на цель, а во втором все делалось дистанционно из боевого отсека

установки. Фильм закончился, а Сталин думал, что и это оружие предложил Павлов.

По его приказу сначала Ежов, а затем и Берия втихую провели тщательную проверку Павлова и не нашли ничего порочащего его. Ни в каких группах Павлов не состоял, никаких разговоров, кроме как о технике и тактике боевых действий, не вел. Да и при личных встречах предупреждал его о неминувости большой войны в Европе, причем говорил это только ему, возможно, еще очень ограниченному кругу лиц. Действительно, грамотный и достаточно преданный ему человек, так что, вероятно, можно включить его в свою команду^[33].

В феврале на очередном совещании в Генштабе поднялся вопрос о создании следующих мехкорпусов. Первые четыре к этому времени не только были полностью сформированы и укомплектованы, но даже успели получить боевую практику на Дальнем Востоке и во время финской войны. Пускай не все части мехкорпусов, но очень многие, так что теперь можно было приступить к началу формирования еще четырех мехкорпусов.

Я думал об этом, так как это было очевидно, и на совещании предложил места для формирования мехкорпусов. Пятый мехкорпус разместить в Луге, поближе к Ленинграду, в случае чего он быстро сможет выдвинуться к финской границе. Шестой разместить в Пскове, он сможет прикрыть и Ленинград, и Ленинградский Западный военный округ со стороны Прибалтики. Конечно, вслух я это не озвучил, просто указал, что это выгодно тем, что мехкорпус может выдвинуться в любую сторону. Оставшиеся два мехкорпуса размещались на Украине, 7-й – в Николаеве и 8-й – в Харькове. Не в самих городах, а неподалеку, рядом с железной дорогой, чтобы в случае необходимости могли мгновенно погрузиться в эшелоны и направиться в нужную сторону.

Было и еще одно очень важное совещание, в котором принял участие Сталин. Касалось оно укрепрайонов. После того как к нам присоединились Западная Украина и Белоруссия, поднялся вопрос касательно укрепрайонов. Тогда, в моей истории, погнались за двумя зайцами и проиграли, сейчас я намертво отстаивал свою точку зрения по этому вопросу.

– Товарищи, вы ведь все знаете притчу об охотнике и двух зайцах, так вот, сейчас вы мне как раз и напоминаете того самого охотника. На

данный момент укрепрайоны старой границы почти достроены, остались мелочи, а что предлагаете вы? Демонтировать там все вооружение для новых укрепрайонов? С моей точки зрения, это как минимум дурость, а как максимум – прямое вредительство. Укрепрайоны фактически уже готовы, так зачем их ликвидировать, если для строительства новых потребуется несколько лет, а кто из вас может гарантировать нам, что у нас будут эти несколько лет? Обстановка в Европе накаляется. Что будет, если почти готовую линию укреплений по старой границе мы разоружим, а новую линию построить не успеем? Что мешает нам сначала полностью закончить старую линию, тем более что для этого нужно не больше года, после чего начать строить следующую линию уже по новой границе. Ведь две линии лучше, чем одна, а может так случиться, что не будет ни одной, если война застигнет нас до окончания строительства.

– Товарищ Павлов, почему вы так уверены в предстоящей войне и почему вы думаете, что рабочий класс европейских стран пойдет на нас войной?

– Лев Захарович, извините, при всем моем уважении к вам, но солидарность европейских рабочих с нами – это миф. Не отрицаю, есть среди них такие, про кого вы говорите, но их очень мало. Давайте не прятать голову в песок, как страус. Я не отрицаю вклад основоположника коммунизма Карла Маркса в его развитие, но и он не избежал ошибок. Давайте вспомним его слова. Не помню сейчас, в какой именно работе он это писал, но вот его слова: он пишет, что построение коммунизма возможно только в европейской стране, и полностью отрицает возможность коммунизма в России. А что мы видим сейчас? Почему коммунизм строим только мы, почему его сейчас не строят в Европе? Я, конечно, не истина в последней инстанции, но, на мой взгляд, тут важно мышление людей. Коммунизм подразумевает коллективный труд, и как раз тут Россия имеет общинную историю, когда люди объединялись, как при коммунизме, и помогали друг другу, работали сообща, в то время как в Европе процветал махровый индивидуализм. Именно по этой причине построение коммунизма в Европе, по крайней мере сейчас, невозможно. Товарищ Сталин это понял, и именно поэтому он не стал, как Троцкий, стараться сразу построить коммунизм во всем мире. Он строит его в отдельно взятой стране, которая наиболее для этого

подходит. И только тогда, когда мы его построим у себя, вот тогда, показав всему миру на собственном примере, можно будет говорить о построении коммунизма в других странах. А сейчас западные рабочие думают только о себе, и если им пообещают земли и рабов на Востоке, то есть у нас, то они без колебаний пойдут их завоевывать. Повторю, не все, но большинство, а про рабочую солидарность они будут вспоминать, только попав к нам плен. Именно поэтому нам и необходимо всемерно укреплять нашу армию и готовиться к тому, что капиталисты не оставят нас в покое, так как сам пример нашей страны несет им смерть.

Даже не говоря о том, что им нужны наши ресурсы, показатель того, что в нашей стране люди живут хорошо и нет эксплуатации народа, будет для их власти явной угрозой.

Мехлис и хотел бы возразить на это, но не смог. Конечно, то, что я сказал, в контексте можно было выдать за троцкизм, но все вместе, наоборот, говорило о правильности выбранного Сталиным курса. Не отрицаю, прошел я тут, можно сказать, по грани, но своего добился, смог склонить мнение большинства на необходимость сохранения уже практически построенной линии обороны. Ведь в той истории даже в разоруженных дотах успевшие занять их наши войска оборонялись дольше, чем на открытых участках. А тут немецкий вермахт встретят полностью укомплектованные укрепления, и я постараюсь дополнить их еще больше полевыми укреплениями, по крайней мере в Белоруссии точно.

9 марта 1940 года

Сегодня неожиданно для меня пришел приказ, в котором я назначался командующим Белорусским особым военным округом (через несколько месяцев он получит наименование Западного особого военного округа). Неожиданность была не в том, что меня назначили туда командующим, а время назначения. Я в свое время очень хорошо изучил историю своего полного тезки и потому знал, что в реальной истории он должен был получить это назначение только 7 июня этого года. Главное, что на должности руководителя Главного автобронетанкового управления я уже сделал все от меня зависящее и по праву мог гордиться проделанной работой.

Вся та техника, которая должна была поступить на вооружение нашей армии в тяжелые годы войны, начала поступать значительно раньше, причем зачастую с уже исправленными детскими болезнями. Теперь немецкий вермахт встретят не устаревшие Т-26 и БТ, а новейшие легкие Т-50, средние Т-34, по сути являющиеся Т-44, и тяжелые КВ, а кроме них еще целый ряд различной бронетехники, от легкой до тяжелой. Да и с мехкорпусами тоже получилось очень хорошо, пускай их будет только восемь, зато они полностью сформированы и вооружены, вернее последние четыре еще только в плане, но до начала войны вполне успеют. Это не то, что было в реальной истории, когда мехкорпусов было много, вот только полностью укомплектованных – мало.

А дома меня ждала еще одна тяжелая битва, жена, когда узнала о моем новом назначении: и что я хочу оставить ее с детьми в Москве, включила режим пилорамы и начала выносить мне мозг требованием взять ее с собой.

– Сашенька, да пойми ты, я забочусь исключительно о вас.

– Знаю я вас, мужиков, небось, хочешь меня здесь с детьми оставить, а сам покуролесить в Минске!

– Ладно, слушай внимательно, только чтобы никому ни-ни, а то за такое и арестовать могут.

Жена при этих словах сразу притихла.

– Обстановка в мире, как я и предполагал, накаляется, по моим прикидкам, в этом году Германия нападет на Францию, чтобы обезопасить свой тыл, а в следующем – уже на нас. Как ты думаешь, как мне будет воеваться, когда я буду беспокоиться о вас, о тебе с детьми, если вы будете в Минске? Тем более что сдержать немцев будет нелегко, на начальном этапе войны нам даже придется отступить, и только немного позже, когда перемелем основные силы немцев, пойдем вперед. Кроме этого, ты о детях подумала? Как им менять школу, оставить друзей? Для них это будет большим стрессом.

– Дима, может, стоит предупредить товарища Сталина?

– Не беспокойся, Сашенька, товарища Сталина я уже давно предупредил, рассказал ему о возможном развитии дел, и он в курсе, но сама понимаешь, это не для всеобщего обсуждения. Скажешь кому – и тут же донос настрочат, так что ни с кем об этом не говори и не обсуждай.

– Хорошо, Дима, я останусь с детьми в Москве.

– Вот и хорошо.

Слава Богу, смог уговорить жену остаться здесь, а сам, сдав дела комдиву Федоренко, убыл в Минск^[34].

По прибытии в Минск сначала знакомился со штабом военного округа, затем отбыл с инспекцией укрепрайонов, необходимо было своими глазами все осмотреть, а не довольствоваться чужими отчетами. Только ознакомившись со всем лично и все проконтролировав, можно было приступать к финальной части своих планов по организации обороны.

Когда занят, то время летит, порой даже не успеваешь за его ходом, – оно пролетит быстро, а сделать надо еще прилично. Зато потом немцев будет ждать большой смертельный сюрприз. И хотя я не надеялся их удержать на границе, по крайней мере, рассчитывал продержаться до осени на линии укреплений старых рубежей, той самой линии Сталина. А заодно значительно проредить состав немецкого вермахта, выбив в нем самые обученные и подготовленные войска. Вот чего точно не будет, так это того катастрофического разгрома, что понесла Красная армия в моей истории. И как говорят джедаи в одной далекой-далекой галактике, «да пребудет с нами сила».

Глава 7

Через пару недель после того как я вник в дела округа, настало наконец время и для разговора с руководством республики. В конце концов нам тут предстоит вместе оборону держать и вместе готовиться к началу войны, а по моим планам мне много чего от него требовалось. Первым на очереди был первый секретарь Белоруссии Пономаренко, вот такой каламбур получился. К нему на прием я попал без труда, стоило только позвонить в секретариат и попросить о встрече, как уже на следующий день я был у него.

– Добрый день, товарищ Павлов, или можно по имени-отчеству?

– Здравствуйте, Пантелеймон Кондратьевич, конечно по имени отчеству лучше, нам тут вместе предстоит руководить, хоть и каждому своим, но все равно, думаю, лучше дружить и вместе делать общее дело, чем интриговать друг против друга.

– Рад такое слышать, я только за, так с чем вы ко мне пожаловали, по делам или просто представиться?

– Знаете, пожалуй, и по тому, и по другому поводу.

– И чем я могу вам помочь?

– Многим, Пантелеймон Кондратьевич, многим. То, что я вам сейчас скажу, в руководстве страны знают, это не секрет, я сам лично об этом говорил товарищу Сталину, просто это не для всех. Незачем понапрасну нагнетать обстановку и давать поводы для паники.

– Право слово, заинтриговали вы меня, Дмитрий Григорьевич.

– Уж как есть. По моим прогнозам, у нас на носу война, все, что я прикидывал, уже сбылось, поэтому я более чем уверен, что Германия в этом году начнет войну с Францией и разгромит ее, после чего уже в следующем году нападет на нас.

– Почему вы так уверены в этом? Я могу допустить войну с Францией, тем более что технически Германия и так находится с ней в состоянии войны. Ведь после того, как в прошлом году французы объявили войну немцам, официального мира они так и не заключили, но почему, по-вашему, немцы выиграют, ведь в Империалистической войне они проиграли французам?

– Тут, Пантелеймон Кондратьевич, не все так просто, как кажется. Да, в прошлой войне немцы проиграли, но не одним французам, а целой коалиции стран. Более того, на момент подписания капитуляции на территории Германии не было ни одного вражеского солдата, наоборот, это Германия оккупировала вражеские территории. Воевать немцы умеют, а потому они быстро разгромят французам, думаю, им понадобится для этого не больше трех месяцев. А вот затем уже примутся за нас. Считаю, что они нападут на нас весной – летом следующего года.

– Вы уверены в этом?

– Более чем, впрочем, долго ждать не придется, не позднее середины лета, а то и раньше Гитлер нападет на Францию, и вы сами убедитесь в правоте моих выкладок^[35].

– Хорошо, возможно, вы и правы... Но что вы хотели от меня, вы ведь не просто так пришли, я прав?

– Да, вы правы, а хочу я от вас помощи в создании укрепрайонов.

– Простите, Дмитрий Григорьевич, но это не относится к моей компетенции, чем же я смогу вам помочь?

– Многим, Пантелеймон Кондратьевич, очень многим. В Минске расположены различные предприятия, в том числе и металлургические. Сейчас вы можете просто обдумать мою просьбу и прикинуть, как ее выполнить, когда убедитесь, что я прав. Ничего сверхъестественного от вас я не прошу.

Вот посмотрите, я специально набросал рисунки необходимого, это бронекапсулы для полевой обороны. Их сделать можно на любом металлургическом производстве, вот это пулеметная капсула, это стрелковая потерна, это противотанковый капонир для пушки, а это наблюдательный пункт для командования. Если эти бронекапсулы есть в наличии, то отрыть окопы и установить их на позициях можно в считанные дни, особенно если будет инженерная техника, а ее выпуск уже начали на Кировском заводе в Ленинграде.

Также необходимы будут и пиломатериалы для окопов. Даже если вы начнете производство бронекапсул осенью, то до следующей весны их получится сделать достаточное количество, а установить можно будет быстро при нужде.

– Хорошо, Дмитрий Григорьевич, я подумаю.

– И еще, сейчас, по мере поступления новой техники, мы будем выводить из строя старые танки, но полностью списывать их не будем, есть задумка переделать их в неподвижные огневые точки. Здесь тоже нужна помощь ваших предприятий. Необходимо будет сначала демонтировать с них всю ходовую часть и двигатель, а затем сделать в корме и стенке моторного отсека проход, а также навесить дополнительную броню на башню. После чего этими танками будет укреплена оборона мостов, бродов и стратегических узлов. Будем закапывать их в землю и превращать таким образом в эрзац-доты. Как говорится, дешево и сердито, зато можно быстро значительно усилить полевую оборону.

– Это мы сделать сможем, и вообще, сделаем все, что будет в наших силах.

Прощавшись с Пономаренко, я ушел.

Пантелеймон Кондратьевич задумался. Просьба Павлова была необычной, да и по слухам, которые бродили в верхах, Сталин прислушивался к его мнению. По-любому сначала надо посмотреть, нападет Гитлер на Францию или нет, а уже потом решать, что делать. Хотя в просьбе Павлова нет ничего невыполнимого, просто придется скорректировать кое-какие планы да запросить добро наверху, все же это расходы не только денег, но и материалов, и в одиночку он такой вопрос решить не сможет.

В целом встреча с Пономаренко мне понравилась. Понятно, что в одиночку он такой вопрос решать не будет, проконсультируется в Москве, но поскольку это должно пойти на усиление обороноспособности, то, думаю, одобрят. И я оказался прав, месяц спустя, 21 мая, мне позвонил Пономаренко и сказал, что получил в Москве разрешение на производство для армии бронекансул.

Но это были, так скажем, дела хозяйственные, а были и военные. Зная о той деятельности, что устроят здесь агенты Абвера, я решил с самого начала максимально затруднить им тут жизнь.

Во-первых, издал приказ, запрещающий бойцам в одиночку передвигаться вне расположения своих частей, минимум втроем, тут уже труднее одновременно убить или захватить всех троих.

Во-вторых, в армейские патрули вне населенных пунктов отправлять не меньше отделения и только с бронетехникой. Тут немцам будет трудно закосить под патруль, по крайней мере,

армейский, так как бронетехники нашей у них нет, а ее пропажа сразу станет известна, это вам не просто грузовик угнать. А в населенных пунктах патрули все из того же отделения, это десяток-полтора бойцов при командире.

В-третьих, озаботился созданием нормальной службы охраны тыла. Слишком хорошо я знал, что могут натворить в тылу противника хорошо обученные и снаряженные диверсанты, а немцы в этом толк знали. Всеми правдами и неправдами постарался привлечь для этого бывших пограничников, кто недавно демобилизовался из армии. К сожалению, таким образом мне удалось получить лишь с полсотни бойцов, а это в условиях округа капля в море. Остальных пришлось добирать из частей, причем не кого попало, неповоротливые пентюхи мне в ней не нужны. По мере возможностей сюда отбирали охотников, тут, как говорится, два в одном, даже три, меткий стрелок, лесовик, знающий лес, и, наконец, неплохой следопыт.

Но на этом я не ограничился и значительно расширил кинологическую службу, которая до этого была, считай, никакая. Конечно, моментально результата не получить, собачкам сначала вырасти нужно, но за полгода точно все потребности закроем. По штату в каждом взводе необходимо было иметь пару собак с проводниками, а желательно и больше. Забегая немного вперед, скажу, что уже к осени служба охраны тыла была полностью сформирована и укомплектована всем, включая и служебных собак, которые как раз за эти месяцы подросли и были выдрессированы. Здесь мне неоценимую помощь с подготовкой собак оказали пограничники, вернее их инструкторы по дрессировке служебных собак.

И, безусловно, служба охраны тыла получила автотранспорт. Учитывая, что в основном бойцы будут действовать в лесах да на своих двоих, то и снабдили их в основном открытыми колесными бронетранспортерами, в основном именно для транспортировки личного состава. В отличие от армейских машин, имевших камуфляжную расцветку, эти машины просто красили в зеленый цвет, а по борту шла надпись «Военная комендатура», так как служба охраны тыла как раз к ней и относилась.

Кроме того, все разведбаты в частях не сидели на месте, а прочесывали леса, да и так по дорогам мотались трупы из пары бронетранспортеров с двумя десятками бойцов при оружии.

Результаты не замедлили сказаться, было захвачено и уничтожено много бандитов и националистов, в том числе и агентов Абвера. Правда, были конфликты с госбезопасностью, накрученные мной командиры проверяли чекистов, не делая скидок, и под прицелом автоматов и самозарядных винтовок. Все это послужило поводом для визита в республиканское управление НКВД к ее начальнику, комиссару государственной безопасности 3-го ранга Цанаве.

19 мая 1940 года, республиканское управление НКВД, Минск

– Добрый день, Лаврентий Фомич, вот, решил заглянуть к вам для решения небольших недоразумений, которые случаются у наших людей.

– Здравствуйте, Дмитрий Григорьевич, хороши недоразумения: ваши бойцы вообще обнаглели сверх всякой меры, моих людей под прицелом автоматов проверяют, даже несмотря на то, что они сотрудники органов госбезопасности.

– Так они действуют по моему приказу, к тому же откуда им знать, настоящие это сотрудники НКВД или фальшивые.

– Как это фальшивые?!

– А вот так, взгляните.

С этими словами я достал из планшета, который взял с собой, с десяток удостоверений сотрудников НКВД и высыпал их на стол перед собой. Цанаву придвинул их к себе и стал изучать.

– Не знаю таких сотрудников, Дмитрий Григорьевич. Откуда у вас эти удостоверения?

– Как раз от моих патрулей. Да вы эти удостоверения поподробней рассмотрите, ничего странного в них не замечаете?

– Спецметки нет.

– А еще? Мои бойцы ваши спецметки не знают, но тем не менее определили, что документы фальшивые.

– Не знаю.

– А вы свое удостоверение достаньте и посередине откройте, а потом с этими сравните.

Цанаву, достав собственное удостоверение, раскрыл его посередине, также раскрыл и фальшивое и только тогда понял, на что я ему намекал.

– Скрепки! У меня они ржавые, а тут блестят как новые.

– Именно! Вы еще на дату выдачи посмотрите.

– Выдано, судя по дате, полтора года назад.

– А скрепки как новые. Теперь понимаете, почему мои бойцы так проверяют ваших сотрудников? Ведь, по логике вещей, если засылать к нам агентов, то лучше всего под личиной тех, кого будут проверять в последнюю очередь, или вовсе не станут этого делать, то есть сотрудников госбезопасности.

– Дмитрий Григорьевич, а раньше вы мне это сказать не могли?

– Извините, Лаврентий Фомич, но так у меня доводы для вас весомей, вы ведь могли мне и не поверить без доказательств. Но я вовсе не против совместной работы с вашим ведомством, ведь дело одно будем делать. Думаю, что создать патрули из одних ваших людей – не очень хорошая идея, противник легко сможет сработать под них. Будет лучше, если ваши люди войдут в состав моих патрулей, скажем по одному сотруднику, которого привезет командир, знакомый моим коллегам. Наимер, каждый день мы будем присылать к вам транспорт, который будет забирать ваших людей и отвозить их в комендатуру, где их и будут распределять по патрулям, а потом отвозить назад. Так невозможно будет подсунуть в патруль фальшивого сотрудника НКВД.

– А что, идея хорошая, вы правы, делить нам с вами нечего, одно дело делаем. Сегодня же пришлю к вам в комендатуру своего сотрудника, он все и обговорит, когда и сколько наших сотрудников забирать.

– Вот и чудесно. Надеюсь, больше претензий к нам нет?

– Теперь нет. У вас все?

– В принципе, да.

– Тогда всего вам хорошего, Дмитрий Григорьевич.

Вот так, еще один важный вопрос решил, причем хорошо, помирному, а то еще воевать с госбезопасностью накануне войны – затея так себе.

А затем потянулись монотонные будни, но и я не сидел сиднем все это время в штабе. Все войска округа усиленно учились. Я, имея достаточно времени и зная ход предстоящих действий, набросал план будущих боевых действий. Конечно, в полном объеме он не будет выполнен, ведь как только начнется война, и я сделаю свои ходы, и ответные ходы противника могут быть не такими, на которые я рассчитываю.

Но тем не менее командование частей стало тщательно изучать предстоящий театр военных действий. Командиры частей лично, правда с соответствующей охраной, бывали на местах предстоящей обороны и изучали местность, в том числе и пути возможных обходов ее противником. Памятуя о том, что в той жизни зачастую немцы обходили наши части по считавшимся непроходимыми болотам, приказал уделить этому особое внимание^[36].

Все это, не желая заранее нагнетать обстановку, я преподносил решением провести весной следующего года здесь большие маневры. А перестраховщикам объяснял, что так маневры будут на расстоянии в 100–300 километров от границы и не должны провоцировать немцев. Тем временем в Минске начались работы по производству бронекапсул и переделке старых танков в неподвижные огневые точки. Пока все это просто складировалось, но с начала мая следующего года будет быстро установлено на свои места. С Кировского завода прибыла партия инженерных машин, 30 машин разграждения с краном вместо башни и 20 траншеекопателей с дополнительными отвалом и ковшом экскаватора сзади. Этого, плюс с десятков инженерно-строительных батальонов вполне хватит для строительства линии полевых укреплений.

Сам я носился по частям с проверками, по пустякам не докапывался и на внешний вид бойцов внимания не обращал, а вот их боевую подготовку и учебу, наоборот, проверял самым тщательным образом. Правда, случались конфликты с политуправлением, им дико не понравилось сокращение времени на политучебу. А я просто не хотел терять такое дефицитное время на этих звездунов, бойцы и так достаточно мотивированы, а если среди них и есть гниды, то политруки все равно их не перевоспитают, так что незачем терять понапрасну время на этот звездежь.

За эти дни мой кортеж раз пять попадал под обстрел, но охрана каждый раз подавляла нападавших огнем. Во всех случаях это оказались националисты, но три пулеметных бронетранспортера со взводом охраны не оставили им ни малейшего шанса.

Еще повезло, что ни разу не закладывали фугасы, так как его машина не выдержит, но и так приятного было мало. Когда по броне машины стучат пули, ощущение еще то. Мы в таких случаях просто прибавляли скорость, стараясь побыстрее покинуть опасную область, а

пулеметы бронетранспортеров всю работу на подавление противника. Одновременно с этим связывались с ближайшей частью и вызывали поисковые группы. Кроме чисто боевых частей для этого привлекалась и служба охраны тыла, тут они действовали сообща.

Вот так и летело время, пока в начале августа я не взял отпуск, а то за последние несколько лет все времени не было. А тут решил на Черное море съездить. Попутным военным бортом сначала вылетел в Москву за семьей. А вы что подумали, что я с ППЖ поеду отдыхать? Нет, только с семьей. Уже из Москвы на поезде выехали в Феодосию. Конечно, такого, что было в мое время, тут еще нет, но санатории и дикие туристы уже появились, хоть и не в таких количествах. Надо пользоваться моментом и возможностями, так как в ближайшие лет пять точно так уже не отдохнешь. Жена и дети были в восторге, кроме самого малого, тот еще почти ничего не понимает.

В последних числах августа снова поезд, уже на Москву, перестук колес, запах угля, стаканы с чаем в металлических подстаканниках и сушки. Я наслаждался каждым мгновением общения с семьей, так как снова это будет уже не скоро, разве что постараюсь весной хоть на неделю к ним вырваться, поскольку в свете предстоящей войны категорически не хотел их присутствия в Минске. Все хорошее имеет свойство заканчиваться, и вот я опять в поезде, но уже один и еду из Москвы в Минск.

Потихоньку бойцы чистили леса. В ходе постоянных маневров и учений они не только быстрее обучались, но кроме того знакомились с будущим театром военных действий и заодно охотились за националистами. Кроме стандартных постов с бронетехникой в лесах и на дорогах делали и скрытые посты, которые обычных прохожих и проезжих не проверяли, а охотились на бандитов и националистов. Все эти усилия стали приносить свои плоды, количество нападений и диверсий неуклонно сокращалось.

Осенью я снова попросил Пономарева о встрече, надо было немцам сюрприз готовить, и тут мне требовалась помощь руководства, так как мои бойцы все не сделают, банально даже материала для моей затеи не будет.

— Здравствуйте, Пантелеймон Кондратьевич, я снова к вам за помощью.

— Приветствую, Дмитрий Григорьевич, что на этот раз?

– Да хочу немцам сюрприз сделать, смертельный сюрприз, но один не смогу, помощь ваша нужна.

– И что за сюрприз?

– Хочу им ложные цели подсунуть, со следующей весны сделать вид, что у нас все самолеты, танки и артиллерия исключительно в местах дислокации сосредоточены, а для этого надо их макеты сделать. В принципе мои бойцы и сами могут макеты сделать, вот только для этого материал нужен, а у нас его очень мало, вот и нужна ваша помощь.

– И что надо?

– В основном пиломатериалы, можно любую некондицию, им всего пару месяцев постоять, да старый брезент.

– Это чтобы, как начнется, немцы ваши обманки бомбили?

– Верно, а мы по краям зенитки поставим, да на обратном пути их перехватим.

– Хитро придумано! Хорошо, поможем, давайте вашу заявку, заодно и со строительством макетов поможем. Вы по-прежнему уверены в войне?

– Да, Пантелеймон Кондратьевич, уверен. Сами же видите: как я и говорил, напали немцы на французов, всю Европу под себя подмяли, англичане им не страшны, те на своем острове сидят безвылазно, а сил для войны на континенте у них нет, вот теперь можно смело и на нас лезть, не опасаясь удара в спину.

– Как бы я хотел, чтобы вы ошибались.

– Я бы сам этого хотел, но это зависит не от нас, а мы можем лишь подготовиться к предстоящему, и чем лучше подготовимся, тем меньше крови своих людей потом прольем.

Пономарев отдал распоряжение, и нам выделили пиломатериалы, да и работников тоже дали, немного, но их помощь была неоценима. Все работы шли на закрытых территориях. Разработав чертеж, бойцы и рабочие изготавливали детали, которые и складировали, а собирать их будем весной, когда снег сойдет.

Незаметно пролетела осень, затем быстро шла зима, и вот уже Новый год на носу. Взяв неделю отпуска, я рванул в Москву к семье, и праздник встречал весело, не хотелось грустить. Это время вообще пролетело мгновенно, кажется, что только приехал, а уже пора уезжать назад.

Остаток зимы пролетел также быстро, и как только растаял снег, и температура поднялась, так сразу начался незаметный вывод войск в леса. Вместо выводимых танков и орудий их места занимали макеты, и хотя они вроде как и были накрыты масксетями, но немецкие авиаразведчики, которые регулярно летали над нами, несмотря на наши протесты, фотографировали стоящую в парках технику и орудия.

На аэродромах было то же самое, самолеты вывели на небольшие полевые аэродромы, а на их местах открыто стояли уже списанные самолеты, выработавшие свой ресурс, или их макеты под маск-сетями и брезентом.

Время неумолимо тикало, с каждым мгновением приближая неизбежное, а я пытался вспомнить, что еще можно сделать в оставшиеся месяцы. Кроме самой техники в леса вывезли и склады, организовав их в местах будущей обороны. За прошедший год все уже привыкли, что в лесах постоянно рыскают военные, а потому никого не удивляло то, что то тут, то там оказывалась запретная зона. Это хорошо помогало скрыть передислокацию наших войск. Конечно, пока не начнется, не узнаешь, как хорошо сработала твоя уловка, но я надеялся, что противник не смог вскрыть мои приготовления к предстоящей войне. Первого июня меня вызвали в Москву к Сталину.

2 июня 1941 года, Кремль, Москва

– Здравствуйте, товарищ Сталин.

– Здравствуйте, товарищ Павлов, проходите, садитесь. Уже начало лета, а пока все тихо. Вы по-прежнему уверены, что немцы нападут на нас?

– Да, товарищ Сталин, уверен, до конца этого месяца сохранится опасность начала войны. Если до начала – середины июля не начнется, то, считай, в этом году нам повезло, вот только не думаю я, что Гитлер будет долго ждать. Он видит, что время работает на нас, что мы все время усиливаемся, а потому не станет долго ждать.

– Разведка уже несколько раз докладывала даты начала войны, и каждый раз она не начиналась.

– Товарищ Сталин, войну начать – это не соседу в морду дать, тут подготовиться надо, а как ни планируй, но всегда остается вероятность непредвиденной ситуации. Видимо, каждый раз происходило что-то, что заставляло переносить дату нападения.

– Хорошо, идите, надеюсь, вы хорошо подготовились.

– Я сделал все, что только было в моих силах, и если немцы все же решатся, то их ждет смертельный сюрприз.

Вернувшись назад в Минск, я начал последнее – скрытую эвакуацию семей командиров. Мне вовсе не улыбалось, чтобы с началом войны мои командиры больше думали о безопасности своих семей, чем о войне. И вот тут мне пришлось основательно схлестнуться с политотделом. Честно говоря, я с самой своей курсантской юности недолблю этих звездунов, и если в мое время они могли просто подгадить твоей карьере, то сейчас, по сути ни за что не отвечая, политработники имели большую власть и возможность качественно нагадить любому командиру вплоть до фатального исхода^[37].

Эти звездуны приняли в штыки мою идею о скрытой эвакуации семей командиров и принялись с большим энтузиазмом ставить мне палки в колеса. И тут мне пришлось доводить дело до скандала, правда, как говорится, в своем узком кругу. Когда я объявил на совещании командования округа о своем решении отправить в течение недели все семьи командиров на Черное море, чтобы именно так скрыть ото всех истинную причину их отъезда, то политуправление категорически воспротивилось этому. Больше всех возражал начальник политуправления округа:

– Вы что, думаете, что немецкий пролетариат пойдет на нас войной? Я буду вынужден поставить в Главном политуправлении вопрос о вашей политической незрелости.

– Можете ставить какие хотите вопросы и где угодно, вот только если завтра случится война, то наши командиры в первую очередь будут думать не о своих бойцах, а о своих семьях! А вы сами сможете потом смотреть в глаза тем командирам, чьи семьи погибли из-за вашего ослиного упрямства? А немецкий пролетариат, так он не то что послушно, а с большой охотой пойдет на нас войной за обещанные ему фюрером восточные земли и рабов. Не путайте наш рабочий класс и немецкий, как и весь западный рабочий класс. Во всей теории товарища Маркса есть всего одна ошибка, но она очень существенна. Не помню, в какой точно работе он писал, но там сказано, что построить коммунизм может только западный рабочий класс, а славяне

на это не способны. Не поручусь за точность слов, но где-то так он и сказал^[38].

При этом он допустил фундаментальную ошибку именно западный рабочий класс, воспитанный в обществе ярых индивидуалистов, мало способен на коллективный труд, как он пишет в своих работах о коммунизме. Западная цивилизация приучена думать в первую очередь о себе, в отличие от России, где общинная система издревле подразумевала коллективный труд. Почему революция в итоге победила именно у нас? Ведь были социалистические республики в Германии, Австрии и других странах Европы, но их сразу задавили. О своей приверженности коммунизму немецкие рабочие будут вспоминать, только попав к нам в плен, а до этого будут послушно выполнять приказы своего командования в надежде получить после войны у нас наделы и рабов.

– Я этого так не оставлю! Это уже прямой троцкизм!

– Как раз наоборот, это Троцкий все стремился к мировой революции, и для него Россия была лишь топливом для нее, при этом ему было плевать, что станет со страной и ее народом. В отличие от него, товарищ Сталин трезво смотрит на мир и потому строит коммунизм в отдельно взятой стране, поскольку отлично понимает, что лишь на реальном примере можно доказать всему миру жизнеспособность коммунистической идеи. Только на собственном примере мы сможем показать рабочим всего мира, что можно жить по-другому, а насильно коммунизм им не принести.

Еще минут десять я спорил с этим твердолобым ортодоксом, но все же настоял на своем, надавил своей должностью и приказал немедленно начать скрытую эвакуацию. При этом я несколько не сомневался, что сразу же после совещания на меня в Москву ушли телеги доносов.

Двумя днями позже, Кремль, Москва

– Уймись Лева, Павлов все сделал правильно.

– Но его высказывания о Марксе!

– Ты сам читал все его работы или только «Капитал»? Павлов прав, Маркс был жутким русофобом, просто это не афишируется, чтобы не портить в глазах людей его облик. И про семьи комсостава он

тоже прав, пусть командиры думают о своих бойцах, а не о своих семьях.

– Но война... Почему Павлов так уверен в ее начале?

– Чутье, все, что он мне предсказал о развитии событий в Европе, уже сбылось, да и немцы не просто так стягивают к нашей границе свои войска. Тебе все ясно? Павлова не трожь! Он за последние несколько лет столько сделал для страны и армии, как никто другой. Все, иди.

Раздраженный Мехлис вышел из кабинета Сталина. Павлов не понравился ему еще несколько лет назад, но повода для заведения на него дела не было, да и явная поддержка того Сталиным связывала ему руки, вот и теперь Сталин прямо дал понять, что лезть в дела Павлова и тем более трогать его – нельзя. Но ничего, он подождет, он умеет ждать.

Ничего этого я не знал, в оставшееся время носился по частям, проверяя их боеготовность и развертывание на рубежах будущей обороны. Вот так и наступил вечер субботы 21 июня 1941 года. Рано вечером я лег спать, приказав разбудить меня в час ночи, а также всем работникам штаба быть после 12 ночи на своих местах. Приказ о приведении всех войск в полную боевую готовность отдал еще в пятницу вечером. Согласно ему еще оставшиеся в своих расположениях войска ночью на субботу скрытно выводились в поле и занимали там оборону, а в местах расположения оставалась лишь хозобслуга, которая и имитировала для возможных наблюдателей нормальную жизнь частей.

В три часа ночи в штабе стали раздаваться многочисленные телефонные звонки от постов ВНОС о приближающемся шуме моторов. Началось! Не дожидаясь, пока немецкие самолеты пересекут нашу границу, по ВЧ связи позвонил в Москву Сталину. Он, как и я, не спал.

– Товарищ Сталин, это Павлов, думаю, началось, посты ВНОС докладывают о многочисленных шумах моторов в воздухе. В любом случае еще максимум полчаса, и будет все ясно.

– Товарищ Павлов, у вас все готово?

– Да, товарищ Сталин, все войска выведены на свои позиции и приведены в полную боевую готовность. В местах их постоянного

расположения, технических парках, складах и аэродромах устроены засады для немецких самолетов.

- Хорошо, сразу сообщите, как начнется.
- Слушаюсь, товарищ Сталин.

Глава 8

22 июня 1941 года, штаб ЗОВО, Минск

Буквально минут через 10 после моего разговора со Сталиным по ВЧ, посыпались многочисленные телефонные сообщения о массовом переходе, вернее перелете, границ СССР немецкими самолетами. А еще минут 15 спустя и первые сообщения о бомбово-штурмовых ударах. Все они приходились на места расположения наших частей и в первую очередь – аэродромов.

В отличие от той истории, на этот раз немцы под массированным зенитным огнем бомбили пустышки, вместо техники и самолетов на земле были или их муляжи, или списанные машины. В это время наши истребители атаковали уже сами немецкие самолеты, одновременно с этим в воздух с замаскированных аэродромов поднимались и наши бомбардировщики. В первый налет немецкие бомбардировщики и штурмовики вылетели без истребительного прикрытия, так как, по замыслу немецких генералов, оно было не нужно. Все советские самолеты должны были в это время мирно стоять на своих аэродромах, а потому помешать немецким бомбардировкам никак не могли.

Пользуясь моментом отсутствия в воздухе немецких истребителей, вся бомбардировочная авиация ЗОВО, до последнего самолета, способного взять бомбу или эрэс, под прикрытием части истребителей двинулась к польской границе и спустя некоторое время после начала бомбардировок немцами нашей территории нанесла уже свой массированный бомбоштурмовой удар по подготовившимся к атаке немецким частям на линии государственной границы.

Одновременно с этим открыла огонь и наша полевая артиллерия, так как рисковать тяжелыми орудиями я не стал, все они были заранее оттянуты к местам долговременной обороны. Пускай Ф-22 и УСВ были не такими мощными, но и их фугасные снаряды могли натворить дел, а там, где были скопления пехоты, в ход пошли устаревшие шрапнельные, и немецкая пехота оказалась под железным дождем.

Но это было у границы, а пока жители Минска ранним утром воскресного дня были разбужены ревом сирен гражданской обороны. И хотя зенитчики и истребители отработали на отлично, ни одна

немецкая бомба не взорвалась в городских пределах, но по общегородской системе вещания всем жителям города было велено спуститься в подвалы своих домов.

Под этот вой сирен, который врывается в кабинет, и состоялся мой второй разговор за сегодняшний день с товарищем Сталиным.

– Товарищ Сталин, немцы бомбят нашу территорию.

– Что у вас там за шум, товарищ Павлов?

– Это сирены гражданской обороны.

– Немцы бомбят Минск?

– Пытаются, сначала на подходе к городу их встретили наши истребители, а затем – орудия ПВО.

– Как общая обстановка?

– Пока еще мало данных, товарищ Сталин, все только началось, но немцы клюнули на нашу обманку, бомбят подготовленные для них объекты и несут потери.

– Большие?

– Пока не знаю, еще не докладывали, да и бомбежки пока продолжаются.

– Ваши ответные действия?

– Вся авиация округа, способная нести бомбы и эрэсы, в воздухе и по идее уже должна достичь границы. Их прикрывает часть истребителей, отбомбятся они без особых проблем, а вот на обратном пути их, скорее всего, перехватят обозленные немцы, вот тогда истребительное прикрытие и сработает. Кроме того, по разведанным, как только это начнется, наша полевая артиллерия должна нанести артиллерийский удар по местам скопления противника.

– Почему не тяжелая?

– Может не успеть отойти, она вся стянута к узлам обороны, там от нее будет больше толка.

– Как вы думаете, товарищ Павлов, может, это все же провокация?

– Нет, товарищ Сталин, это война, но возможен нюанс, если нам удастся сразу нанести немцам большой урон, то они могут выдать это, скажем, за бунт части генералитета, решившего самостоятельно объявить нам войну. Конечно, всем будет ясно, что это натуральное вранье, но в таком случае результат будет зависеть исключительно от того, как мы решим интерпретировать это событие.

– А как, по-вашему, сможем мы нанести им такой урон?

– Сможем, вот только проблема в том, что не быстро. На границе – определенно нет, противник продвинется на значительную территорию вглубь нашей земли, до укрепрайонов точно. Только там, на специально подготовленных позициях, заманив его в ловушку, мы сможем нанести свой удар.

– Я так понял, что у вас это уже подготовлено?

– Да, товарищ Сталин, все войска уже заняли свои позиции, полевые укрепления построены, артиллерия стянута, осталось только дожидаться противника.

– Хорошо, товарищ Павлов, не буду вас отвлекать, но при любых изменениях обстановки сразу звоните.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

Разговор закончился, и я выдохнул. Больше всего я боялся, что Сталин категорически потребует полного недопущения немцев на нашу территорию, а это просто невозможно. Хотя сейчас наша армия в гораздо лучших условиях, чем это было в моей истории, и подготовка, и оснащение, и даже то, что война не застала ее мирно спящей в казармах, но все равно она пока еще не готова. Ей надо сначала закалиться в крови, в смертельных сражениях, прежде чем она станет армией образца 1945 года, способной легко смести любого противника на своем пути. Теперь оставалось только ждать сообщений с мест.

22 июня 1941 года, 6 часов утра, штаб группы армий «Центр»

Командующий группой армий «Центр», генерал-фельдмаршал Федор фон Бок был не в духе. Совсем не таким он ожидал увидеть начало этой войны. Они должны были нанести свой удар по ничего не ожидавшему противнику, но это, судя по последним данным, не получилось. В местах сосредоточения вражеской техники и сил авиацию ждала засада, туда были стянуты значительные силы русской ПВО, а кроме того, их встретили русские истребители, которые, по всем расчетам немецкого генерального штаба, должны были быть в этот момент на земле, на тех самых аэродромах, которые бомбили асы Геринга.

Так должно было быть, но так не случилось. С этих аэродромов не взлетел ни один русский самолет, зато сначала русские истребители встретили немецкие бомбардировщики в воздухе, а спустя короткое время уже русские самолеты обрушили на приготовившиеся к атаке

немецкие войска град бомб и реактивных авиационных снарядов, которые так охотно использовали русские.

Одновременно с этим огонь открыла и русская полевая артиллерия. В то время как немецкие гаубицы стреляли по выявленным местам расквартирования русских войск, русские легкие орудия обстреляли приготовившиеся к рывку немецкие части. Общие потери немецких войск уже составили приличную цифру а ведь война, по сути, еще не началась. Когда перешедшие границу немецкие войска захватили несколько мест дислокации русских войск, то обнаружили там пустые казармы и разбитые макеты техники и орудий. Весь первый удар немецкой артиллерии и, судя по всему, авиации, пришелся в пустоту. Русские обманули их, заранее выведя свои войска и технику в неизвестном направлении, и теперь один только Бог знает, где они находятся.

Это очень плохое начало войны, русские знали о ней и подготовились, теперь точно не получится в первые мгновения войны нанести противнику значительный урон. Правда, немецкие части движутся вперед, особого сопротивления пока нет, но вот неприятные сюрпризы случаются постоянно. По сообщениям из войск, почти все разведывательные части передовой линии понесли большие потери. Русские наносят мгновенные удары и отходят, не принимая боя, плюс повсюду многочисленные минные постановки и, судя по всему, управляемые, так как мощные взрывы раздаются в середине колонн немецких войск. День еще только начался, а неприятных известий море, и еще неизвестно, чем он закончится.

Как и думал фон Бок, хороших вестей сегодня было мало. Немецкие войска за день боев продвинулись на 30–50 километров вглубь вражеской территории, и хотя регулярного сопротивления русских не было, но от не прекращавшихся нападений его части понесли большие потери. Почти все мосты оказались заминированы, и зачастую, несмотря на предварительные проверки их саперами, взрывались именно в тот момент, когда на них оказывались немецкие части.

Также, по сообщениям из войск, русские постоянно обстреливали их из минометов, причем обстрелы всегда велись по двигавшимся колоннам войск, предпочтительно пехоты и автотранспорта. Произведя короткий, минут на 10, обстрел, противник исчезал в бескрайних

лесах. Скрепя сердце можно было констатировать, что потери противника меньше немецких, и хорошо еще, если раза в два, а не больше. Утешало фон Бока только одно: вечно так отступать, практически не принимая боя, русские не смогут, еще день-два, максимум неделя и они просто будут вынуждены остановиться для обороны. Вот тогда он покажет этим азиатским варварам, что такое несокрушимый немецкий вермахт.

– Что там, Гельмут?

– Уже все в порядке господин полковник, примитивная закладка с бикфордовым шнуром, мои ребята уже достали ящики со взрывчаткой, можно переправляться.

– Vorwärts! – скомандовал командир моторизованного полка, и через только что разминированный мост двинулись немецкие части, но стоило только передовым машинам чуть не доехать до окончания моста, как прогремел мощный взрыв, и мост через достаточно широкую и глубокую речку взлетел на воздух вместе с двумя бронетранспортерами и грузовиком с солдатами.

– Гельмут!!! Это что такое?!! Ты сказал, что мост разминирован!!!

– Прошу прощения, господин полковник, но мы вытащили из-под моста четыре ящика со взрывчаткой, других следов минирования мы не нашли.

– Покажите мне эти ящики!

Через минуту перед полковником лежало четыре зеленых ящика.

– Откройте их! Это что такое? Я вас спрашиваю, что это такое!

Лишь в одном из ящиков лежал настоящий брусок динамита, в который и был воткнут взрыватель с бикфордовым шнуром, остальное при ближайшем рассмотрении оказалось брусками мыла, похожего цветом на тротил. Правда, позже выяснилось, что это оказалось даже не мылом, а деревянными брусками, которые покрывал тонкий слой мыла, чтобы только придать им вид взрывчатки. Такая обманка оказалась во всех четырех ящиках, а настоящая закладка была вмурована в опору моста, так же как и кабель для подрыва взрывчатки.

– Получите, ироды! – выругался старшина с висячими украинскими усами. – Все, хлопцы, а теперь ходу, надо еще своих нагонять.

Небольшая группа из пятерых бойцов скрытно покинула место наблюдения и рысцой припустила в лес догонять свой отряд.

23 июня 1941 года, Белоруссия

Первый день войны прошел практически так, как я планировал, по крайней мере в моем округе. Согласно моему приказу, пограничники еще ночью заняли места засад, и как только первые немецкие части стали переправляться на нашу сторону, сразу открыли по ним огонь. Подолгу не задерживаясь на одном месте и не пытаясь остановить противника, они почти не несли потерь. Части прикрытия, которые по предвоенному плану должны были в случае чего выдвинуться к границе, прибыли на свои места еще ночью, и бойцы забылись коротким тревожным сном, прерванным звуками взрывов. Это бомбили немецкие позиции наши самолеты, да открыла огонь полевая артиллерия. Как и пограничники, они не пытались сдержать врага, а должны были лишь задержать его, нанеся при этом по возможности максимальный ущерб. Короткая сшибка на заранее подготовленной позиции и отход до следующего рубежа, не дожидаясь, пока обозленные немцы обрушат на их позиции огонь артиллерии.

Так продолжалось три дня, а потом немцы, продвинувшись примерно на сотню километров от границы, уперлись в первую линию нашей полевой обороны, которую строили всю весну. Эта линия представляла собой три линии полевых укреплений из траншей, которые усилили бронекуполами. Конечно, против тяжелой артиллерии они не плясали, но полевую держали отлично.

Вот тут немцам в первый раз и дали основательно по сопатке. Позади укреплений расположились новейшие гаубицы М-10 и М-30, которые можно было быстро транспортировать, разумеется, не медлительными тракторами, а специальными мощными трехосными тягачами, которые уже пару лет выпускали на построенных у нас американских автомобильных заводах. Кроме них были и 120-миллиметровые минометы, установленные в бронетранспортерах, так что они, приблизившись чуть ли не к самой передовой, наносили молниеносный мощный удар по противнику, минут за 5-10 выпустив массу тяжелых мин, после чего резво уезжали. Когда чуть погодя немцы обрушивали на их позицию артиллерийский удар, то там уже никого не было.

Бронетехнику пока мы тоже особо не светили, только легкую. Пока было еще рано выкладывать все свои козыри, я, как рыбак, выжидал крупную рыбу, пока она основательно захватит наживку, прежде чем подсечь ее.

Еще четыре дня немцы бессильно ломились вперед, пока в одном месте я не позволил им прорвать нашу оборону. В образовавшийся прорыв радостно рванули немецкие танки с моторизованными частями, это был как раз 46-й моторизованный корпус генерала танковых войск Генриха фон Фитингхофа в составе 10-й танковой дивизии, моторизованной дивизии СС «Рейх» и моторизованного полка «Великая Германия».

Немцы прорвались уже под вечер и, не встретив никакого сопротивления, рванули вперед, радостно думая, что наконец они смогут нанести свой коронный удар, выйдя в глубокий тыл наших войск и разгромив наши штабы и тылы. Перенаправить другие части к месту прорыва Гудериан уже не успевал, день клонился к концу, а рано утром мешок с 46-м немецким моторизованным корпусом закрылся. Пройдя за оставшееся до ночи время порядка двух с половиной десятков километров, немцы уткнулись в следующую линию полевой обороны, полностью идентичную уже прорванной. Не став ее атаковать на ночь глядя, генерал Генрих фон Фитингхоф приказал встать на ночевку.

Только удостоверившись, что в мою ловушку попал весь немецкий корпус, я отдал приказ захлопнуть ее.

1 июля 1941 года, Белоруссия

Рано утром 1 июля части 1-го мехкорпуса захлопнули горловину мешка, при этом один танковый полк с двумя первыми механизированными полками заткнули собой образовавшуюся в ходе немецкого прорыва дыру, а два других танковых полка вместе с обеими механизированными дивизиями двинулись, как поршень, на прорвавшихся немцев. В это самое время немецкие части готовились к прорыву нашей обороны. Так получилось, что техника могла двигаться только в коридоре шириной в пару километров, а дальше по обе стороны были устроены засеки и противотанковые рвы, не давая противнику с ходу их преодолеть. Когда немцы утром построились для атаки, внезапно со стороны русских позиций послышался жуткий

скрежещущий звук, и в небо стали взлетать сотни огненных стрел, чтобы спустя считанные секунды обрушиться огненным дождем на немецкие войска.

Если 1-й мехкорпус захлопнул мешок, то 2-й мехкорпус встал на пути противника, остановив его. Вся артиллерия обоих мехкорпусов была сосредоточена тут, и сейчас первыми нанесли свой удар четыре дивизиона «Смерчей». Все 72 установки залпового огня обоих мехкорпусов за 40 секунд выпустили по скопившемуся для атаки противнику 2880 ракет. Все огромное поле почти разом покрылось султанами взрывов, а спустя несколько мгновений к этому inferно присоединилась и артиллерия мехкорпусов.

Здесь 4 полка тяжелой артиллерии в сумме насчитывали 144 орудия М-10 и М-30, которые работали по площади в 2–3 квадратных километра, а если к этому прибавить еще и работу минометов, которых в общей сложности тоже было больше двух сотен, то можно было представить, что творилось на немецких позициях. Ровно десять минут наша артиллерия обрабатывала немцев, после чего она смолкла, и вперед двинулись танки. КВ и Т-34, не встречая сопротивления, неумолимо, стальной стеной накатывались на немногих выживших немцев, все поле было покрыто горячей немецкой техникой, а повсюду массово валялись тела немецких солдат или их фрагменты.

Генрих фон Фитингхоф неверяще смотрел в бинокль на происходящее – за какие-то десять минут его корпус перестал существовать, в такое просто невозможно было поверить, но так было. На месте его войск сейчас были только многочисленные дымы от горящей техники, а со стороны противника наступали танки, причем не те, про которые он знал, а новые, явно тяжелые, а ему теперь абсолютно нечем было их встретить. В этот момент к нему подбежал посыльный.

– Господин генерал, пробитый нами вчера проход перерезан, а на нас с той стороны надвигаются русские танки, много, причем их сопровождает большое количество бронетранспортеров с пехотой.

«Это конец! – только и подумал Генрих фон Фитингхоф. – Мой корпус уничтожен, а спереди и сзади накатываются волны русских варваров». Генерал хотел застрелиться от такого позора, но никак не мог на это решиться.

Так в раздумьях его и застала передовая группа 2-го мехкорпуса. О происшедшем Гудериан узнал только на следующий день от немецких разведчиков фон Фитингхофа. Семеро солдат под командованием лейтенанта смогли вырваться из этой ловушки и ночью незаметно пересечь линию фронта.

Жаль, конечно, что вряд ли такой финт получится снова, хотя полностью исключать подобное нельзя, но и так мы преподали немцам очень болезненный урок. Как мы узнали позже, Гитлер объявил в Рейхе трехдневный траур по уничтоженному корпусу. Все же мы уничтожили элиту немецких войск, сейчас в СС существует жесточайший отбор, и там служат только самые лучшие, это намного позже туда начали грести уже всех подряд, даже недомерков.

Спустя еще пару дней я отдал приказ войскам на отход. Занимаемые ими позиции пришли в негодность, и хотя наши потери не очень большие, но когда нет угрозы атаки, по ходам сообщения бойцов отводят назад. В первой линии остаются только пулеметчики и бойцы в потернах, которые надежно защищены от полевой артиллерии противника. Этим простым действием мы сберегали бойцов. Зачем им было сидеть в окопах под вражеским обстрелом, если можно было просто отвести их на вторую линию окопов в сотне метров от первой по многочисленным ходам сообщений.

Тем не менее за эти дни наши позиции были основательно разбиты немецкой артиллерией, хорошо еще, что в воздухе был относительный паритет. Бомбежки, конечно, есть, но не такие, когда враг полностью господствует в воздухе. Наши истребители гоняют немцев, хотя потери там огромные. Несмотря на то, что новые И-18 практически не уступают мессерам в скорости, а по вооружению даже их превосходят, вот только опыт... Немецкие летчики в основном пока превосходят большинство наших пилотов в мастерстве, но это ненадолго, война учит быстро, и те, кто сейчас выживут, быстро станут опытными пилотами.

Оба мехкорпуса после уничтожения нами 46-го моторизованного корпуса немцев отошли назад к линии укрепрайонов и встали сразу за ними, правда, не вместе. Они разошлись в стороны и стали в оперативном резерве.

А тем временем в Москве приняли самолет с Генрихом фон Фитингхофом, которого сразу после короткого допроса в Минске

отправили самолетом дальше в столицу, все же это был первый немецкий генерал, захваченный нами в плен в этой войне.

Вот так к середине июля немцы наконец дошли до линии укрепрайонов, где и встали. В этот раз все укрепления были в полном порядке, полностью вооружены, а приданные им войска заняли свои позиции между дотами. Кроме этого линия обороны была усилена старыми танками, которые просто вкопали в землю, разумеется, перед этим добронировав их башни. Пару дней немцы пробовали то тут, то там прорвать линию укреплений, но везде получили отлуп. Все их атаки были с легкостью отбиты, а когда они попытались поддержать их огнем тяжелой артиллерии, то с ними тут же вступили в контрбатареиную борьбу заранее размещенные здесь дальнобойные гаубицы А-19 и МЛ-20. Новые М-10 и М-30, как имевшие меньшую дальность стрельбы, работали по атакующим немцам, а их более старые, но дальнобойные товарки боролись со своими коллегами с противоположной стороны.

На третий день, подтянув резервы и немного разведав русские позиции, немцы при поддержке артиллерии пошли в атаку. Только и эта попытка с треском провалилась: сначала по ним отработали установки залпового огня, а затем к этому процессу присоединилась и артиллерия с минометами. Через десять минут интенсивного обстрела вперед пошли танки, а сразу за ними – бронетранспортеры. Поскольку в этот раз немцы атаковали на большей площади, то и плотность нашего огня была намного меньше, но и этого хватило, тем более что вслед за ними в контратаку пошла бронетехника. КВ и Т-34 выбивали уцелевшие немецкие танки и подавляли немецкие полевые пушки, а бронетранспортеры и бойцы добивали немецкую пехоту.

В итоге немецкая атака закончилась полным разгромом, но и мы увлекаться не стали, я командиров мехкорпусов с самого начала так накрутил, что они, продвинувшись вперед километров на пять, повернули назад. Главное, что немцы опять основательно получили по своей наглой арийской морде. В принципе я мог бы тут держаться достаточно долго, но обстоятельства сложились так, что не все тут зависело от меня.

Еще в прошлом году на заседании Генштаба я предупреждал о ненадежности прибалтов, но меня не захотели слушать. И вот теперь наступила расплата. На юге у Кирпоноса все складывалось более-

менее. Хоть он, как и я, отступал, но не было паники и беспорядочных действий. Под Дубно даже нанесли сильнейший удар по немецким танкам, не в такой ловушке, что я устроил немцам у себя, но тем не менее не намного слабей. Не было той кучи разрозненных ударов разных частей под непрерывными бомбежками немецкой авиации и того катастрофического разгрома, когда немцы с минимальными потерями уничтожили намного большее количество наших танков. Пускай часть из них выбыла по техническим причинам, но ведь главное – результат, а он был в пользу немцев.

На этот раз 4-й мехкорпус в полном составе, как паровой каток, прошелся по вермахту, размазав в тонкий блин все, что ему попало на пути, и теперь Кирпонос уверенно держал фронт, а вот в Прибалтике наши дела шли отвратительно. Пусть и с небольшой задержкой, но немцы уверенно наступали там. Большая часть наших бойцов, набранных в Прибалтике, в лучшем случае просто дезертировала, а некоторые из них даже пошли на службу немцам, видимо все никак не могли забыть своих немецких хозяев^[39].

Проблемы в Прибалтике создали угрозу моему Западному флангу, а кроме этого угрожали и Ленинграду. Но все же в итоге мои действия повлияли очень благотворно на командный состав нашей армии, ничем другим я не мог объяснить происшедшее.

6 июля 1941 года, Ленинград

– Добрый день, Маркиан Михайлович. Проходите, садитесь, что вы хотели?

– Добрый день, Андрей Андреевич, я, собственно говоря, пришел к вам за помощью. Вот, посмотрите сами. – С этими словами Маркиан Михайлович Попов, командующий Северным фронтом, разложил на столе Жданова карту. – Здесь отображена последняя обстановка на фронте. Сами видите, Южный и Западный фронты держатся, пускай они отошли от границы, но сейчас достаточно уверенно держатся на линии укрепрайонов. Там все пока достаточно стабильно и нас практически не касается, но вот Прибалтика – другое дело. Немцы там уверенно идут вперед и скоро начнут представлять для нас большую угрозу. Пока не поздно, надо срочно организовывать по реке Нарва укрепрайон, и, кстати, не только там, а и на бывшей линии Маннергейма тоже. Я пока отдал приказ 5-му мехкорпусу из-под Луги

передислоцироваться на Карельский перешеек и там на бывшей линии Маннергейма начать устраивать оборону. Про угрозу с финской стороны тоже не следует забывать, а 6-й мехкорпус из Пскова сейчас готовит позиции вдоль реки Нарва.

– Понятно, а я тогда вам зачем?

– Насколько я знаю, ленинградские заводы изготавливают бронекапониры по заказу генерала Павлова, вернее изготавливали, вот и мне они нужны для организации обороны. Я уже реквизирувал на Кировском заводе бронированные инженерно-строительные машины, их отправили помогать строить укрепления. Кроме того, мне необходима помощь горожан в строительстве укреплений. В первую очередь – профессиональных строителей, но и просто от крепких рабочих рук я тоже не откажусь.

Жданов не стал раздумывать, угроза Ленинграду вырисовывалась прямо на глазах, а потому лучше заранее постараться ее минимизировать, к тому же от него не требовалось что-то экстраординарное.

– Маркиан Михайлович, я сделаю все, что только в моих силах, вы правы, лучше побеспокоиться заранее. Прямо сейчас я свяжусь со всеми Ленинградскими заводами, которые смогут производить бронекапониры, и прикажу им немедленно приступать к их производству днем и ночью. Также по радио объявим о создании строительных батальонов для строительства укреплений. Думаю, уже завтра народ потянется к сборным пунктам.

– Благодарю вас, Андрей Андреевич, рад, что вы поняли все правильно.

Обрадованный Попов вышел из кабинета Жданова и направился к себе в штаб^[40].

Начальственный пендель может творить чудеса, уже через день к месту создания укрепрайонов стали отправляться первые бронекапониры, а кроме них – пиломатериалы и цемент. Строительные батальоны были сформированы в течение трех дней, после чего тоже отправились строить укрепления.

Буквально за пару недель вдоль реки Нарвы, от Балтийского моря до Чудского озера были выстроены оборонительные сооружения. Четыре линии полевой обороны с противотанковыми рвами, а также деревоземляными огневыми точками и бронекапонирами. В

строительстве этих укреплений принял непосредственное участие и 6-й мехкорпус. Он занял оборону на всем 60-километровом участке от моря до озера. В местах, наиболее подходящих для переправ, сосредоточили артиллерию, пехота заняла окопы, а техника была организована в подвижные группы, которые должны были помогать атакованным противником участкам. Специально для этого одновременно со строительством укреплений строили и дороги вдоль них, правда на некотором отдалении, но все равно техника по ним могла в считанные часы достичь любого места, а танки и бронетранспортеры – своим огнем поддерживать пехоту.

То же самое творилось и на Карельском перешейке, где аналогичную линию строили в ударном темпе от Финского залива до Ладожского озера. Даже расстояние было почти таким же, лишь немногим большим, зато надежно закрывало путь финнам и немцам к Ленинграду с обоих направлений. Также проложили и дороги вдоль линии укреплений, и тут оченьгодились инженерные машины.

Опустив отвал, сорокатонный бронированный монстр просто пер напролом сквозь леса, но даже и он не везде мог проехать напрямик. Порой ему на пути встречались такие камни, что даже он не мог их не то что убрать с дороги, а лишь хоть немного сдвинуть. Ну и, безусловно, преградой были крутые и глубокие овраги, которых в Карелии хватало. В таких местах просто срывали отвалами часть грунта, сглаживая проход и делая возможность проезда техники, а затем трамбовали его, по возможности подсыпая туда щебенку для лучшего качества дороги. Для сухого времени такие дороги вполне были проходимы и должны были сыграть свою немалую роль в деле обороны.

Таким образом, Попов и Жданов, насколько смогли, обезопасили основные направления, по которым ожидалось наступление противника. Эти действия намного облегчили оборону города: когда позже противник достиг этих укреплений, то надежно завяз перед ними. Качественно построенные и обороняемые достаточным количеством войск, они заставили немцев остановиться. По крайней мере, пока ни о какой блокаде не могло быть и речи: вовремя использовав свои силы и возможности, Попов и Жданов смогли остановить врагов на дальних подступах к Ленинграду, и теперь

остальное уже мало от них зависело, со своей стороны они сделали все, что только было можно.

Глава 9

Достаточно быстро захватив Прибалтику, командующий группой армий «Север» генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб перенаправил свою 4-танковую группу генерал-полковника Гепнера на меня. Это ставило мой фронт в очень опасное положение, так как западный фланг оказался открыт для немецкого удара. Хотя сейчас все шло с заметным опозданием, но все же немцы продвигались вперед, и мне было просто необходимо на это реагировать. Пришлось в срочном порядке перебрасывать оба моих мехкорпуса на западный фланг, а самому просить о срочной встрече у Сталина, потому что без его одобрения я не мог действовать дальше, чтобы обезопасить свой фронт.

12 июля 1941 года, Кремль, Москва

Я довольно быстро, всего в течение дня, получил разрешение на встречу. Кроме самого Сталина в его кабинете, правда по моей просьбе, присутствовал и маршал Шапошников, а также там, к моему удивлению, оказался и Жуков^[41].

– Здравствуйте, товарищ Павлов, проходите. Что за вопрос у вас возник, что решить его можем только мы с Борисом Михайловичем?

– Здравствуйте, товарищи. Вопрос очень серьезный. На своем участке фронта я организовал хорошую оборону, противник лишь теряет свои войска в бесплотных попытках прорвать линию обороны, но это только в Белоруссии. Меня на данный момент очень сильно беспокоит Прибалтика. Немецкая группа армий «Север» достаточно успешно продвигается там вперед, наши части, набранные из прибалтов, крайне ненадежны, происходят случаи массового дезертирства, а то и хуже, перехода на сторону врага, а я ведь еще год назад предупреждал о ненадежности призывного контингента из Прибалтики.

– Да, к сожалению, вы оказались правы... Но что вы хотите сейчас? Переиграть произошедшее не в наших силах.

– Знаю, просто я хочу предотвратить катастрофу, которая неминуемо разразится, если срочно не принять необходимые меры, и

вся проблема в том, что эти меры очень неприятные. Я готов достаточно долго сдерживать противника, но если мне во фланг выйдут немцы, то в итоге мы рискуем получить огромный котел, в котором окажется весь Западный фронт. Сейчас я направил оба своих мехкорпуса на западный фланг, тем самым практически оставшись без резервов. Вот посмотрите сами... – С этими словами я развернул на столе карту с отображенной на ней обстановкой. – От Чудского озера и почти до Полоцка нормальной обороны у нас нет. А ведь это угроза не только мне, но и Ленинграду. Кроме того, есть еще и Нарва, где могут прорваться немцы.

– Вот насчет Нарвы, товарищ Павлов, вы можете не беспокоиться: командующий Северным фронтом генерал Попов уже строит вдоль реки Нарвы полевые укрепления, причем с массовым привлечением вашей задумки – бронекапониrow. Кроме того, туда переброшен и 6-й мехкорпус из-под Пскова.

– А вот это тогда его ошибка, товарищ Сталин. Если он построит нормальную оборону, как у меня, и заранее разместит там тяжелую артиллерию и достаточное количество войск, то вполне справится и без мехкорпуса, а он больше пригодится как раз под Псковом. Мехкорпус создавался, как маневренное соединение. Смотрите сами, от Балтийского моря до Чудского озера достаточно небольшое расстояние, остатки Прибалтийского фронта вполне смогут удержать на подготовленных позициях противника, тем более, если они будут усилены частями Северного фронта. А вот с другой стороны Чудского озера такую оборону быстро не построишь, да и части для ее удержания нужны. Кстати, а где 5-й мехкорпус?

– Его Попов отправил на Карельский перешеек, защищать Ленинград с севера.

– В принципе правильно, но и про запад забывать нельзя. Так вот, если в кратчайшее время на моем западном фланге не будет выстроена крепкая и надежная оборона, то я буду вынужден отдать приказ на отход, чтобы сберечь фронт, в противном случае противник сначала нарушит мое снабжение, а потом просто возьмет части фронта в кольцо.

– Борис Михайлович, товарищ Жуков, а что вы скажете?

– Разрешите, товарищ Сталин?

– Да, конечно, Борис Михайлович, я слушаю вас.

– В общих чертах генерал Павлов прав, угроза его западному флангу может привести к окружению и последующей гибели всего его фронта. Конечно, сейчас отход его войск крайне нежелателен, но надо начинать к этому готовиться. Кроме того, сосредоточить свое внимание на линии Псков – Остров – Опочка – Витебск – Могилев – Гомель. Естественно, не хочется отдавать противнику свою территорию, но, боюсь, у нас просто нет другого выхода.

– А что по этому поводу думает генерал Жуков?

– Я согласен с маршалом Шапошниковым, товарищ Сталин, в сложившейся ситуации это будет наилучший выход. Таким образом мы запираем немцам дорогу и на Ленинград, и на Смоленск с последующим ударом на Москву и на западный фланг Южного фронта.

Сталин надолго задумался, а мы стояли и терпеливо ждали его решения.

– Ну хорошо, товарищ Павлов, сколько времени вам потребуется для строительства полевой обороны от Витебска до Гомеля?

– При наличии необходимых стройматериалов не менее двух недель. Брошу на это все саперные и инженерные части, а также всю специализированную технику. Только, товарищ Сталин, надо тогда незамедлительно приступить к эвакуации предприятий и населения, пока это еще можно. По крайней мере до этой линии включительно.

– Хорошо, приступайте, я тоже дам соответствующее распоряжение, а кроме того, распоряжусь начать массовое строительство ваших бронекансулов. Но и вы делайте что хотите, но минимум эти две недели держите фронт.

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

Когда я выходил из кабинета Сталина, то казалось, что с моих плеч упала целая гора. Просто я помнил по истории, как долго упирался Сталин с оставлением Киева, в результате большая часть наших войск попала в окружение и практически полностью в нем сгинула. Сейчас же мне повезло, что и Шапошников, и Жуков были компетентными военачальниками и сразу увидели угрозу моему фронту. Пожалуй, лишь с помощью их заступничества мой план был принят Сталиным так быстро. До вылета самолета есть еще несколько часов, а потому прямо из Кремля я рванул к себе на квартиру

– Дима! Родной!

С этими словами ко мне на шею бросилась жена, как только я зашел в нашу квартиру. Мне повезло, вся семья была дома. Вслед за женой на меня бросились дети, жаль, что времени было очень мало, но и так я смог провести с родными почти полтора часа. Это время пролетело мгновенно, и вот приходится снова прощаться с семьей, а дальше – аэродром и вылет на транспортнике, правда, под прикрытием шестерки истребителей, новых И-18.

Прилетев в Минск, сразу отправился в свой штаб, а уже оттуда попросил приехать к себе товарища Пономарева, и когда все собрались, озвучил решение Сталина. Надо отдать должное, Пономарев, несмотря на то что, по сути, Минск стал прифронтовым городом, не уехал, а продолжал руководить республикой из него. Хотя до этого уже началась эвакуация предприятий из Минска, а кроме того, никто не препятствовал, если граждане сами уезжали на восток, подальше от войны, сейчас же все сильно ускорилося.

Оба моих мехкорпуса, разбившись на маневренные группы, заняли оборону в наиболее опасных местах, где скорее всего можно было ожидать прорыв немцев, а я отправил всех, кого только можно, строить новую линию обороны. В этом мне снова очень сильно помог Пономарев. Кроме жителей Витебска, Могилева и Гомеля туда отправились люди и из Минска, а также стали вывозить из города все стройматериалы, которые только могли увезти. Уже через пару дней мне стали поступать доклады о первых боестолкновениях мехкорпусов с частями противника. Теперь все мое внимание перенеслось на западный фланг, а там у нас дела шли неважно.

Началась битва за Таллин, хорошо еще, что практически весь флот перевели в Кронштадт буквально за неделю до начала войны, можно сказать, успели в последний момент. В самом порту остались только мелкие корабли и подводные лодки. А спустя еще неделю немцы вышли к Нарве, где и встали. Остатки Прибалтийского фронта, вернее часть его, заняли оборону на спешно построенной генералом Поповым линии полевой обороны. Но построена она была добротно, несколько полноценных линий полевой обороны с бронекуполами в качестве огневых точек, а кроме того, там хватало тяжелой артиллерии, плюс еще и части Северного фронта, которые также заняли там оборону.

Очевидно, после приказа Сталина 6-й мехкорпус вернулся назад в Псков, тем самым значительно облегчив мне жизнь, теперь на участке от Пскова до Полоцка оборону держали три мехкорпуса. Памятуя, что их сила в маневренности, они не сидели в окопах, а, постоянно передвигаясь, наносили по противнику удары в тех местах, где он пытался прорвать нашу оборону. А оборонялась там оставшаяся часть Прибалтийского фронта и другие части.

Кроме, собственно говоря, помощи нашим частям бойцы мехкорпуса устраивали и засады, в подходящих местах танки занимали оборону, тщательно маскировались и ждали противника. После распределения целей открывали с места огонь, изображая из себя противотанковые пушки, правда, у КВ это плохо получалось, все же ее 107-мил – лиметровое орудие ну никак не подходило на эту роль, слишком большая разница с противотанковой сорокапяткой. Но все равно немцы велись на это и всегда сначала начинали стрелять в ответ фугасными снарядами. Правда, довольно быстро они выяснили этот развод и вскоре сразу же начинали бить бронебойными, но зато наши артиллеристы получили поблажку. Теперь и по ним начинали бить болванками, вместо осколочных снарядов, если не могли сразу определить, кто именно открыл огонь, а тут уже было необходимо попасть этой болванкой точно в орудие, чтобы вывести его из строя, не говоря уже о том, что расчеты орудий стали нести намного меньшие потери.

Отдельное слово можно сказать и про Брестскую крепость. Такой обороны, как тогда, не было, но и крепость без боя мы не оставили. Как только я занял должность командующего ЗОВО, то почти сразу приехал в Брест. Осмотрел крепость лично, а затем засел с Карбышевым за обсуждение необходимых в крепости строительных работ^[42].

Повторять ту историю у меня не было ни малейшего желания, но и сдавать Брестскую крепость без боя – тоже. Я хотел, во-первых, учесть ошибки той обороны, в частности непродуманность со снабжением защитников крепости водой. По иронии судьбы, находясь среди каналов, защитники всю оборону страдали от жажды. А во-вторых, сделать возможным эвакуацию гарнизона, когда придет срок. В крепости предстояло провести очень много строительных работ.

Для начала строительство огневых точек у основания стены. Какие времена, такая и фортификация, если раньше укрепления возвышались над землей, то теперь, наоборот, они зарывались в землю. Сквозь стену пробивали проход, а снаружи строили небольшую огневую точку. Это то, что касалось боевой части, кроме того, приступили к рытью подземных переходов, которые должны были соединить между собой все части крепости, а также прорыть подземный доступ к воде, чтобы гарнизон крепости не испытывал с ней проблем.

И, наконец, вопрос эвакуации, как эвакуировать из осажденной крепости гарнизон? Решение старо, как мир: разумеется, подземный ход. Правда, строить его предполагалось в условиях полной секретности, а кроме того, провести на достаточно большое расстояние, чтобы гарнизон крепости не вышел в распоряжение противника. В общей сложности ход тянулся примерно на 6 километров и выходил наружу за предместьем Волынка, неподалеку от форта номер 4.

Гарнизон крепости составил 84-й стрелковый полк майора Дородных 6-й стрелковой дивизии, 98-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион и 577-й минометный дивизион. Все остальные части 6-й дивизии и другие подразделения Красной армии в субботу 21 июня покинули места своего расположения и выдвинулись на заранее построенные позиции. Сам гарнизон крепости еще в полночь занял места по боевому расписанию и заснул коротким и тревожным сном. Абсолютно всем бойцам и командирам было ясно, что если их ночью развели по боевым местам, то утром будет как минимум крупная провокация, все же думать о войне не хотел никто.

В 4 часа утра немецкая артиллерия начала массированный обстрел восточной окраины Бреста, а спустя 15 минут перенесли свой огонь на крепость и Северный городок^[43].

Противник бил в расчете, что гарнизон крепости мирно спит в своих казармах, но удар пришелся в пустоту, хотя им и были повреждены открытые линии связи и водопровод, а также уничтожены здания складов (правда на них уже ничего не было). Повреждение связи и трубопровода не играло никакой роли, так как все это было продублировано в подземных переходах, которые связали все участки крепости между собой, а также с внешним миром.

Будучи в полной уверенности, что оказать сопротивление им уже никто не сможет, в 4:23 немцы начали штурм Волинского, Кобринского и Тереспольского укреплений крепости, но после того как они чуть ли не вплотную подошли к укреплениям, их просто смели огненными струями. Десятки станковых «максимов» хотя уже и устарели, но имели одну очень важную особенность – благодаря своему водяному охлаждению ствола они могли бить длинными очередями, не опасаясь расплавить ствол. Вот и сейчас они железным градом прошлись по атакующим укреплениям немца. Одновременно с этим открыла огонь и наша артиллерия, пускай это были всего лишь сорокапятки и 82-миллиметровые минометы, но и их удар по скоплению немецких войск нанес не ожидавшему такого ответа противнику большой урон. Немецкая атака захлебнулась, из всех атакующих назад вернулось не больше четверти, а остальные убитыми и ранеными остались лежать на подступах к крепости.

Ошеломленные отпором немцы на некоторое время замерли, но спустя уже полчаса открыли ураганный огонь по Брестской крепости, правда, урону от него, кроме разрушения крепостных построек, не случилось. Конечно, территория внутри крепости была завалена обломками стен поврежденных зданий, все же крепость не предназначалась для противостояния с современной артиллерией, но огневые точки, выстроенные уже в свете современной фортификации, остались неповрежденными. Через два часа немцы предприняли новую попытку штурма, им снова позволили приблизиться почти к самой крепости и снова смели массированным пулеметным огнем. Больше в этот день немцы не атаковали, но вели непрерывный артиллерийский огонь и два раза бомбили крепость.

Кроме обычной тяжелой артиллерии противник использовал и сверхтяжелые орудия. Еще накануне нападения немцы направили 1-ю батарею 833-го дивизиона 600-миллиметровых самоходных мортир «Карл» в распоряжение 17-й армии группы армий «Юг». А вот к Бресту они подтянули 2-ю батарею мортир в составе орудий «Тор» и «Один», а вместе с ними и 36 снарядов. Их привезли в польский Тересполь, находящийся прямо напротив Бреста, буквально к началу войны. Первый состав с ними прибыл в Тересполь 18 июня, а последний – в ночь с 20 на 21 июня. Огонь по Брестской крепости эти мортиры открыли в тот же день, однако уже после нескольких

выстрелов на обеих мортирах произошло заклинивание снарядов, и немцам потребовалось время для их исправления. В общей сложности за три дня «Тор» и «Один» выпустили по крепости 31 снаряд из 36, а из пяти оставшихся три оказались непригодными для стрельбы^[44].

В самом Бресте дела у немцев шли намного лучше, так как наших войск в нем не оказалось, они покинули город еще субботним вечером. На следующий день началась артиллерийская дуэль, немцы пытались из своих противотанковых пушек и полевой артиллерии прямой наводкой подавить наши огневые точки, стреляя по бойницам. Мы отвечали, причем нам было намного легче, – немцам необходимо было попасть точно в амбразуру, в то время как нашим артиллеристам достаточно просто попасть фугасным снарядом рядом с вражеским орудием, чтобы уничтожить или повредить его само и уничтожить или вывести из строя его расчет. Эта ставка не сработала, немцы хоть и добились частичного успеха, но сами потеряли намного больше.

Еще три дня после этого противник пытался взять крепость штурмом, но, понеся очень большие потери, прекратил бесполезные попытки. В результате 45-я пехотная дивизия вермахта Фрица Шлипера просто взяла крепость в кольцо. Началась осада, время от времени немцы постреливали по крепости, но и наши бойцы не оставались без ответа, правда, в основном стреляли снайперы, отстреливая немецких солдат.

Так продолжалось почти месяц, пока в ночь на 20 июля гарнизон организованно не покинул крепость по подземному ходу. Смысла сидеть в крепости больше не было, и гарнизон покинул ее, оставив после себя немцам очень неприятные сюрпризы. Все, что только было можно, заминировали, поставив все минные ловушки на неизвлекаемость. Утром 21 июля немецкие солдаты наконец ступили в Брестскую крепость, но после того, как несколько групп немецких солдат подорвалось, их вывели с территории, а вместо них пошли саперы. Почти все закладки были обезврежены, хоть в основном саперам пришлось уничтожать их на месте дистанционно, после того как они, потеряв несколько групп, убедились, что все наши сюрпризы неизвлекаемы.

Когда же немцы решили, что все разминировано, и ввели в крепость своих солдат, тогда сработал главный сюрприз. Два наших сапера-добровольца вызвались привести его в действие. Это был

прощальный подарок гарнизона, причем вместе со взрывчаткой были спрятаны и бочки с бензином, так что всю крепость заволокло толстым и жирным черным облаком, которое поднималось к небу почти до самого вечера. Оба героя смогли выбраться из полуразрушенной крепости и спустя сутки догнать основные силы полка.

Ушедший гарнизон крепости еще почти месяц пробирался к своим, но не таясь по углам и боясь каждой тени, а нанося по ходу своего движения довольно чувствительные удары по противнику. У майора Дородных была карта с указанием мест схронов с продовольствием и боеприпасами, о которых по моему приказу позаботились заранее. Таких схронов было много, и они предназначались в первую очередь для разведывательно-диверсионных групп, но и для случаев, когда они будут нужны вот таким отрядам, как гарнизон крепости. Не испытывая недостатка в продовольствии и боеприпасах, майор Дородных хорошо похулиганил в немецком тылу, правда и сам понес значительные потери, потеряв половину полка убитыми и ранеными, но последних сумели вынести к своим, не бросив их в немецком тылу.

Многие наши части отошли на восток не полностью, оставив небольшие подразделения для диверсионной деятельности. До появления тут партизан почти год, а теперь еще и неизвестно, что будет, так как у населения было больше времени на эвакуацию, и на восток ушло гораздо больше народу, чем в прошлой истории.

Но это было малозначительным, а пока, дождавшись отмашки, что новая линия обороны построена, я отдал приказ на отход, разумеется, перед этим доложив Сталину лично. Первыми ушла тяжелая артиллерия и санбаты, склады не эвакуировали, просто нечего уже было вывозить. Зная, что нам тут недолго осталось, просто перестали завозить на них необходимое и в войска отпускали не жалея, таким образом и вывозить оказалось практически нечего.

Достаточное количество автотранспорта позволило в течение пары ночей вывезти все войска. По возможности из дотов демонтировали и также вывезли вооружение, по крайней мере все пулеметы и большую часть орудий, а вот вкопанные в землю старые танки пришлось оставить, как и бронекaponиры, так как ни времени, ни возможности забрать их с собой не было. Правда, на танках при самом уходе подорвали стволы, чтобы немцы не смогли их

использовать против нас, а то они были те еще халявщики, немецкие трофейщики гребли под себя все, что только можно ^[45].

Жаль все же мне было оставленных укреплений, как ни говори, а стационарные бетонные укрепления, это вам не временные, пусть и из бронированных плит, но что поделать, если так легли карты. Однако и теперь обстановка хоть и была тяжелой, но все же намного лучше, чем в той истории.

Майор Логинов, комбат пехотного батальона, сняв с буржуйки чайник, налил себе в кружку кипятка, затем налил и своему другу подполковнику Дружинину, командиру полка. На столе в бункере, который использовался как штаб батальона, лежал хлеб и стояли два котелка с кашей, обильно сдобренной тушенкой, это был их обед, который им принесли бойцы с полевой кухни. Размешав в кружках заварку, Логинов только сел на пустой снарядный ящик, игравший тут роль стула, как бункер вздрогнул от близкого разрыва тяжелого немецкого снаряда. Правда сверху ничего не посыпалось, так как бункер был хоть и небольшой, но из броневых плит, вернее его потолок – из 20-миллиметровой броневой плиты, а над ним, еще три наката бревен и земля.

– Ешкин кот! – только и выругался майор. – Стас, вот спрашивается, какого лешего мы оставили старые позиции? На фига строили бетонные доты, чтобы потом их так просто оставить? Я вот, например, не уверен, что эта землянка выдержит прямое попадание тяжелого снаряда или авиабомбы. Вот на старых позициях в дотах можно было без всяких проблем пережить любой обстрел или бомбежку.

– Толян, а в котел на удобных позициях ты угодить хочешь?

– Да какой котел? Мы там крепко стояли, немцам, чтобы нас сбить, очень попотеть пришлось бы, к тому же два мехкорпуса позади, они немцам быстро козью морду сделали бы.

– У нас да, а на западном фланге?

– А что на западном фланге?

– А то! На западном фланге у нас Прибалтийский фронт, а он так драпал, что только пятки сверкали. Вот и прикинь, что получилось бы, если бы вышли немцы нам во фланг и перерезали все снабжение, а без боеприпасов и топлива мы долго не продержались бы. Вот и пришлось

отходить, чтобы выправить линию фронта. Мне самому это не нравится, но что поделаться, другого выхода просто не осталось.

– А здесь, думаешь, надолго закрепимся?

– Честно говоря, не знаю, но надеюсь, что до осени точно. Павлов вроде неплохо командует, вон какой знатный мешок немцам устроил, считай, целый корпус в ловушку заманил и уничтожил. Эти вот позиции подготовил, пускай и полевые, но и из них нас долго выковыривать будут, особенно если учесть, что мы свою тяжелую артиллерию сохранили. Вот смотри, и обстрел окончился, наши боги войны дают немцам прикурить, вот и не могут они полноценно нас обрабатывать и бомбят не особенно, сразу наши истребители прилетают, да и зенитчики не дремлют.

– Ладно, посмотрим. Ну что, давай накатим по маленькой?

– Давай, но только по маленькой.

Достав фляжку с водкой, Логинов налил грамм по сто водки в две железные кружки, и, чокнувшись с Дружининым, они разом выпили. Закусив кусочком черного хлеба, оба командира допили чай, после чего подполковник Дружинин по ходам сообщений отправился в штаб полка.

Штаб группы армий «Центр»

– Проходи, Гейнц, садись и давай без чинов.

Командующий группы армий «Центр», Федор фон Бок тяжело сел на стул. Настроение было препаршивым: план «Барбаросса» летел ко всем чертям, уже было ясно, что никакие усилия не позволят нагнать сроки, кроме того, потери в войсках и технике оказались просто устрашающими.

– Что ты обо всем этом думаешь, Гейнц? Что нас ждет дальше в этой варварской России?

– Думаю, ничего хорошего, Федор. Боюсь, что фюрер совершил роковую ошибку, вторгнувшись в Россию. По большому счету, лучшим решением было бы попытаться заключить с русскими мир, пока еще не поздно. Наверняка Сталин ответит согласием, если мы отойдем на границы России.

– Гейнц, ты сам знаешь, раненый зверь опасней всего. Не думаю, что Сталин простит нам нападение, этот дикарь чересчур

мстительный. Он вполне может накопить силы и потом сам напасть на нас.

– Не отрицаю, вполне возможно, но кто сказал, что и мы будем сидеть без дела? Вполне можно построить линию обороны вдоль границы, а кроме того, срочно модернизировать технику. Этот чертов боцман подложил нам всем огромную свинью!^[46]

Это же надо было так оплошать! Мало того что он проспал появление у русских множество новейшей бронетехники, причем на голову превосходящей нашу, так он также проспал русские ловушки. Сколько мы потеряли в первый день самолетов, а стрельба по пустым русским военным городкам?

– Кстати, что ты думаешь о новых русских танках?

– Что русские сумели обойти нас. Даже если не брать в расчет большое количество новой легкой бронетехники, как колесной, так и гусеничной, новые русские танки во всем превосходят наши, пожалуй, за исключением надежности. Надо признать, что в прямом бою у наших танков мало шансов уцелеть. Даже новый легкий русский танк превосходит наш Т-3, а что говорить про их Т-34 и КВ. Наш Т-4 лишь вблизи может подбить русский Т-34, а КВ – без шанса, если только не большая удача. Мы создавали Т-4 как противопехотный танк, но, как оказалось, это было ошибкой. Сейчас нам просто жизненно необходимо установить на нем нормальное, длинноствольное орудие, кстати, и на «штуге» – тоже^[47].

Также необходимо срочно обновить парк противотанковых орудий, сделать длинноствольные орудия калибра 50, 75 и 88 миллиметров. Сейчас бороться с русским КВ могут только 8,8-сантиметровые зенитки, но вся беда в том, что они слишком заметны. Русские тоже не дураки, они уже оценили наши «ахт-ахт» и во время боя стараются сразу их уничтожить. Из-за размеров их трудно маскировать, а потому среди них сейчас очень большие потери, так как нам приходится стрелять из них вместо самолетов по русским танкам.

– Какие у нас шансы, Гейнц?

– Плохие. Хоть нам и удалось захватить Прибалтику, тем самым вынудив русских отойти в центре, но они выровняли фронт и снова встали, и я не знаю, как их выковырять. У них хорошая эшелонированная оборона, и хоть бетонных укреплений нет, но они нашли им замену. Я оценил их выдумку, их бронекапониры вполне

позволяют выдерживать полевую артиллерию, а тяжелой не дает работать русская артиллерия. Мы оказались в патовой ситуации, и время работает на русских. Пока мы гробим войска и технику в попытках прорвать их оборону, они наращивают силы. Весь расчет был на молниеносную войну, но русские смогли перевести ее в позиционную, и ресурсов у них больше. Боюсь, мы проиграем эту войну.

Гудериан ушел, а фон Бок, глотнув вина, крепко задумался. Слова Гудериана задели его за живое, самое паршивое было в том, что Гейнц был прав, но фюрер и слышать ничего не хотел, и любая попытка только заикнуться о заключении мира с русскими, скорее всего, приведет к мгновенной отставке, и хорошо, если этим все и ограничится. Все попытки прорвать русскую оборону провалились, войска понесли большие потери, на носу осень, а за ней и страшная русская зима. Фон Бок задумчиво смотрел на огонь, горящий в камине, и думал, что ему делать.

Глава 10

1 сентября 1941 года

Сегодня уже первое сентября, День знаний, а на фронте пока без особых перемен, по крайней мере, на моем. Положение стабилизировалось, Ленинградский фронт твердо удерживает свои позиции на Нарве против немцев и по бывшей линии Маннергейма против финнов. На юге Кирпонос до сих пор сдерживает противника на линии Киевских уров, а вот еще южнее обстановка не такая хорошая. Если с началом войны наши части не только не отступили, но даже захватили часть румынской территории, то позже они были вынуждены отойти, и сейчас Одесса находится в осаде^[48].

Кроме того, немцы достаточно уверенно теснят наши войска в направлении Николаева, и думается мне, что скоро они выйдут к Днепру в его нижнем течении, а это уже угроза и Крыму. Очевидно именно это послужило причиной того, что на завтра я вызван в Кремль к Сталину с докладом. Не один, кроме меня будут и другие командующие фронтами, и это хорошо.

Вечером под прикрытием четверки истребителей я вылетел на транспортнике в Москву. В два часа ночи мы благополучно приземлились, и я поехал к себе домой: раз выпал такой случай, то лишний раз повидаяюсь с семьей. Несмотря на то, что я своим ночным приходом разбудил жену, она была безумно рада моему приезду. Сразу же побежав на кухню, она поставила чайник, и вскоре мы уже пили горячий чай с пряниками и сушками, а затем пару часов проговорили.

– Дима, что с нами будет? Немцы продолжают наступать, мы сможем удержать Москву или нам нужно уехать вглубь страны?

– Саша, не говори ерунды и даже не вздумай никому сказать подобную чушь, немецкое продвижение сильно замедлено, а Москву им никто не отдаст. Не скрою, положение на фронте тяжелое, но отнюдь не катастрофическое, а немцы хоть пока и продвигаются вперед, но при этом несут огромные потери, и скоро их наступательный потенциал закончится. Мы сейчас активно выбиваем их технику и опытных солдат, в то же время наши заводы вовсю производят новую технику, которая превосходит машины противника.

Думаешь, я просто так последние три года работал как каторжный? Благодаря моей работе сейчас наша армия активно пополняется новейшей бронетехникой, и через год все части будут полностью укомплектованы согласно своим штатам. Ты лучше расскажи, как ты тут с детьми?

– Все хорошо, вчера занятия в школе начались, а так у нас тихо, правда, несколько раз объявляли воздушную тревогу, но каждый раз отгоняли немецкие самолеты.

Вот так мы и проговорили до пяти утра и только потом легли спать, проспали всего ничего, так как утром пришлось отправлять сына с дочкой в школу. Утром их ждал неслабый сюрприз, когда они увидели меня дома. Радости было море, правда, недолгой, ведь они узнали, что сегодня вечером я опять улетаю на фронт. Но тем не менее я проводил их до школы, чтобы хоть немного продлить время нашего общения, дети очень этому обрадовались. А днем я прибыл в Кремль на совещание.

К моему удивлению, совещание проходило не в кабинете Сталина, хотя, собственно говоря, чему удивляться, народу собралось почти два десятка человек, а потому и собрали нас в одном из залов. Сталин начал выслушивать командующих фронтами, их потребности и общую обстановку, начал с Кирпоноса, а затем спросил меня. У меня было что сказать.

– Общая обстановка на фронте удовлетворительная, после того как мы были вынуждены отойти из укрепрайона для предотвращения возможности окружения фронта, обстановка стабилизировалась. На Нарве остатки Прибалтийского фронта и части Ленинградского успешно сдерживают противника. Хотя линия моего фронта несколько удлинилась, но тем не менее своевременно построенные укрепления позволили нам надежно укрепиться. На данный момент фронт имеет все необходимое, даже удастся проводить ротацию частей, давая тем самым возможность передышки нашим бойцам и командирам. За свой фронт я спокоен, а вот Крым вызывает у меня опасения.

– Это чем же он у вас вызывает опасение? – тут же отреагировал на мои слова адмирал Октябрьский^[49].

– Хотя бы тем, товарищ вице-адмирал, что на Перекопе не возводятся оборонительные сооружения, а части 51-й армии размазаны по всему Крыму.

– А как, по-вашему, товарищ генерал армии, мы будем отражать немецкий десант?

– Какой десант, вы что, белены объелись?! На чем, по-вашему, немцы будут десантироваться? С воздуха? Или вы думаете, что они, как во времена Чингисхана, поплывут по Черному морю на надутых воздухом бурдюках?

– Не юродствуйте! Возможность высадки немецкого десанта с моря никто не отменял.

– Знаете, после таких слов меня мучает вопрос о вашей компетентности, как командующего Черноморским флотом. Насколько мне известно, в составе вашего флота находится 1 линкор, 5 крейсеров, 3 лидера и 16 эсминцев, и это без учета торпедных катеров и канонерских лодок. А теперь главный вопрос: а сколько боевых кораблей у наших противников? Если память мне не изменяет, то у немцев нет военных кораблей в Черном море. Остается только Румыния с ее несколькими корытами, которые ни при каких обстоятельствах не смогут угрожать нашему флоту^[50].

Поэтому хочу спросить: как, по-вашему, немцы будут высаживать десант? Даже если они найдут достаточное количество судов для перевозки войск, то сейчас не времена Русско-японской войны, и мы не на Тихом океане. Скрыть десантную операцию противник не сможет, а у нас в таком случае будет только один вопрос: что делать с немцами, сразу их топить или брать в плен и отправлять валить лес и работать в шахтах.

– Действительно, товарищ Октябрьский, вероятность немецкого морского десанта крайне мала. Наш флот имеет подавляющее преимущество в Черном море, а тяжелые немецкие корабли в Черное море не пройдут, – произнес Сталин.

– Товарищ Сталин, я просто хотел исключить малейшую вероятность морского десанта.

– Он не понадобится противнику, так как он просто двинется через Перекоп, генерал Павлов прав. Немедленно приступайте к строительству укреплений и стяните туда основные силы 51-й армии. Вчера немцы взяли Херсон, такими темпами через несколько недель они уже будут в Крыму.

Октябрьскому ничего не оставалось делать, как взять под козырек. Прямой приказ Сталина нельзя было саботировать без последствий

для себя, а потому, вернувшись на следующий день в Крым, он вместе с командующим 51-й армией принялся в срочном порядке строить укрепления на Перекопе, а генерал-полковник Кузнецов принялся стягивать туда же основные силы армии.

Они едва успели, когда 21 сентября немцы вышли к Перекопу, спешно достраивалась третья линия укреплений. Первая атака противника была отбита очень легко, в этом нашим пехотинцам хорошо помогла тяжелая артиллерия, основательно поработавшая по передовым немецким частям, которые попытались с ходу прорвать нашу оборону.

Только теперь Октябрьский с Кузнецовым осознали опасность своего ошибочного решения. Практически все силы 51-й армии были стянуты к Перекопу, вдоль черноморского побережья остались только маневренные группы из двух танковых батальонов старых танков БТ-7 и механизированного полка общим составом в 62 танка и 145 колесных бронетранспортеров. Вдоль всего побережья были организованы посты наблюдения, к которым в срочном порядке протянули телефонную связь. Каждый час все посты должны были докладывать обстановку; в случае, если пост не отвечал, то тогда немедленно к нему выдвигалась ближайшая маневренная группа.

В основном причиной потери связи были диверсии, перерезанные телефонные провода, но и против этой напасти нашлось средство. Выставленные вдоль линий связи секреты сыграли в этом решающую роль, они засекали вредителей, которые резали провода, и в большинстве случаев ими оказывались местные татары. Сначала этих диверсантов прилюдно расстреливали в их селах, а семьи немедленно выселяли, но поскольку меньше таких случаев не становилось, то в середине октября приказом НКВД все татарские села Крыма подлежали немедленному выселению в Казахстан, и только после этого количество диверсий в тылу наших войск значительно снизилось.

А на самом Перекопе оборону наших войск поддерживали танковый полк из 94 новых Т-34 и два дивизиона противотанковых СУ-85 общим числом в 36 самоходок. Если учесть, что сам перешеек был меньше 10 километров, то вся эта стальная мощь могла в кратчайшее время прибыть на любой участок обороны и играючи отбить самую сильную немецкую атаку.

Учитывая, что на данный момент у противника не было действенных средств борьбы с нашей новой бронетехникой, то и противопоставить ей они ничего не могли. Лишь 8,8-сантиметровые зенитки могли подбивать новые танки и самоходки, вот только из-за своих размеров они и сами были очень уязвимы. Высокие потери этих орудий заставили немцев использовать их только в обороне, именно поэтому они и не могли поддерживать атаки своих войск, ибо для этого требовалось выводить зенитки на открытые позиции, тем самым превращая в превосходные мишени. Наши бойцы тоже сразу смекнули опасность этих орудий, поэтому именно они становились первоочередными целями для наших артиллеристов и танкистов.

Можно сказать, что Крым спасло чудо, вовремя данный начальственный пендель заставил шевелиться и включать мозги, а потом наступила осенняя распутица, и постепенно, по мере насыщения земли водой, фронт встал, ибо передвижение по раскисшей от воды земле и разбитым техникой дорогам превратилось в настоящее мучение. Эта невольная передышка играла на руку исключительно нам, поскольку позволяла снабдить войска техникой и восполнить потери в живой силе.

А на моем фронте тем временем шли свои бои. Разверзнувшиеся хляби небесные превратили землю в подобие болота, и бойцы, с одной стороны, костерили эту непогоду, так как, кроме того что они мокли под частыми дождями, так еще и окопы вовсю заливало дождевой водой. Постоянно сырая одежда при холодной температуре воздуха вызывала мало приятных ощущений, но, с другой стороны, в такую погоду авиация почти не летала. Мало того что большинство взлетных полос превратились в раскисшую кашу, еще и низкие облака очень сильно затрудняли ориентирование в небе.

Погода невольно не то что заморозила боевые действия, но свела их к минимуму. Даже артиллерия не особо работала, и дело не в том, что ей мешал дождь или низкая облачность, просто раскисшие дороги затруднили подвоз снарядов, вот и сэкономили обе стороны боеприпасы. Правда, у нас положение было несколько лучше, сказалось то, что по моему приказу были разработаны легкие гусеничные платформы, послужившие основой для целой линейки различной бронетехники, и в том числе гусеничной транспортно-заряжающей машины. Сделанная на базе легкого танка, она в своем

бронированном кузове могла транспортировать до семи тонн груза, и случившаяся распутица лишь осложнила транспортировку. Также сказалась доработка колес на колесной технике. Став более широкими и с хорошими грунтозацепами, они тоже довольно уверенно преодолевали раскисшие дороги.

Пока основные действия временно затихли по погодным причинам, я снова напросился на прием к Сталину и опять с просьбой на присутствие на встрече маршала Шапошникова. Была у меня одна задумка, как сделать немцам «козью морду», но без высочайшего одобрения самого никакой речи об этом и быть не могло, слишком большие силы придется привлечь для этого. История уже бесповоротно изменилась, и того сражения за Москву уже не будет, а также и разгрома немцев под ней, первого значимого удара по ним, показавшего всему миру, что они отнюдь не непобедимые воины. Вот я и хотел исправить это.

7 октября 1941 года, Кремль, Москва

Вызова к Сталину долго ждать не пришлось, уже через четыре дня я входил в его кабинет, а в нем, как я и просил, присутствовал Шапошников.

– Добрый день, товарищ Павлов, проходите, садитесь. С чем на этот раз вы ко мне пожаловали?

– Здравствуйте, товарищ Сталин, есть у меня одна задумка, как прищемить хвост немцам. В первые недели войны я уже провернул подобную операцию, тогда полностью был уничтожен 46-й моторизованный корпус немцев. Впрочем, вы и сами это знаете.

– А сейчас вы кого хотите заманить в свою ловушку, товарищ Павлов?

– Кто попадется, товарищ Сталин, но уже хочется не корпус, а армию. Просто для операции такого масштаба, во-первых, необходимо одобрение начальства, а во-вторых, дополнительные силы, к сожалению, собственными тут я не обойдусь.

– Что именно вы хотите предпринять?

– Вот смотрите, – я развернул на столе принесенную с собой карту. – Сейчас, пока стоит осенняя распутица, немцы дергаться не будут, но вот как только дороги немного просохнут и подмерзнут, противник однозначно попытается прорвать нашу оборону. Я более чем

уверен, что он нанесет удар на Оршу, с последующим выходом к Смоленску.

– Почему именно тут?

– Это прямая дорога на Москву, товарищ Сталин. Прорвав наш фронт под Оршей и выйдя к Смоленску, немцы, с одной стороны, получают прямой путь на Москву, с другой, выходят во фланг и тыл западного крыла моего фронта, тем самым получая возможность двигаться также и на Ленинград.

– Борис Михайлович, а вы что скажете?

– Генерал Павлов прав, товарищ Сталин, немцы рвутся к Москве, а это кратчайший путь.

– Хорошо, товарищ Павлов, так что именно вы предлагаете?

– Подыграть немцам, позволить им прорвать фронт и захватить Оршу, правда, перед этим надо озаботиться о полной эвакуации населения, дать противнику возможность продвинуться к Смоленску, после чего перерубить коридор и поймать все выдвинувшиеся силы немцев в большой котел. Тут точно будет уже не корпус, а как минимум одна армия.

– А вы уверены, что у нас хватит сил на такое?

– Уверен, особенно если за оставшееся время перебросить с Дальнего Востока хотя бы одну армию.

– А как же Япония? Что будет, если она ударит нам в спину?

– Не ударит, товарищ Сталин, после Халхин-Гола японцы будут осторожничать. Они уже получили от нас по первое число, убедились, что мы не царская армия и пятиться не собираемся. Уже почти четыре месяца идет война, а японцы все осторожничают, пока они не удостоятся, что немцы нас давят, в войну не влезут. Нам необходимо минимум с десятков дивизий.

– Допустим, как именно вы хотите действовать?

– Я отвожу первый и второй мехкорпуса в стороны от предполагаемого прорыва, а шестой мехкорпус – к Смоленску. Сибирские дивизии делятся на три части, одна треть вместе с шестым мехкорпусом занимает оборону перед Смоленском, а две оставшиеся трети занимают оборону вдоль коридора, по которому пойдут немцы. Мы ожидаем, пока противник не подойдет к Смоленску, после чего первый и второй мехкорпуса совместным ударом перерубают коридор. После этого первый мехкорпус с частью войск занимает оборону на

старых позициях, а второй начинает уничтожать тылы прорвавшихся войск. После того как он подойдет к основным силам противника, шестой мехкорпус переходит в атаку, а сибирские дивизии все это время сначала держат фланги, а затем помогают мехкорпусам. Сил для такой операции должно хватить, техники тоже хватает, тут главное – согласованность действий.

– Что скажете, Борис Михайлович?

– Действительно, задумка интересная, но с ходу я вам ничего конкретного сказать не смогу, мне необходимо сначала прикинуть силы, наши и противника. Хотя не скрою, вполне может получиться.

– Хорошо, Борис Михайлович, сколько вам нужно времени?

– Думаю, за пару дней управлюсь.

– Товарищ Павлов, сможет ваш фронт обойтись без вас несколько дней?

– Вполне, товарищ Сталин, тем более что сейчас затишье.

– Вот и прекрасно, ступайте вместе с Борисом Михайловичем к нему в Генштаб и там вместе все обмозгуете, а как только будет конкретный результат, снова придете ко мне на доклад.

Прямо из кабинета Сталина я отправился вместе с Шапошниковым в Генштаб. Мне предстояли тяжелые дни. Но я очень надеялся, что мою задумку одобряют, а небольшим бонусом шло то, что эти несколько дней я смогу провести дома с семьей.

Шапошников ошибся, на проработку плана операции ушло не два дня, а почти четыре. Но я этому был только рад, так как смог лишнее время провести со своей семьей, а из-за погоды никаких изменений на фронте ждать не приходилось. К Сталину мы прибыли вечером четвертого дня.

– Проходите, товарищи. Что скажете, Борис Михайлович, имеет план товарища Павлова перспективы?

– Вполне, товарищ Сталин: по данным разведки противник продолжает подтягивать к линии фронта войска, технику и боеприпасы. Дата предстоящего наступления пока неизвестна. Тут многое зависит от погоды, но можно не сомневаться, что как только погодные условия позволят, немцы сразу перейдут в наступление. В нашем распоряжении есть две-три недели для подготовки ловушки. Синоптики обещают скорые морозы, значит, земля быстро промерзнет, и все дороги станут проходимыми, даже болотистые места.

– Мы успеваем?

– Да, впритык, но успеваем, если немедленно вызовем необходимые дивизии.

– Сколько необходимо, Борис Михайлович?

– Минимум девять, но желательно двенадцать.

Сталин задумался, он не спеша прохаживался по своему кабинету от стола к окну и обратно. Наконец, приняв решение, он произнес:

– Есть мнение выделить для этой операции десять дивизий, больше все же опасно. Думаю, вам хватит этих сил. Как только расчеты будут закончены, покажите их мне.

На этом аудиенция у вождя была закончена. Хотя мы и не получили все, что хотели, но и десять пехотных дивизий были значительной силой, а ведь кроме них были и другие части, так что понемногу можно было добрать недостающее.

Вернувшись в Генштаб, засели за планирование, теперь, когда было точно известно выделенное количество войск, можно было уже предметно разрабатывать план предстоящей операции. Если с мехкорпусами и раньше было все ясно, то теперь предстояло распределить прибывающие войска по местам назначения. Не мудрствуя лукаво, решили особо от первоначального плана не отходить, три дивизии – в помощь 6-му мехкорпусу, по три дивизии – по флангам предстоящего коридора, а десятая дивизия усилит пехотой 2-й мехкорпус, которому предстояло ударить в тыл прорвавшемуся противнику.

Уже утром следующего дня по разным направлениям полетели приказы, и в первую очередь это строительство укреплений перед Смоленском. Город должен был стать наковальней, на которой нам предстояло разбить немецкие войска. Для противника отводился коридор шириной в 25–30 километров, и именно там предстояло держать оборону сибирским дивизиям. Сплошной линии обороны не будет, она должна состоять из опорных точек в местах, где отходят дороги. По крайней мере, техника противника точно не сможет свернуть с этого коридора, а пехотные части не представляют такой большой угрозы. Без снабжения и невозможности быстро перемещаться и маневрировать они скоро потеряют свою огневую мощь.

Одновременно с этим началась переброска мехкорпусов, правда, делалось это очень осторожно, чтобы не насторожить противника. В основном двигались войска ночью, а вот радиоотдел штабов остался на месте, вернее не весь отдел, а радисты, которые постоянно выходили в эфир. Кроме них осталось и несколько командиров из штаба и особого отдела. В задачу этих командиров входило создать видимость работы штаба корпуса на старом месте. Каждый радист имеет свой почерк, любой профессионал с легкостью его увидит, а потому изменение места работы радиста означает передислокацию его части на новое место. Немецкий Функабвер работал хорошо, постоянно отслеживая работу всех радиостанций, как у нас, так и в собственном тылу, а потому по-иному скрыть от него переброску наших сил было невозможно^[51].

Время пролетело быстро, в последних числах октября прибыли сибирские дивизии, и их сразу стали располагать в местах предполагаемой дислокации. Мы едва успели, ударившие морозы буквально за пару дней проморозили землю, и прежде труднопроходимые дороги стали вполне пригодны для продвижения. Не желая зимовать в чистом поле, немцы перешли в решительное наступление, они рассчитывали прорвать нашу оборону и затем беспрепятственно ударить в направлении Москвы. Хотя сейчас мы не имели тех катастрофических потерь, но все равно обстановка была достаточно напряженной, и лишних войск у нас не было.

1 ноября 1941 года, Западный фронт, Орша

Утро 1 ноября было разорвано массированной артиллерийской канонадой, немцы ровно в 6 часов утра открыли сильный артиллерийский огонь по нашим позициям. Обстрелу подверглись как передний край, так и места расположения нашей тяжелой артиллерии. Артподготовка длилась целых два часа, причем ответного огня с нашей стороны не было. В 8 часов утра немецкие моторизованные части прорвали нашу оборону и уже к 10 часам, почти не встречая сопротивления, вошли в Оршу. Такой успех был от того, что накануне по моему приказу большая часть войск была отведена. На местах расположения тяжелой артиллерии специально разместили ранее поврежденные или уничтоженные наши орудия, тем самым скрывая отвод техники. К середине дня ширина немецкого прорыва достигла

десять километров, и в пробитую брешь сплошным потоком устремились немецкие войска. К вечеру 2 ноября передовые немецкие части вышли к Смоленску, где и остановились, уткнувшись в линию обороны. Всего в прорыв вошли 4-я полевая армия генерал-фельдмаршала фон Клюге и 2-я танковая группа генерал-полковника Гудериана, в составе 17 пехотных дивизий, двух охранных, одной кавалерийской, четырех танковых и двух моторизованных [\[52\]](#).

Силы были немалые, вся моя ставка была на превосходство над противником в количестве и качестве техники, а также на то, что ему будет прервано снабжение войск, хотя в любом случае, игра шла на грани флага. Утром 3 ноября фон Клюге, который выдвинулся в свои войска и расположился со своим штабом в Гусино, километрах в двадцати от Смоленска, начал штурм города. Но атаковавшие наши позиции немцы оказались под сосредоточенным артиллерийским огнем, не пройдя и половины расстояния до наших позиций, противник был вынужден отступить.

Одновременно с этим нанес свой удар и я, первый и второй мехкорпуса с легкостью смяли коридор, пробитый немцами, и захлопнули мешок, и это было самым легким в операции. Так как основные силы противника уже ушли вперед, то тут моим войскам противостоял второй эшелон немцев из менее боеспособных частей и при почти полном отсутствии бронетехники.

Оба мехкорпуса почти не почувствовали сопротивления, после чего первый мехкорпус стал в оборону, заткнув собой и двумя другими дивизиями фронта прорыв, а кроме них тут была и одна сибирская дивизия, 10-я. Вторым мехкорпусом, развернувшись на Смоленск, двинулся вперед, попутно уничтожая все попадающиеся на его пути части противника. Расположившиеся по флангам пехотные дивизии, по мере подхода к ним мехкорпуса, также вливались в его состав, таким образом, уже к вечеру 3 ноября они достигли Красной горки, где встретили сильное сопротивление противника.

Когда фон Клюге понял, что попал в мешок и что с тыла к нему приближается большая масса русской бронетехники, то немедленно прекратил атаку Смоленска и принялся перебрасывать 2-ю танковую группу Гудериана в свой тыл. Я все это время держал свой штаб в Смоленске, и именно сюда постоянно стекалась вся информация о ходе операции. К сожалению, с ходу атаковать штаб фон Клюге было

нереально. Хотя до него от передовых частей второго мехкорпуса было всего-то километров двадцать, но немцы успели перегруппироваться, благо дороги стали проходимыми и расстояния были небольшими.

Наступал вечер, и мы, и противник взяли паузу до утра, так как никто из нас не был готов дальше вести бой. По всей логике, фон Клюге должен теперь пробиваться назад, так как он отрезан от поставок топлива и боеприпасов, а оборона Смоленска, как он уже успел убедиться, очень сильная, и без подвоза припасов, да еще с нашим усиленным мехкорпусом в тылу, ему уже ничего не светит. Теперь бы ноги унести назад, а то с каждым днем его положение будет все ухудшаться. Нам тоже была необходима короткая передышка, и не только для отдыха бойцов, но и для пополнения топливом и боеприпасами нашей техники. За день боев танки и бронетранспортеры расстреляли минимум по паре боекомплектов, вот и требовалось срочно их пополнить, чем экипажи и занимались весь вечер и ночь.

Утро 4 ноября выдалось туманным, в 7 часов утра местами туман очень сильно затруднял видимость, но к началу девятого он стал рассеиваться, и тогда загрохотали орудия. С собой в прорыв фон Клюге взял только легкие 10,5-сантиметровые гаубицы, которые можно было легко и быстро транспортировать, а более тяжелые орудия остались на старых позициях, и теперь он не мог создать сильный огонь по русским. В отличие от оппонента, наша артиллерия была более сильной. Кроме собственной артиллерии мехкорпусов, а орудия шестого мехкорпуса были временно переданы второму, мы еще усилили ее новыми гаубицами М-10 и М-30, которые можно было быстро транспортировать. Вот немцев и встретила вся эта мощь, а кроме нее еще пять дивизионов тяжелых минометов и шесть дивизионов «Смерчей».

Сначала поле, по которому двигались танки Гудериана, накрыла артиллерия, а затем вперед вышли наши танки. Не спеша, то и дело делая короткие остановки, они непрерывно вели огонь. В первом ряду шли КВ, чуть поотстав от них, двигались уже Т-34 и противотанковые самоходки, а уже в третьей волне – Т-28 и бронетранспортеры. Все поле покрылось чадящими кострами из немецкой техники, причем порой от немецких танков оставались лишь обломки, если в чешские «Праги» или немецкие Т-3 попадал фугас «Костолома», пара

дивизионов которых были в составе моего фронта. Тяжелый, 152-миллиметровый фугасный снаряд корабельного калибра просто разносил эти легкие танки на части.

К началу десятого передовые части Гудериана прекратили свое существование, а второй мехкорпус продвинулся вперед километров на пять. Сделав небольшую остановку для пополнения боезапаса, корпус двинулся дальше и вскоре уперся в наскоро построенную немцами полевую оборону. Они успели за это время выкопать окопы и теперь готовились в обороне перемалывать наши части.

В небе шла своя битва. Облаков хватало, но авиации было достаточно комфортно работать, вот немцы и вызвали авиаподдержку, а наши самолеты им мешали и сами бомбили противника. В первую очередь, по моему приказу, летуны охотились на немецкую артиллерию, и скоро она практически перестала мне досаждать, хотя свою роль тут сыграл и снарядный голод, ибо имевшиеся запасы немцы расстреляли, а новые привезти уже не смогли.

Вскоре и оставшиеся две пехотные дивизии сибиряков вступили в дело, а кроме них двинулся вперед и шестой мехкорпус. Мы не особо торопились, у нас, в отличие от немцев, снарядов хватало, а потому танки вперед не рвались, а поддерживали пехоту, методично уничтожая огневые точки противника и попутно выбивая всю оставшуюся у него бронетехнику.

Артиллерия тоже активно вносила в это дело свою лепту, и хотя численно немцев было больше, но вот решающее преимущество в бронетехнике было за нами. Что могли сделать немецкие пехотинцы против нескольких сотен бронетранспортеров, которые просто выкашивали их своим пулеметным огнем? Немецкие противотанковые пушки почти все выбили еще в первый день боев, и теперь противник остался практически без средств ПТО.

Вечером 6 ноября фон Клюге, поняв полную бесперспективность продолжения сопротивления, несмотря на вопли своего фюрера, сдался. Температура воздуха была минусовой, теплой одежды в его войсках было очень мало, так как немцы не рассчитывали воевать в холода в чистом поле. Кроме того, постоянный обстрел нашей артиллерией за пару дней сократил поголовье арийцев почти на сто тысяч. За это время техника израсходовала практически весь запас топлива, к концу стали подходить и боеприпасы.

По своей значимости эта операция вполне была сопоставима с разгромом немцев под Москвой в моем мире. Теперь точно можно было сказать, что наступление немцев на Москву полностью провалилось, после таких потерь требуется значительное время для приведения войск в порядок. Завтра парад на Красной площади, и у меня есть отличный подарок для товарища Сталина и всего советского народа.

Глава 11

7 ноября 1941 года, Красная площадь, Москва

Несмотря на сильную облачность и легкий снег, мое настроение было хорошим, а сам я, совершенно неожиданно для себя, в данный момент стоял на трибуне мавзолея в свите товарища Сталина.

Вчера вечером меня удивили, сильно удивили, причем два раза. Первый раз, когда во второй половине дня фон Клюге решил сдаться. Это очень сильно меня поразило, так как было совершенно не похоже на немцев. Даже в окружении они не спешили сдаваться и воевали на совесть, а тут прошло всего каких-то несколько дней, а они уже сдаются. Да в том же Сталинграде они стояли до последнего, а тут как в сказке, не успели их окружить, как они уже лапки кверху подняли.

Ну а второй раз меня удивили, когда после немедленного доклада наверх о сдаче немцев меня срочно вызвали в Москву. Летел я туда не один, вместе со мной затребовали наиболее отличившихся бойцов и командиров. Учитывая жуткий цейтнот, я захватил с собой первых попавшихся, но не штабных, а из боевого состава. Пришлось задействовать еще четыре транспортных самолета для этого, ну и, разумеется, пленных немцев из штаба фон Клюге, это еще с полсотни рыл, и, следовательно, три дополнительных транспортника.

Главным отличием этого парада было то, что в его завершение по Красной площади под конвоем провели с полтора десятка немецких генералов во главе с генерал-фельдмаршалом фон Клюге и три десятка высокопоставленных немецких офицеров. Это имело огромный психологический и пропагандистский эффект, показав всей стране, что наша армия хоть и отступает, но достаточно сильна и может бить противника.

В числе прошедших по Красной площади были и те бойцы и командиры, которых я привез с собой.

После парада я имел разговор с фон Клюге, до этого просто не было времени, а меня мучил главный вопрос, почему немцы так легко нам сдались. Почти два часа я через переводчика общался с немецким командующим, и через день это мне очень пригодилось.

9 ноября 1941 года, Кремль, Москва

Я думал, что после парада отправлюсь назад в войска, но приказом сверху мне велели пока оставаться в столице, а я что, я ничего, я был только рад такому распоряжению. Сейчас, после такого сокрушительного разгрома, немцы на время притихнут, а мои заместители вполне смогут командовать, пока меня не будет на месте. Лишнее свободное время я с большим удовольствием проведу с семьей, так как никто не знает своей судьбы. Не зря в одном классическом произведении сказано, что беда не в том, что люди смертны, а в том, что они внезапно смертны.

Михаил Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Да, я не на передовой, но это отнюдь не означает, что мне абсолютно ничего не грозит. От случайной бомбежки, вражеских диверсантов и банальных недоброжелателей никто не застрахован. Может, вы спросите, при чем тут недоброжелатели, так от доносов народу у нас пострадало немерено. Сколько судеб было искалечено или погублено из-за человеческой жадности и зависти, когда из-за корыстных побуждений писали доносы на друзей, соседей и сослуживцев за лишнюю комнату или должность.

Вот и тут, хоть вроде я приближен к Сталину, но полной неприкосновенности это мне не дает. Взять хотя бы Власика, человека, который более двух десятков лет верой и правдой служил вождю, но был смещен со своей должности в 1952 году и арестован. А ведь останься он на своем месте, скорее всего, Сталин прожил бы дольше. Власик был очень близок к Сталину, но это не защитило его от ареста, так что считать себя неприкосновенным было нельзя.

Семья очень обрадовалась моей задержке в Москве, а 9 ноября в Кремле, совершенно неожиданно для меня, состоялось мое награждение, разумеется, кроме меня были и другие, но причина моей задержки была именно в этом. Меня наградили «Золотой Звездой» Героя Советского Союза и орденом Ленина, причем награждал сам Сталин, а после небольшого торжественного фуршета состоялось небольшое совещание у Сталина. В кабинете присутствовали Ворошилов, Буденный, Шапошников, Конев, Василевский, Мехлис и Берия.

– Садитесь, товарищ Павлов, еще раз поздравляю вас с высокой правительственной наградой. А позвали мы вас вот по какому поводу, тут у нас всех есть к вам вопрос, почему немцы сдались так легко?

– Спасибо, товарищ Сталин, а по поводу сдачи немцев, то, честно говоря, пока я после парада не поговорил с фон Клюге, тоже ломал себе голову, почему немцы так легко сдались. Дело в том, что на них это не похоже, а тут такой сюрприз.

– И что вам сказал фон Клюге, товарищ Павлов?

– Оказывается, немцев погубила их скорость. Они так спешили подальше прорваться вглубь наших позиций, что сначала вперед по пробитому ими коридору шли только войска. Разумеется, вместе с ними были колонны снабжения, но небольшие, планировалось, что боеприпасы и топливо будут бесперебойно поставляться по пробитому коридору, а мы взяли и через день этот коридор захлопнули. Те запасы боеприпасов и продовольствия, которые были в войсках, израсходовались очень быстро, два дня интенсивных боев – и в войсках почти не осталось боеприпасов, а кроме того, еще проблемы с продовольствием, и это на фоне наступивших морозов.

Мы ведь при подготовке этой операции эвакуировали практически все гражданское население в зоне предполагаемого прорыва, а также все продовольствие, так что добыть провиант на месте немцы не смогли. Все эти причины и заставили фон Клюге сдаться, в противном случае максимум через неделю почти вся его армия просто замерзла бы в полном составе.

– Мне тут докладывали, что у вас был очень большой расход боеприпасов.

– Совершенно верно, товарищ Сталин, для страны дешевле потратиться на лишний снаряд, чем терять понапрасну своих граждан. Если перейти на сухой язык математики, то вырастить с детского возраста и затем обучить бойца выйдет нам намного дороже, чем произвести несколько лишних снарядов.

– Это похвально, что вы бережете своих людей и стараетесь обойтись малой кровью, к сожалению, не все командиры это понимают. Как вы думаете, товарищ Павлов, чего теперь нам следует ждать от немцев?

– В этом году, думаю, уже ничего, Гитлер ведь рассчитывал разгромить нас до наступления морозов и потом зимовать на теплых

квартирах в наших городах, но мы сорвали ему все планы. Сейчас противник просто не готов воевать в зимних условиях, у его солдат нет теплого обмундирования, а техника не рассчитана на наши морозы. Сейчас им надо или не выключать двигатели машин и танков всю ночь, или поддерживать под ними огонь, чтобы они не замерзли. Нет, в этом году немцы ничего делать больше не будут.

— А в следующем году?

— Возобновят попытки прорыва наших укреплений, причем в каком именно направлении, не знаю. Попытаются или дальше прорвать фронт у меня, чтобы все же попробовать захватить Москву, или ударить на юге для того, чтобы как минимум отрезать нас от нефти, а как максимум самим захватить наши нефтеносные районы.

— А что, по вашему мнению, следует делать нам?

— Товарищ Сталин, я, конечно, понимаю, что хочется побыстрее вышвырнуть со своей территории эту коричневую мразь, но, к сожалению, мы пока не готовы к этому. Прежде нам необходимо закончить перевооружение армии, а также поднять тактический уровень наших командиров, пока немцы в этом на голову превосходят наших командиров. Опытных и умелых командиров у нас не хватает, они проявятся только в ходе войны, собственной кровью и потом они заработают этот опыт. По моему мнению, нам следует в следующем году перевооружать и учить армию, заодно выбивая у противника технику и опытных солдат, нам необходима активная оборона, так мы и противнику нанесем максимальный урон, и войска обучим.

— Спасибо, товарищ Павлов, мы поняли ваше мнение, можете идти, и желаю вам и дальше воевать так хорошо, как вы воевали до этого. Надеюсь, это у вас не последняя Звезда Героя.

* * *

Павлов ушел, а Сталин спросил:

— И что вы думаете по этому поводу, товарищи?

— А я вам говорил, товарищ Сталин, что есть в Павлове что-то этакое... Ну как это — не стремиться побыстрее вышвырнуть противника со своей территории.

Мехлис, решив, что ему выпал хороший случай утопить Павлова, постарался его не упустить.

– А ты что думаешь, Клим?

– Не знаю, Коба, с одной стороны, конечно, хочется скорее освободить наши земли, а с другой – Павлов прав: перевооружение армии еще не закончено, для этого требуется минимум год, и мы действительно пока еще не совсем готовы. Так что я, скорее, склоняюсь к точке зрения Павлова.

– А вы что скажете, Борис Михайлович?

– Думаю, что генерал Павлов прав, рано нам еще проводить большие операции.

– Хорошо, товарищи, я подумаю над вашими словами.

Оставшись один, Сталин задумчиво прохаживался по своему кабинету. Начавшаяся война шла не по тому сценарию, на который он рассчитывал. Никакой «малой кровью на чужой территории» не получилось, причем даже с маленькой Финляндией пришлось основательно повозиться, и если бы не советы и инициативы того же Павлова, то потерь с нашей стороны было бы намного больше. Стараниями Павлова страна и армия получили новые заводы и новую бронетехнику, которая очень хорошо показывает себя во всех конфликтах.

Да и сейчас Павлов хоть и отступил, но планомерно, позволив перед этим эвакуировать с оставляемой территории многие заводы и население, а его операции... Сначала окружение и уничтожение 46-го корпуса немцев, а сейчас вообще их 4-я полевая армия в полном составе, пока никто из других командующих не может похвастаться таким успехом.

А Крым? Ведь именно благодаря поднятой Павловым теме удалось исправить ошибку командования в Крыму и избежать прорыва туда противника. Его заслуги за последние несколько лет велики, и пока он не ошибался в своих прогнозах и задумках. Павлов считает, что нам пока рано проводить масштабные наступательные операции, и главное, в трусости или предательстве после всего этого его не обвинишь.

Так что же делать? Они смогли нанести немцам существенный урон, и не только в последней операции, и так Красная армия

ожесточенно сопротивляется и наносит противнику чувствительные удары. Как же хочется побыстрее освободить свои территории.

Так и не придя к определенному мнению, Сталин решил пока отложить этот вопрос на потом.

13 ноября 1941 года, Рейхсканцелярия, Берлин

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок чувствовал себя в данный момент, как нашкодивший мальчишка перед строгим учителем. Он понуро стоял в кабинете фюрера и получал первостатейный разнос за гибель 4-й полевой армии генерал-фельдмаршала фон Клюге и усиливавшей его 2-й танковой группы генерала Гудериана.

– Как вы могли такое допустить?! Я спрашиваю вас, фон Бок, КАК?! Это уму непостижимо! Потерять целую армию с танковой группой, причем меньше чем за неделю! Что там у вас происходит? Вы, что, разучились воевать?! Отвечайте!

– Мой фюрер, – начал фон Бок, – никто и предположить не мог, что русские смогут осуществить подобную операцию.

– А кто мог предположить?! Кто?! Сначала вы срываете все сроки «Барбароссы», а затем в считанные дни теряете целые армии! И как мне после этого к вам относиться?! Как?! Может, следует выгнать вас всех взащей, а вместо вас назначить молодых генералов?

– Мой фюрер, мы разрабатывали свои планы согласно донесениям разведки, именно исходя из них, мы и высчитывали сроки наступления, направления ударов и необходимые для этого силы. Но если на месте мы обнаруживаем, что практически все данные, предоставленные нам разведкой, неверны, то как можно выдерживать сроки и выделять достаточное количество сил?

Согласно донесениям Абвера, у русских старые танки с картонной броней, которую с легкостью пробьют любые наши орудия, что противотанковые, что полевые, что танковые, а на деле мы столкнулись с большим количеством новейших русских танков, которые наши орудия практически не повреждают. Даже на близкой дистанции не все орудия могут пробить броню русских танков, единственное действенное средство – это зенитные 8,8-сантиметровые зенитки, которые по крайней мере со средней дистанции могут пробить их броню. Вся проблема в том, что этих зениток

катастрофически не хватает, тем более что русские уже осознали их опасность для своих танков и стараются мгновенно уничтожить, а потому у нас очень большие потери среди них. Эти орудия делали для борьбы с самолетами, а потому они смонтированы на специальных лафетах для круговой стрельбы и вследствие этого очень высокие, так что представляют из себя отличную мишень.

Далее, уже в первый день войны мы нанесли массированные удары по местам дислокации русских войск и авиации, но когда вышли к этим местам, то обнаружили, что все наши удары ушли в пустоту, русских там просто не было. Но мало того, наша авиация при бомбардировке многих объектов попала в ловушки, хорошо замаскированные зенитные позиции. Кроме того, русские истребители, которые по всем нашим расчетам в данный момент должны были находиться на своих аэродромах, были в небе, а на земле стояли старые неисправные самолеты русских или их деревянные макеты.

Русские прекрасно знали о нашем нападении и своевременно подготовились к нему, мало того, они еще и обстреляли наши части, которые готовились к атаке. В первые же часы войны мы понесли неоправданно большие потери, причем без всякой пользы. Что касается гибели 4-й полевой армии фон Клюге, Функабвер заверил нас, что все русские мехкорпуса находятся на своих местах, а именно рассредоточены вдоль всей линии фронта для парирования угроз прорыва обороны. У русских не было много сил, почти все они были относительно равномерно распределены вдоль всей линии фронта, именно на это и был наш расчет.

Мы относительно легко прорвали русскую оборону и даже расширили прорыв на полтора десятка километров, именно тогда армия фон Клюге и рванула вперед, желая немедленно захватить Смоленск. Он с ходу захватил Оршу и двинулся дальше. Уже к вечеру следующего дня выйдя к Смоленску, он внезапно обнаруживает сильную русскую оборону с одним из мехкорпусов в полном составе.

Параллельно с этим два других русских мехкорпуса одновременным ударом ликвидируют коридор, пробитый нашими войсками, и армия фон Клюге оказывается в мешке. Один русский мехкорпус становится в оборону, а второй, уничтожая по пути наши части, двигается к Смоленску. Фон Клюге оказывается между двумя русскими мехкорпусами, вооруженными новейшими танками и

огромным количеством разнообразной легкой бронетехники, а кроме того, как выяснилось позже, помимо этих двух мехкорпусов, у русских было еще десять свежих и полнокровных пехотных дивизий, причем тоже имевших бронетехнику.

Все это оказалось гигантской ловушкой, которую наша доблестная разведка благополучно проспала. У фон Клюге за несколько дней интенсивных боев закончились почти все боеприпасы и продовольствие. Вдобавок еще этот ужасный русский холод. Мы попытались организовать авиамоет для поставок боеприпасов и продовольствия, но русские истребители сорвали его.

Немного успокоившийся Гитлер несколько минут обдумывал услышанное, он и так уже был проинформирован о новых танках русских, которые неимоверно сложно подбить, но вот о том, что первый удар его армии ушел в пустоту, не знал. Наконец он произнес:

– Фон Бок, у вас есть какие-нибудь мысли о борьбе с новыми русскими танками?

– Да, мой фюрер, есть, незадолго до этой ужасной катастрофы у меня был разговор с генералом Гудерианом, он приезжал в мой штаб как раз сразу после гибели 46-го корпуса. Он также жаловался на новые русские танки, заявив, что нам срочно необходимы новые тяжелые танки для борьбы с русскими.

– Новые танки будут не раньше конца следующего лета, работы по их созданию идут полным ходом.

– Этого будет мало, Гудериан предложил модернизировать наши уже существующие танки, поставить на них длинноствольные орудия для повышения бронепробиваемости и нарастить броню. Кроме того, то же сделать и с артиллерией, новые длинноствольные противотанковые орудия калибра 5, 7,5 и 8,8 сантиметра. Особенно 8,8 сантиметров для борьбы с тяжелыми танками русских. Пока у нас не будет действенных средств для борьбы с новыми русскими танками, ни о каком успешном продвижении вперед не может идти и речи.

– Хорошо, фон Бок, я распоряжусь о немедленном начале работ по новым противотанковым орудиям ^[53].

11 ноября 1941 года, Западный фронт

Вот и все, я снова на фронте, как и предполагал, ничего существенного за время моего отсутствия не произошло. Немцы все

еще приходят в себя после своего грандиозного провала, а потому можно сказать, что на фронте тишь, гладь и божья благодать. Конечно же, постреливают, но без фанатизма. Вот так прошло три недели, а потом произошел просто вопиющий случай, который вывел меня из себя.

– Товарищ майор! Товарищ майор!..

– Тимохин, ты что так раскричался?

– Там, там...

– Да что там? Говори нормально!

– Товарищ майор, там немцы в наступление пошли!

– И что? В первый раз, что ли? Подпустите их поближе и ударьте из всех стволов, всего и делов.

– Да не можем мы, товарищ майор!

– Что значит не можем?! У вас что, патроны со снарядами закончились? Или вы все свое оружие пролюбили?

– Там немцы перед собой мирное население гонят, бабы с детишками да старики, как по ним стрелять?

– Да твою ж в бога душу!

Командир батальона майор Дубовицкий опрометью бросился на свой НП, который, к счастью, находился недалеко. Уже через пять минут он, прикинув к стереотрубе, трофейной между прочим, ругаясь в голос, как пьяный сапожник, смотрел на то, как к позициям его батальона приближаются люди. Впереди шли гражданские, все, как и сказал посыльный, а за ними были густые цепи немецкой пехоты и коробки бронетранспортеров и десятка танков. В такой обстановке он просто не мог открыть огонь, ведь там были свои, причем не просто пленные, а женщины и дети. Так что же ему сейчас делать в такой обстановке?

– Георгий, давай по ним из своих минометов ударю.

Это был его приятель, командир минометной роты капитан Погодин.

– Гриша, ты в своем уме? Ты же гражданских при этом положишь!

– Не бойсь, Жора, минометы – это тебе не пушки, я аккурат позади наших ударю, а эта падаля их своими телами от осколков защитит. Другого выхода у нас просто нет.

– Хорошо, действуй, Гриша!

Капитан Погодин, схватив трубку телефона, вызвал свою роту.

– Твердохлебов, срочно, всей ротой беглый огонь...

Погодин продиктовал данные наведения, причем он решил начать огонь с самого края, чтобы полностью исключить любое случайное попадание в своих, и затем медленно приближать огонь своих минометов к гражданским. Через минуту ухнули минометы, и рой 82-миллиметровых мин устремился к противнику. Его рота имела 12 минометов БМ-37, у каждого скорострельность до 30 выстрелов в минуту. Спустя уже пару минут Погодин отдал приказ на прекращение огня, за это время его рота выпустила по противнику порядка полутысячи мин, и на поле стояли и горели бронетранспортеры и танки, а также лежали изломанными куклами тела немецких пехотинцев.

С бронетранспортерами было понятно, они не имели крыши, и если в них попадала мина, то в большинстве случаев прямо в открытый кузов, но и танкам было не намного легче. Броня верху небольшая, а танки все легкие, и при попадании в него мины, которая весила более трех килограммов, приходилось нелегко. Народ уже при первых звуках разрывов мин попадал на снег, и этим немедленно воспользовались артиллеристы противотанковой батареи, которые, в свою очередь, тоже немедленно открыли огонь по танкам противника. Ну и пулеметчики внесли свою долю во всеобщее веселье, а разъяренный майор Дубовицкий приказал всему батальону при поддержке трех десятков бронетранспортеров с пулеметами контратаковать противника.

Примкнув штыки к своим СКС, бойцы бросились в атаку. Из-за того что противник успел уже близко подойти к позициям батальона, бежать пришлось недалеко, всего полторы сотни метров, а потом осатаневшие бойцы принялись орудовать штыками, не щадя никого. Местами они использовали и лопатки, которыми можно было рубить, и которые наносили более страшные раны немцам. В ярости они не обращали внимания на пытавшихся сдаться в плен и убивали всех подряд, добывая подранков. Из всех немцев в живых остался один гауптман, для допроса, его с трудом отбил у своих бойцов сам Дубовицкий.

Увидев, что атака не удалась, немцы открыли артиллерийский и пулеметный огонь, но тут подключилась и наша артиллерия, информация об этой атаке уже успела уйти наверх, и кроме тяжелой

артиллерии, которая принялась давить немецкие орудия, по переднему краю противника нанес удар и дивизион «Смерчей», после чего весь немецкий передний край заволокло дымом и снежной взвесью.

Быстро подняв гражданских, Дубовицкий бегом погнал их к своим окопам, откуда тех уже в сопровождении охраны отправили в тыл. Там выяснят, откуда они, и потом отправят дальше. А немецкого гауптмана допросить не успели: пока возились с гражданскими, из штаба дивизии прибыл особист с охраной и забрал пленного. Впрочем, в штабе дивизии немец тоже не задержался, его сразу отправили в штаб фронта и уже там допросили по полной программе, после чего расстреляли.

Я не собирался прощать подобные выходки, противник должен знать, что за свои преступления он ответит, а в данном конкретном случае все причастные к подобному должны быть уничтожены. Немецкий батальон, пошедший в атаку под прикрытием мирных жителей, был уничтожен в полном составе. От пленного немецкого офицера, командира роты, мы узнали, по чьему приказу это было сделано. Командир полка полковник Хоффман приказал собрать всех оставшихся по тем или иным причинам мирных жителей и использовать их в виде живого щита.

Вызвав к себе начальника разведки, приказал ему в течение трех дней доставить к себе немецкого полковника Хоффмана. Ничего, я уже отучил немцев бомбить наши госпитали и медсанбаты и охотиться на гражданское население. По моему приказу сбитых немецких летчиков, кто обстреливал колонны беженцев, вешали с табличкой «Военный преступник». Немцы очень быстро узнали, за что вешали их пилотов, и совсем скоро обстрел беженцев прекратился, слишком много своих повешенных летчиков обнаруживали продвигавшиеся вперед немецкие части.

Точно так же было и с обстрелами и бомбежками наших санбатов и госпиталей. В ответ по моему приказу Конец^[54] велел своим орлам бомбить немецкие госпитали и санитарные эшелоны, причем вместе с обычными бомбами были и листовки, где подробно объяснялось, за что мы бомбим немецкие госпитали и санитарные эшелоны. Понадобился всего месяц, чтобы немцы перестали бомбить наши госпитали и медсанбаты, слишком большие потери среди своего

медсостава заставили их отказаться от обстрелов и бомбежек наших госпиталей.

Вот и сейчас я хотел на корню задавить все попытки немцев использовать наше мирное население в качестве живого щита.

В три дня разведка не уложилась, но и я их не прессовал, понимал, что от моего начальственного ора мало что изменится, разве что ненужные потери среди разведки. Еще по прошлой жизни были моменты, когда начальство вместо того, чтобы дать людям нормально работать, давило на них личным присутствием и постоянными требованиями, и в итоге результат был намного хуже. Вот и тут я не хотел действовать людям на нервы, главное, они получили задание и работают по нему, и я не прогадал.

Хоть и не через три дня, но через неделю ко мне доставили полковника Адольфа Хоффмана, разведчики выкрали его из собственного дома, ну как собственного, из того дома, в котором он на данный момент жил. Это оказался типичный прусак, высокий и сухощавый, с надменным лицом. Вначале на допросе он еще пытался строить из себя сверхчеловека, и хотя у меня было дикое желание самолично набить ему морду, я сдержался.

Вместо этого я устроил ему трибунал, на котором присутствовали наши корреспонденты, а кроме них оказался и один американский, от газеты «Нью-Йорк тайме», который прибыл ко мне на фронт накануне, чтобы осветить прошедшие события, все же для стран антигитлеровской коалиции первый серьезный разгром немецких войск стал сенсацией номер один. И вот тут такая сенсационная тема, а я тоже рад, не все же одному противнику нас грязью поливать. Сейчас такое нам только на руку, вот и допустил американского журналиста и к допросу, и к последующему трибуналу, да еще по моему приказу все это снимали кинодокументалисты.

В итоге полковника Хоффмана повесили, причем прямо перед немцами, напротив той самой позиции, где по его приказу использовали наше мирное население в качестве живого щита. Немцы попытались в ответ обстрелять нас, но наша собственная артиллерия немедленно открыла ответный огонь на подавление. Весь процесс повешенья сопровождало пояснение на немецком языке через громкоговорители, специально для немцев. Все это также снимали на кинокамеру, и уже буквально через пару дней появилось в наших

кинотеатрах, а через три недели стали показывать и в Америке. Немцы попытались это представить как очередное зверство большевиков, но солдатский телеграф среди немцев быстро разнес по всем частям, что русские в ответ за использование своего население в качестве живого щита выкрали и повесили полковника, который приказал это сделать.

Глава 12

Как мне ни хотелось, но новый, 1942 год я встречал в своем штабе, а не дома в Москве. Не хотел подавать дурной пример, да и разговоры за спиной мне тоже были не нужны. Обстановка на фронте стабилизировалась, немцы после, можно сказать, феерического разгрома их 4-й полевой армии на время затихли, да и условия для наступления были отвратительные. Совершенно не подготовленные к русским морозам, они отчаянно мерзли, ведь, по планам фюрера, рассчитывали зимовать на теплых квартирах в Москве и других наших крупных городах, а получилось зимовать в поле с практически полным отсутствием теплого обмундирования.

Глядя на все это, я был доволен: даже если прямо сейчас меня не станет, то в любом случае я сделал уже достаточно для изменения в лучшую для нас сторону этой войны. Ленинград не в блокаде, и его заводы круглосуточно выпускают военную продукцию, в том числе и тяжелые танки КВ. К Москве немцы и близко не подошли, мы отстояли Крым, да и общие потери армии и гражданского населения намного меньше. Все это приятно грело мне душу, и в штабе, несмотря на войну, весело отпраздновали Новый год.

В войсках тоже праздновали: по моему приказу выдали праздничный паек и, конечно, спиртное, но в разумных пределах. Бойцам тоже нужно хорошее настроение и отдых, кстати о последнем, все же обстановка была не настолько тяжелой, а потому резервы у меня были, и я постоянно менял на передовой войска, давая бойцам возможность отдохнуть, хоть немного пожить в относительно мирной обстановке, что крайне положительно сказывалось на их моральном духе.

Вот так незаметно прошла зима, войска понемногу пополнялись личным составом и новой техникой, также непрерывно шла учеба, в том числе и командиров. Регулярно проводились командно-штабные игры, на которых я старался развить у своих командиров стратегическое мышление, чтобы, получив приказ занять какой-нибудь населенный пункт или высоту, они не ломались, как бараны, в лоб, неся при этом совершенно не нужные и неоправданные потери, а

старались обойти противника с тыла или фланга, или еще как-то выполнить приказ с минимальными потерями. Также отрабатывались действия в обороне, устройство засад, ложные отступления и многое другое. Необходимо было учить командиров для того, чтобы они воевали с умом и минимальными потерями.

К весне подготовка войск прошла достаточно успешно, командиры и бойцы многому научились, ведь когда подразделения отводили с передовой на короткий отдых в тыл, то они там не баклуши били, а учились воевать.

Я уже надеялся, что в этом году мы отмобилизуем, обучим и вооружим достаточно солдат, чтобы в следующем году начать гнать противника прочь, но этим надеждам не суждено было сбыться. А я ведь на том совещании, после моего награждения в Кремле, предупреждал, но, видимо, сказалось или нетерпение самого Сталина, или что-то нашептали вождю советники, но весной, как только просохла земля, Ставка попыталась провести наступательную операцию, которая окончилась катастрофой.

В моем мире, вернее в моей истории, была Харьковская катастрофа, а здесь и сейчас случилась Николаевская. На начало весны фронт пролегал от Нарвы на Балтике, через Псков, Опочку, Витебск, Оршу, Могилев, Гомель, Чернигов и Киев, а дальше линия фронта шла по Днепру, пока внизу течения не пересекала Мелитополь. Таким образом, Крым оказался отрезан от Большой земли, там фронт проходил по Перекопу и Сивашу. После памятного разноса от Сталина крымское командование вовремя взялось за ум и предприняло необходимые меры по созданию обороны в правильных местах, тем самым удержав полуостров от захвата противником.

Как я узнал позже, программа минимум была в полном очищении от противника территории от Мелитополя и до Херсона, с последующим ударом на Николаев, а затем попытаться с новым ударом от Киева окружить в получившемся изгибе Днепра немецкие части. Для этой операции выделили созданные за зиму части, в том числе и новый, 9-й мехкорпус, вооруженный новейшей бронетехникой.

Все же история при малейшей возможности старается вернуться на свой путь. Это я к чему: генерал Власов в этот раз не внес свой вклад в оборону Москвы, но зато очень хорошо проявил себя в других боях и также был повышен в звании до генерал-лейтенанта. Не знаю,

почему именно его назначили командующим ударной армией, но он возглавил ее, и, надо отдать ему должное, командовал он умело, в течение трех недель немецкие войска были выбиты с восточного берега Днепра, и ударная армия Власова смогла захватить Херсон. Перегруппировав за два дня свои войска, а заодно пополнив их топливом и боеприпасами, Власов ударил на Николаев и достаточно легко отбросил немцев, после чего, оставив часть сил возле города, основная часть армии ударила в сторону Киева. Одновременно с этим из Киева на Николаев ударил Конев.

Подождав, пока ударная армия Власова не удалится достаточно далеко, немцы, проломив оставленный у Николаева заслон, снова двинулись к Херсону, одновременно с этим ударив и от Кривого Рога, тем самым перерубив коридор, по которому Власов получал снабжение. Двигавшийся навстречу Власову Конев увяз в немецкой обороне и не смог продвинуться далеко.

Таким образом, ударная армия попала в окружение, а у противника вдруг оказалось очень много войск, в том числе новой артиллерии. Вместо старых 37-миллиметровых противотанковых орудий, которые практически ничего не могли сделать не только КВ, но и Т-34, у немцев оказались новые противотанковые Рак 38. Новое орудие с калибром в 50 миллиметров и длиной ствола в 60 калибров подкалиберным снарядом на дистанции в полкилометра могло пробить броню наших танков. А ведь кроме них были и Рак 40, калибра 75 миллиметров и длиной ствола в 46 калибров, которые уже уверенно пробивали броню КВ подкалиберным снарядом с километровой дистанции. Кроме противотанковой артиллерии, была и бронетехника. На танк Т-3 установили танковую версию Рак 38, а на Т-4, соответственно, Рак 40 тем самым значительно повысив их огневую мощь, также Рак 40 поставили и на самоходку StuG III.

Кроме установки этих орудий на новые машины, ими также перевооружили и старые, благодаря этому немцы активно выбивали наши танки из засад. Подпустив на короткую дистанцию, они с гарантией жгли их, и в скором времени и Конев, и Власов остались без бронетехники. Если Коневу было куда отступать, то вот Власову – нет, и в итоге через две недели ожесточенных боев ударная армия Власова была уничтожена, его бойцов или убили, или взяли в плен.

Вот так в новом исполнении повторилась судьба Власова, видимо, на роду ему было написано попасть в немецкий плен. И так же он пошел на сотрудничество с противником. Похоже, что некоторые моменты истории неизменны, просто несколько меняются некоторые нюансы, но общая канва остается постоянной.

Поскольку основные силы наших войск попали в Николаевский котел, то немцы, без особых усилий форсировав Днепр в районе Херсона, двинулись дальше, заново захватывая эти земли. Одновременно с этим они форсировали Днепр у Канева и стали быстро расширять плацдарм. Не имея достаточно сил, так как все резервы были направлены в ударную армию Власова, наши части медленно пятились.

Ставка, осознав угрозу того, что в скором времени Киев может оказаться в мешке, скрепя сердце была вынуждена отдать приказ Кирпоносу на отход. Таким образом, к началу июня мы потеряли значительную часть страны, и новая линия фронта теперь шла от Чернигова на Сумы, Харьков, Краматорск, Донецк и Мариуполь. Хорошо еще, что линия фронта не дошла до Сталинграда, но его место занял Харьков. Мы едва успели эвакуировать Харьковский тракторный завод, который до этого исправно производил танки Т-34. Это болезненно ударило по планам производства танков, так как теперь придется ждать минимум полгода, пока эвакуированный завод не отстроит на Урале, и он снова начнет работать. Вместе с оборудованием эвакуировали и рабочих, так как на заводе кто-то должен работать, и лучше, если это будут не ничего не умеющие новички, а старые и опытные рабочие.

А в самом Харькове завязались ожесточенные уличные бои. С фанатичным упорством немцы старались захватить город, а мы – его отстоять. Харьков с пугающей быстротой превращался в руины, так как ни немцы, ни мы снарядов и бомб не жалели.

22 июня 1942 года, Кремль, Москва

Новости с фронта были неутешительными, начавшееся довольно успешно наступление на Херсон и Николаев в итоге обернулось настоящей катастрофой. Войска, выделенные для этой операции, были потеряны, пришлось отдать противнику не только Киев, который до этого достаточно успешно защищали, но и другие территории.

Сталин стоял у окна и смотрел на небо, в руке была погасшая трубка. Сейчас он вдруг вспомнил слова генерала Павлова, которые тот произнес примерно полгода тому назад в этом самом кабинете, куда его вызвали после награждения. Генерал еще тогда предостерег от любых попыток наступления, сказав, что мы пока не готовы наступать. Сталин тогда очень долго думал над этими словами, но желание поскорее вышвырнуть захватчиков со своей земли и советы его окружения все же подвигли его на эту операцию. И вот теперь приходится расхлебывать последствия этого решения, а кроме того, как только что стало известно, командовавший ударной армией генерал Власов, попавший в немецкий плен, пошел на сотрудничество с противником. Как так, кому верить? Почему одни стреляются, чтобы не попасть в плен, а другие мало того что сдаются, так еще и идут на сотрудничество с врагом?

Большая часть собранных за зиму резервов погибла, теперь уже точно ни о каких наступлениях где-либо не может быть и речи, тут бы нынешние позиции удержать. Хорошо еще, что Крым удалось отстоять, и опять в немалой степени благодаря Павлову, который своевременно поднял вопрос о его правильной обороне. Перебросить на Харьковское направление Павлова? А как тогда его участок фронта, там ведь тоже ответственный участок? Павлов сдерживает немцев, готовых ударить на Смоленск, с последующим разделением на Москву и Ленинград. Нет, трогать Павлова нельзя, а ведь есть Жуков, он тоже очень хорошо зарекомендовал себя.

Решено, он отправит на оборону Харькова Жукова, правда нужно отправить туда и войска, а вот с этим проблема. Снимать все с Дальнего Востока и Сибири нельзя, пока еще Япония опасается нападать на нас после Хасана и Халхин-Гола, но если снять оттуда слишком много войск, то может не выдержать и решится снова попытаться захватить наши земли. Нет, больше нескольких дивизий снимать нельзя, надо срочно формировать новые и вооружать их.

* * *

Настроение было премерзким. Мало того, что у меня забрали все резервы, но также вместе с ними и два мехкорпуса из трех, шестой

Псковский и первый Витебский. Пятый Лужский мехкорпус так и оставался под Ленинградом, на Карельском перешейке, где сдерживал финнов и немцев. От линии обороны до города было примерно 60 километров, вроде совсем близко, однако с учетом того, что немцев сдерживали под Нарвой и Псковом, по крайней мере в Ленинграде так и не появились таблички с надписью «Граждане, при артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Конечно, от авианалетов это не защищало город, но довольно сильная ПВО фронта и достаточное количество истребителей сводило авианалеты к минимуму. В основном немцы бомбили город ночью, так как темнота мешала и зенитчикам, и летчикам, но все равно защитники города достаточно эффективно отбивали вражеские налеты.

Скрыть переброску значительных сил на Украину под Харьков нам не удалось. Успокоившийся было противник снова стал пытаться прорвать нашу оборону в разных местах, и тут нам очень помогли реактивные установки залпового огня. Их выпуск продолжался, более того, его наращивали, да и сами ракеты к ним тоже улучшили. На старой ракете был слишком маленький взрывной заряд, меньше килограмма, да что там, меньше полкилограмма, всего каких-то 360 граммов. Новый реактивный снаряд значительно потяжелел, правда, удалось оставить его дальность в 6 километров, но теперь он имел рубашку из чугунной трубы с насечками, чтобы при подрыве давать много осколков, и полтора килограмма взрывчатки.

Новые ракеты имели большую поражающую и разрушающую силу, и дивизионы «Смерчей» достаточно легко срывали все попытки противника прорвать нашу оборону. Вдоль всей линии нашей обороны были проложены три нитки полевых дорог, расположенных в километре – двух друг от друга, и это позволяло очень быстро перебрасывать резервы – в данном случае дивизионы «Смерчей» – к опасным местам.

Каждый такой дивизион сопровождала рота мотострелков на бронетранспортерах и зенитный дивизион, так как немцы, осознав их эффективность и опасность, устроили на них настоящую охоту, и как мы ни старались их обезопасить, «Смерчи» несли потери. В основном от авиации, но бывало, что немецкие авиаразведчики наводили на них артиллерию, и тогда случались потери от артиллерийской стрельбы. Обычно при немецком наступлении хватало одного полного залпа

дивизиона «Смерчей», чтобы сорвать его, ибо когда поле, по которому идет наступление, в течение минуты полностью покрывается разрывами от достаточно мощных ракет, сопоставимых с трехдюймовыми снарядами, то от пехоты мало что остается, так как накрытие получается почти одновременным, и ракеты падают достаточно близко друг от друга.

Все попытки немцев прорвать нашу оборону окончились ничем, и не только благодаря помощи «Смерчей», – в этот раз мы почти не понесли потерь в тяжелой артиллерии, так как заранее оттянули ее от границы, и теперь она уверенно громила противника. Снарядов тоже хватало, конечно, уже не сколько хочешь, но и не по снаряду в день. Также оставался мой второй Могилевский мехкорпус, мой единственный резерв, правда, если так пойдет дальше, то скоро большинство техники встанет на прикол. Мотаться ребятам приходится много, а техника пока не очень надежна и моторесурс достаточно ограничен.

Вот так и приходилось выкручиваться, благо, что за это время мы успели достаточно хорошо зарыться в землю и, по возможности, укрепить свои позиции. Самое простое – это ночью, как только стемнеет, залить бронекaponир цементом и сразу его замаскировать, таким образом все капонеры успели обзавестись метровым слоем цемента, который значительно их усилил. Все это и позволило мне, даже лишившись резервов, достаточно успешно отражать попытки немцев прорвать мою оборону.

Под Харьковом Жуков, получив войска, смог остановить немцев, тут немалую роль сыграли мои два мехкорпуса. Хотя в своё время я слышал, что Жукова называли Мясником, что он не жалел свои войска и не пытался снизить потери, но поскольку я не терял связи со своими мехкорпусами, то знал, что Жуков использовал их с умом и не посылал на самоубийственные задания.

К этому времени сам Харьков превратился в груды развалин, но немцы с каким-то маниакальным упорством продолжали его штурмовать. На остальных участках фронта тоже установилось шаткое равновесие, хорошо хоть, что основная масса наших заводов продолжала работать, насыщая армию новой техникой. Много поступало противотанковых самоходок СУ-85, которые просто отлично проявили себя в борьбе с немецкими танками. Кошкин

сдержал свое слово, и когда у нас появилась 85-миллиметровая зенитка, он переделал Т-34 и СУ-76 под новое танковое орудие на основе этой зенитки, и все ранее выпущенные машины постепенно стали перевооружать на новое орудие, оставив лишь небольшую часть в учебных частях, так как для обучения курсантов они годились лучше. Не было проблем с 76-миллиметровыми снарядами, так что снятые с ранних машин орудия шли на склад и время от времени ставились вместо расстрелянных вдрызг на учебные машины.

Кстати, танкисты сразу оценили мощь новых орудий, они позволяли с более дальних дистанций подбивать немецкие четверки, которые к этому времени обзавелись 80-миллиметровой лобовой броней. Хотя немецкие танки существенно модернизировали, но наклонная 75-миллиметровая броня Т-34 и новая 85-миллиметровая пушка давали ему преимущество перед немецким Т-4. Но, несмотря на это, модернизированные немецкие танки оставались грозным противником. Даже учитывая то, что наша нынешняя Т-34 хоть и не добирала до Т-44, но явно превосходила Т-43, новые немецкие орудия представляли для них большую угрозу^[55].

Хотя по-прежнему наши Т-34 превосходили немецкие Т-4, но появление нового длинноствольного орудия сделало немецкие танки очень опасным противником. Если в прямом бою на дальней дистанции наши танки все еще имели преимущество перед противником, то вот уже на средних расстояниях это преимущество сводилось к нулю, особенно если немцы били с короткого расстояния из засады или просто подпускали Т-34 поближе и затем открывали огонь с замаскированных позиций.

Жуков учитывал все эти моменты, а потому не посылал свои танки в бездумные атаки, и хотя наши потери были достаточно серьезными, но и противник терял не меньше, а если учесть, что мы производили больше бронетехники, то итоговый результат был не в пользу немцев. Единственное, в чем противник на этом фронте имел преимущество, это в тяжелых орудиях, так как во время своего наступления сумел захватить много наших орудий, и теперь нам приходилось выправлять положение за счет легких пехотных СУ-76, бронетранспортеров с тяжелым 120-миллиметровым минометом и дивизионами «Смерчей». Но вот для нанесения удара в глубину

вражеских позиций и тем более для борьбы с немецкими гаубицами, приходилось выкручиваться.

Для этого Жуков по полной использовал разведку и диверсионные отряды. Разведчики наводили на немецкую артиллерию нашу авиацию, хорошо, что хоть тут с самого начала войны был какой-никакой, а паритет. Даже несмотря на то что в своем большинстве немецкие летчики были более подготовленными, наши потихоньку догоняли их в мастерстве. Большим плюсом было то, что новые поликарповские истребители, сделанные перед самой войной, не уступали немецким «мессершмита», и это позволяло на равных сражаться с ними в небе.

Другим способом достать немецкие орудия была новая тактика наших диверсантов. Если не было возможности незаметно заминировать сами орудия и снаряды к ним, то диверсанты использовали 82-миллиметровые минометы. Каждая группа имела в своем составе два миномета и двух опытных минометчиков, а поскольку минометы били на три километра, то группа находила подходящую для стрельбы площадку и подготавливала маршрут отхода, после чего открывала по немецким батареям огонь, при этом стараясь поразить склады со снарядами. Но даже выведя из строя расчеты немецких орудий, можно было сказать, что задание выполнено, ибо для стрельбы с закрытых позиций требовались опытные расчеты для эффективной стрельбы^[56].

Хотя при такой тактике орудия страдали меньше, но у немцев наметились проблемы с расчетами к ним, в результате им пришлось взять под свой плотный контроль пятикилометровую зону вокруг тяжелых орудий, для недопущения к ним наших диверсионных групп. Все это оторвало от войск довольно значительное количество солдат, так как на прикрытие одной батареи или дивизиона, если они располагались кучно, требовалась минимум рота пехоты. Эти меры в итоге принудили Жукова использовать в качестве авианаводчиков только одних разведчиков. Все же одному-двум разведчикам с рацией проще, чем группе, просочиться через немецкие посты, а тем более найти площадку под минометы.

Постепенно положение выравнивалось, хотя немцы часть наших потерянных тяжелых орудий, которые они захватили неповрежденными, использовали против нас, создав из них трофейные

батареи. Главное, что Жуков смог стабилизировать фронт, и хотя ни о каких наступлениях в этом году не могло идти и речи, но и немцев дальше не пустили. Вновь по всему фронту застыло шаткое равновесие, и обе стороны лихорадочно готовились к новым боям.

2 августа 1942 года, Западный фронт

В это день случилось, можно сказать, знаменательное событие, то самое, которое в реальной истории произошло в августе 1942 года. Там 23 августа первые четыре серийных немецких танка Т-VI «тигр» отправились на фронт. Свое первое боевое крещение они приняли под Ленинградом, у станции Мга, правда, прошло оно плохо, из четырех танков на позиции дошел только один, два «тигра» встали с поломками коробки передач, а у третьего от перегрузки загорелся двигатель. Все же весил танк очень немало, а начавшаяся осень обильно смочила землю дождями, в итоге дороги развезло, и «тигры» получили дополнительное препятствие в виде раскисших дорог. Но это все было в другой реальности, а тут, во-первых, «тигры» немного раньше прибыли на фронт, а во-вторых, прибыли в другое место.

Ранним утром 2 августа 1942 года в районе Пскова немецкое командование предприняло новую попытку прорвать наш фронт. В семь часов утра, после часовой артподготовки, немцы перешли в наступление. На участке длиной в один километр вперед пошли танки, батальон модернизированных Т-4 во главе отдельной роты «тигров» из семи машин, а следом за ними двигалась мотопехота при поддержке бронетранспортеров. Уже зная, как мы будем реагировать, в небо поднялись немецкие самолеты. Их главной задачей было не допустить подход наших реактивных минометов, и пускай самим танкам они мало что способны были сделать, но вот уничтожить поддерживающую их пехоту могли на раз.

Все, что сумело сделать наше командование, это стянуть к месту атаки дивизион противотанковых самоходок СУ-85. Два дивизиона «Смерчей» не смогли прибыть к месту атаки, один из них попал под массированную бомбежку и, несмотря на сопровождение его мобильными зенитками, понес большие потери, а на другой дивизион немецкие летчики навели артиллерию. Попад под плотный артобстрел, командир дивизиона вынужден был отдать приказ на срочный отход, в противном случае он рисковал потерять все установки, слишком

плотным был артиллерийский обстрел, а дорога не позволяла разъехаться, хорошо хоть, что машины были на гусеничном ходу и смогли развернуться на месте.

Вот так немецкое наступление пришлось отражать двум батареям сорокапятков, правда не старым, а новым, с удлиненным стволом и несколько лучшей бронепробиваемостью, и дивизиону СУ-85.

Первыми открыли огонь самоходчики, их мощные орудия позволяли им уже на дальней дистанции поражать вражеские танки. Командир дивизиона майор Погребец, увидев, что двигавшиеся первыми семь новых и необычных танков немцев его снаряды не берут, здраво рассудил, что незачем их тратить зря, и велел пока перенести огонь на хорошо знакомые четверки, благо их броню его снаряды с такой дистанции уверенно взламывали, а с новыми танками он решил разобраться чуть позже, когда они подойдут поближе. Сорокапятки же пока молчали, толку от них сейчас не будет никакого, а раскрывать свои места было незачем. Один за другим на поле стали вспыхивать немецкие танки, но это не могло остановить накатывавшую на наши позиции стальную волну.

Решив еще раз рискнуть, Погребец приказал своему наводчику попробовать снова поразить новый немецкий танк. Лязгнул затвор, приняв в ствол орудия бронебойный снаряд, грохнула пушка, а Погребец в свои приборы наблюдения увидел только, как на лобовой плите немецкого танка сверкнул искрами его попавший снаряд, который все еще не смог пробить вражескую броню.

— Лазарев, давай ему по гусеницам! Сможешь?

— Постараюсь, товарищ майор.

Наводчик немного задержался, выцеливая такую небольшую цель, но наконец снова рывкнуло орудие, а немецкий танк, получив попадание в передний каток, мгновенно потерял гусеницу и встал, развернувшись к машине майора боком. Еще раз рывкнуло орудие самоходки, и в этот раз снаряд уверенно пробил более тонкую бортовую броню немецкого танка. Снаряд попал в кормовую часть корпуса, и спустя несколько секунд из танка повалила тонкая струйка дыма, которая прямо на глазах густела и темнела, и не прошло и минуты, как танк уже вовсю горел. Почти сразу на нем откинулись люки, и из него наружу шустро полезли танкисты, а спустя минут пять, когда огонь

добрался до боеукладки, внутри танка мощно рвануло, и его башню, сорвав с погона, отбросило в сторону.

Несмотря на огонь, немцы приближались, и вскоре в бой пришлось вступить и сорокапяткам. Командиры батарей видели, что даже самоходкам с их намного более мощным оружием пока не по зубам лобовая броня новых немецких танков, а потому они даже не попытались их обстреливать, а принялись за более доступного для них противника. Когда немцы подошли на дистанцию в полкилометра до наших позиций, наконец и лобовая броня немецких «тигров» стала по зубам нашим самоходкам, правда и они к этому времени понесли достаточно большие потери, уже чуть больше половины дивизиона СУ-85 выбыла из строя [\[57\]](#).

Бойцы в окопах уже готовили бутылки с КС и противотанковые гранаты, но немецкие танки так и не подошли к ним вплотную. Они встали метрах в ста от окопов, а пехоту немцев прижали к земле пулеметами и заставили ее отступить. Сорокапятки в основном били по немецким бронетранспортерам, которые гарантированно поражали, предоставив разбираться с вражескими танками самоходчикам. Под конец по немцам смогла ударить и наша артиллерия, до этого ей пришлось вести контрбатарейную борьбу, ведь немцы, после того как прекратили обстреливать наши позиции, перенесли свой огонь на нашу тяжелую артиллерию, и она не смогла поддержать свою пехоту в обороне.

Когда немецкая атака выдохлась, назад отошло не более десятка танков, оставив на поле перед нашими позициями более сорока танков и не менее полусотни бронетранспортеров. Все семь «тигров» стояли, четыре из них при этом горели. Так как они возглавляли атаку, то ни один из них не уцелел. Правда, и от нашего дивизиона осталась только одна целая самоходка. Машина майора Погребца тоже оказалась подбитой, хорошо хоть самому майору повезло отделаться легкой контузией и сквозной раной в левой руке, к счастью, кость не была задета. После боя он связался с начальством и при докладе упомянул про новые немецкие танки, которые его самоходки смогли подбить только со средней дистанции.

После этого остатки его дивизиона отправили в тыл на переформирование, так как кроме машин он потерял половину личного состава, а оставшуюся самоходку передали соседнему

дивизиону на пополнение потерь. К слову сказать, еще три подбитых самоходки были вскоре отремонтированы и тоже дополнили собой соседний дивизион, позволив тем самым довести его до штата.

Информация про новые немецкие танки пошла наверх, и уже вечером этого дня мне стало про это известно, а из своего «послезнания» зная про «тигры», сразу понял, что за новые немецкие танки появились на фронте. Этой же ночью по моему приказу смогли утянуть три не сгоревших «тигра» в наш тыл. Для этого наши бойцы использовали три БРЭМА на базе КВ, которых за время моего пребывания на посту начальника ГАБТУ изготовили достаточное количество. Итак, новый «тигр» уже начал поступать в войска, теперь надо убедить вождя и командование в необходимости нового тяжелого танка с более толстой лобовой броней и более мощным, 122-миллиметровым орудием, а имея на руках «тигр», сделать это будет намного проще. Не знаю, где теперь случится новая Курская битва (в том, что она будет, я не сомневался), но теперь в любом случае наши потери в ней будут намного меньше.

Глава 13

Все три «тигра» отбуксировали в Псков той же ночью, качественно замаскировав, при этом их охранял целый батальон охраны тыла, который я выделил на это, несмотря на практически полное отсутствие у меня резервов. Уже на следующий день я сам, прибыв в Псков, тщательно изучал трофейные танки. Конечно, они впечатляли. По своим размерам «тигр» был сопоставим с КВ, лишь немного его короче, зато пошире, но все равно смотрелся он очень грозно.

Так уж случилось, что в прошлой жизни я немецкие танки вживую не видел, не любитель был ездить по танковым музеям и изучать немецкую технику прошедшей войны. Зато сейчас у меня было отнюдь не праздное любопытство, тут мне не в музеях на немецкие танки любоваться, а воевать с ними. В принципе, хоть я и не танкист, но общее представление о «тигре», его слабых и сильных сторонах, имел.

Сейчас же мне, кроме того, чтобы своими глазами на него посмотреть, нужно было основание для советов командованию. Как-никак, а именно я был разработчиком новой доктрины нашей бронетехники, и тут хотел заставить наше руководство уже сейчас начать разработку новой техники и вооружения, способных на равных бороться с немецкими «тиграми» и «пантерами». Через день под усиленной охраной, в 12 часов ночи все три «тигра» отправили по железной дороге в Москву, в Кубинку. Если учесть, что в этой реальности немцы и близко не подошли к Москве, то и Кубинский полигон никто не эвакуировал, и он продолжал работать в прежнем режиме.

После этого потянулись обычные дни. Немцы, получив качественный отлуп, на время затихарились, а спустя десять дней я получил вызов в Москву. Честно говоря, я ожидал нечто подобное, так что врасплох меня этот вызов не застал. Для безопасности летел в столицу ночью и был в Москве рано утром.

Поскольку в Кремль мне было к пяти часам дня, то прямо с аэродрома рванул домой, к семье. Каждое такое неожиданное посещение

было большим и радостным сюрпризом как для меня, так и для моей семьи. Хорошо, что я выспался в самолете, да и по дороге на аэродром и с аэродрома тоже покемарил в машине, так что чувствовал я себя достаточно бодро. Просто не хотелось терять время на сон, его у меня было мало. Я пробыл дома до двух часов дня, а потом пришлось собираться на встречу в Кремль.

Снова уже ставший знакомым кабинет Сталина, а в нем, можно сказать, целый комитет по встрече, причем довольно специфический. Кроме самого Сталина там оказались генерал-майор Рыбалко, начальник кафедры тактики Высшей специальной школы Генерального штаба Красной армии, и полковники Катуков и Ротмистров, которые очень хорошо показали себя в прошедших боях, короче танкисты, так что, скорее всего, как я и подозревал, разговор пойдет о танках и в первую очередь – о новых немецких танках.

– Добрый день, товарищ Павлов, проходите, садитесь.

– Здравствуйте, товарищи.

Поздоровавшись в ответ, я прошел к столу и сел на указанное мне Сталиным место.

– Товарищ Павлов, вы ведь, насколько я знаю, успели осмотреть новые немецкие танки, прежде чем их отправили в Кубинку?

– Да, товарищ Сталин, осмотрел.

– И каково ваше мнение?

– Грозная машина, слов нет, но, по моему личному мнению, массовый выпуск таких танков станет большой ошибкой Гитлера.

– Вот как?! Почему вы так думаете? Вы же сами сказали, что танк грозный.

– Товарищ Сталин, как сказал Наполеон, «для ведения войны нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги». Я не отрицаю, танк мощный и грозный, толстая броня, достаточно мощная противотанковая пушка, но он имеет больше недостатков, чем достоинств.

– Это какие недостатки?

– Во-первых, его масса, он слишком тяжел, отсюда следует, что сфера его применения ограничена. Мало того что он сможет двигаться не по всем грунтам, так как на слабых или насыщенных влагой рискует сесть на брюхо, так его еще и не каждый мост выдержит,

значит, надо тщательно планировать маршруты движения, чтобы не застрять или не упереться в тупик.

Во-вторых, его излишняя сложность, мои механики успели его осмотреть и выдали вердикт – боже помоги тем, кто будет ремонтировать это чудо сумрачного германского гения. Он слишком сложен, а значит, не технологичен. При большинстве поломок требуется заводской ремонт, да и простые поломки будет не очень легко исправлять. Это значит также, что и с его производством будут проблемы, а именно – слишком большое количество человеко-часов. То есть его производство будет требовать гораздо большего времени, соответственно, и произведут их меньше.

И наконец, в-третьих, он будет слишком дорог. На мой взгляд, лучше сосредоточиться на выпуске уже хорошо себя зарекомендовавшей «четверки». Тем более, что после своей последней модернизации она не особо уступит «тигру», зато значительно более технологична и дешева. Она сейчас в принципе не уступает нашим «тридцатьчетверкам» и стала опасным противником.

– Значит, вы считаете, что для нас будет лучше, если немцы вместо своих «четверок» станут производить «тигры»?

– Да, товарищ Сталин, считаю, в этом случае они построят значительно меньше танков, минимум в два раза, а то и больше. Но также и нам следует строить новые танки. Я тут обдумывал новые направления и считаю, что Т-34 следует модернизировать, вернее на его основе сделать новый танк с лобовой броней в 90 миллиметров и 100-миллиметровым орудием при практически той же массе, тогда он на равных сможет бороться с новыми немецкими танками. Также следует заменить КВ на новый тяжелый танк с лобовой броней в 120 миллиметров и орудием калибра 122 миллиметра. Желательно, чтобы уже весной следующего года эти танки стали поступать в войска.

Хотя первое испытание новых танков для немцев оказалось провальным, думаю, что в следующем году, когда они произведут достаточное их количество, то попробуют навязать нам танковую битву, в которой, сделав ставку на новые танки, постараются переломить ход войны в свою сторону.

В любом случае у нас будет больше танков, своевременная замена на танках и противотанковых самоходках старых 76-миллиметровых орудий на новые 85-миллиметровые позволяет нам бороться даже с

«тиграми» уже на средней дистанции, но все равно противник будет иметь перед нами преимущество. Он сможет безнаказанно расстреливать нас с дальней дистанции, а нам будет необходимо под его огнем приблизиться на приемлемое расстояние, прежде чем мы сможем эффективно отвечать немцам. Поэтому лучше озаботиться этим заранее, иначе мы будем нести большие потери. Думаю, что никому не нужна Пиррова победа, а потому нам просто необходимо заранее подготовиться к появлению на фронте новых немецких танков.

– Спасибо, товарищ Павлов, мы обдумаем ваши слова, можете быть свободны.

Я вышел, думаю, мои слова заставят на год раньше принять необходимые меры, и вполне возможно, что и Т-44, и ИС-3 появятся уже весной следующего года. Их появление на фронте даст нам явное преимущество в танках. По своей сути Т-44 – это почти Т-54/55, только со старой башней и старым орудием. А ИС-3... Если после появления на поле боя ИС-2 Гитлер издал приказ, запрещающий немецким танкам прямые бои с ним, только из засад, то наше преимущество будет очевидным^[58].

После того как генерал Павлов вышел из его кабинета, Сталин спросил присутствующих:

– Вы все слышали, товарищи. Какое ваше мнение о новом немецком танке и словах генерала Павлова?

Первым взял слово генерал-майор Рыбалко, как старший по званию.

– Товарищ Сталин, я считаю, что генерал Павлов прав, я сам осмотрел немецкие танки в Кубинке и полностью согласен с мнением Павлова. Толстая броня и мощное орудие позволят противнику с дальней дистанции расстреливать наши танки, даже броня КВ может не выдержать. Благодаря своей 107-миллиметровой пушке КВ, в принципе, может поразить на такой дистанции «тигр», но гарантированное пробитие у него тоже где-то с расстояния в километр. Если вдобавок принять во внимание еще и скорострельность, то «тигр» имеет преимущество перед КВ. Если прямо сейчас не принять мер по срочной разработке новых тяжелых танков и противотанковых самоходок для борьбы с «тиграми», то чувствую, в следующем году мы умоемся кровью. Думаю, нужно поговорить на эту тему с генералом Павловым, ведь нынешние танки созданы при его

непосредственном участии, именно он выдавал задания конструкторам и, насколько я знаю, приняли участия в боях, так как первые 207 танков ИС-3 были отправлены в войска только в июне 1945 года, хотя оба танка все равно сыграли достаточно значимую роль в истории наших танковых войск. Т-44 послужил прообразом для всех наших последующих танков, а ИС-3 произвел неизгладимое впечатление на наших союзников по антигитлеровской коалиции, когда 52 танка 7 сентября 1945 года приняли участие в Берлинском параде союзных войск в честь победы во Второй мировой войне. И кстати, и ИС-2, и ИС-3 стояли на вооружении нашей армии до 1993 года. Пускай в резерве, но все же. даже делал наброски того, что хотел от них получить. Он уже обдумал эту проблему и представляет, что именно нам нужно, ведь он сказал, какие примерно танки нам нужны, а потому стоит назначить его ответственным за создание новых.

— А как же генерал-лейтенант Федоренко, товарищ Рыбалко? Ведь это именно он сейчас начальник ГАБТУ, да и генерал Павлов не баклуши бьет, он командующий Западным фронтом.

— Федоренко будет курировать общие вопросы, а работать непосредственно с конструкторами, и это ему вовсе не мешает руководить фронтом. Он ведь не будет все время сидеть в КБ, просто даст задания конструкторам и станет периодически проверять их работу.

— Можно попробовать. А вы что скажете, товарищи?

Следующим отвечать стал Катуков.

— Товарищ Сталин, я тоже согласен с генералом Павловым, кроме того, не сомневаюсь в его компетенции. Только потому, что в моих частях находится новая техника с орудиями калибра 85 миллиметров, я смог так результативно воевать. Если бы у меня были старые танки, то результат был бы намного хуже. На начало войны, когда на моих Т-34 еще стояли старые 76-миллиметровые орудия, этого вполне хватало, но позже, когда пошли модифицированные «четверки» с более толстой броней, этого калибра явно стало маловато. Хорошо хоть, что к этому времени практически все танки перевооружили на новые орудия, которые восстановили наше преимущество.

Просто страшно подумать, что было бы, если бы у меня были старые Т-26 и БТ. Хотя я стараюсь по мере возможностей в основном вести бои с немецкими танками из засад, но и открытых боев хватает,

особенно когда наступаем мы, а не немцы. Именно в таких случаях, если мои танки будут атаковать «тигры», то потери будут устрашающими. Тут даже один или два танка, стоящие в правильном месте, смогут не только остановить, а порой и уничтожить не то что роту, но и целый танковый батальон. Подобрать место, где можно легко запереть противника, подбить передние и замыкающие танки и потом отстреливать остальные, как в тире.

Катуков замолчал, и тогда Сталин спросил оставшегося Ротмистрова.

– А что вы скажете, товарищ Ротмистров?

– А что тут говорить, товарищ Сталин, я полностью согласен и с генералом Павловым, и генералом Рыбалко, и полковником Катуковым. Они все сказали верно: раз у противника появились такие танки, то нам необходимо немедленно на это реагировать, в противном случае немцы смогут получить значительное преимущество перед нами. Конечно, с новыми танками успешно могут бороться «Костоломы», но их не так много, и, по сути, у них совершенно другие задачи. К тому же они чересчур уязвимы в ближнем бою, отсутствие у них башни делает их малопригодными к быстрому и маневренному бою, особенно если им повредить ходовую. Это исключительно техника поддержки.

– Понятно, вижу, что у вас единое мнение по этому вопросу. А что насчет большого танкового сражения в следующем году?

Слово снова взял генерал Рыбалко.

– Думаю, что генерал Павлов и тут прав. Если бы не Николаевская катастрофа, то мы твердо удерживали бы свои позиции, и Киев также был нашим.

Тут Сталин невольно поморщился, все же в этом была в немалой степени и его вина, и ему было неприятно это слышать, но при этом он прекрасно понимал, что генерал Рыбалко не ставит ему это в вину

– Теперь, когда мы выправили обстановку и генерал Жуков твердо держит фронт, война снова стала позиционной, и для нас тут более выигрышная ситуация, так как мы наращиваем армию, обучаем и поставляем ей новейшее вооружение. Следует особо отметить, что мы не только не уступаем противнику в вооружении, но по многим параметрам значительно превосходим^[59].

– У нас просто больше ресурсов, причем во всем, от численности населения, до сырья, из которого производится оружие и снаряжение, поэтому тут ясно, что как только мы накопим достаточно сил, так начнем выдавливать противника. Немцы это тоже прекрасно понимают, а потому им крайне необходимо двигаться вперед, а для этого следует разгромить наши войска. Лучше всего для этого подходит открытая местность, где простор для маневра и можно использовать большое количество танков. Все это значительно сужает место предстоящего сражения. Скорее всего, это будет в начале, в крайнем случае в середине следующего лета и на участке генерала Жукова.

– А может, все же на Западном фронте у Павлова?

– Нет, товарищ Сталин, Павлов намертво вгрызся в землю и за это время организовал эшелонированную оборону, да и до этого он очень хорошо потрепал немцев, они не рискнут соваться к нему, опасаясь снова попасть в ловушку.

– Спасибо, товарищи, вы свободны.

После того, как танкисты ушли, Сталин в задумчивости стал прохаживаться по своему кабинету. И ведь ситуация практически такая же, как полгода назад, когда он вот так же обдумывал слова Павлова. Он все же решил их проигнорировать и поплатился за это, хотя тогда Павлов не касался конкретики, но в общем он оказался прав, и тут его слова поддержали другие генералы. Пускай Катукон и Ротмистров пока еще полковники, но он уже подписал постановление о присвоении им званий генерал-майоров, заслужили, так что можно сказать, что они уже генералы. Вот генерал Рыбалко, например, преподает в Генеральном штабе, так что его словам можно доверять, и он, похоже, полностью поддерживает слова генерала Павлова.

Что ж, тогда так тому и быть, он соберет прямо завтра совещание, на котором поднимет вопрос о начале немедленных работ по созданию новой бронетехники под непосредственным началом генерала Павлова, а товарищ Федоренко будет следить за этим.

Приняв решение, Сталин снял трубку и отдал распоряжение Поскребышеву созвать завтра на экстренное совещание необходимых людей. В этот раз он не будет игнорировать предупреждение Павлова.

17 августа 1942 года, Рейхсканцелярия, Берлин

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Федор фон Бок снова был на ковре у своего любимого фюрера для получения очередной порции звездюлей. Очередным поводом для выволочки послужил провал испытаний новейших тяжелых танков «тигр». Отправленные для боевых испытаний на Восточный фронт, они в первом же бою были мало того, что подбиты, так три из них русские даже умудрились еще и утащить к себе, ночью подогнав тягачи и эвакуировав подбитые, но не сгоревшие танки. Где они сейчас, неизвестно, но совершенно точно, что русские изучат их до последнего винтика. И, пожалуй, сообщать об этом дорогому фюреру не стоит.

– Мой фюрер, к большому сожалению, экспериментальная рота попала в засаду, все наши новые танки уничтожены, но все равно они успели показать свою эффективность в бою. Пока «тигры» не подошли на близкую дистанцию к противнику, они были полностью неуязвимы для него. Это доказывает их превосходство перед ним.

– С кем они сражались?

– Кроме русской пехоты им противостояли несколько батарей орудий, а также не меньше батальона танков.

– И каков результат?

– Хотя нам так и не удалось прорвать русские позиции, но практически вся русская артиллерия и танки были уничтожены.

Хотя технически фон Бок и не соврал, но при этом он как-то опустил очень важные моменты этого боя. Он не уточнил, что роту «тигров» поддерживал танковый батальон, а русские орудия были обычными противотанковыми пушками малого калибра, эффективными только против старых танков и на малой дистанции, а вместо батальона русских танков был вдвое меньший по численности дивизион противотанковых самоходок. Все это кардинально меняло схему прошедшего боя, и получалось, что силы сторон были примерно равны, а исходя из сказанного, выходило, что «тигры» встретили сильно превосходящие их по численности силы противника. И, разумеется, фон Бок умолчал, что после боя русские уволокли к себе три несгоревших и не взорвавшихся «тигра». Скажи он это, и реакцию фюрера не смог бы предсказать никто.

– Значит, новые танки хорошо проявили себя в первом же бою?

– Да, мой фюрер.

– Отлично, значит, следующим летом мы дадим большевикам решающий бой, где продемонстрируем им и всему остальному миру подавляющее превосходство немецкой нации! После того, как мы разгромим их силы в этом бою, наши победоносные войска двинутся вперед, с легкостью сокрушая все попытки этих недочеловеков их остановить. Просто удивительно, как при всей своей отсталости и тупости, большевики смогли сделать новые танки, которые приблизились по характеристикам к нашим старым. Кстати, фон Бок, как себя показали новые Т-4?

– Отлично, мой фюрер, теперь они не уступают русским Т-34 и, кроме того, практически на равных могут сражаться и с их тяжелыми КВ.

– Что еще вам нужно для успеха в предстоящем сражении?

– Мой фюрер, у русских есть штурмовые самоходки, толстая лобовая броня и мощное орудие позволяют им прямой наводкой подавлять вражеские доты, именно так они проломил в Финской кампании линию Маннергейма. Нам тоже крайне необходимы подобные машины. Хотя сейчас нам и противостоят бетонные укрепления русских, но и их полевые укрепления очень хороши. Их новая тактика в быстрой постройке полевых укреплений с помощью бронекапониоров весьма эффективна. По крайней мере, полевая артиллерия против них бессильна, а русские за это время еще смогли их усилить за счет бетона, который они по ночам выливали на броневые стены этих укреплений. Таким образом, за это время они превратились практически в бетонные огневые точки, и теперь даже тяжелой артиллерии надо с ними основательно возиться. Ситуацию усугубляет еще то, что при каждой попытке нашей артиллерии их взломать русские открывают контрартиллерийский огонь, тем самым вынуждая нас прекращать обстрел.

– Я понял фон Бок, ваш гениальный фюрер это тоже учел, вы получите новые тяжелые самоходки с лобовой броней в 20 сантиметров, она будет не по зубам любому противотанковому орудью или танку большевиков. Хотя ее орудие будет калибра 8,8 сантиметра, но и этого будет достаточно для огня прямой наводкой по амбразурам вражеских укреплений^[60].

Довольный тем, что ему удалось избежать выволочки от Гитлера, фон Бок покинул Рейхсканцелярию и отправился к себе на Восточный

фронт. Главное, что удалось скрыть от фюрера факт попадания новейших танков к противнику, но честно говоря, «тигры» действительно показали себя достаточно неплохо. Хотя сам фон Бок этот бой не видел, но судя по докладу заслуживающих доверия офицеров, пока «тигры» не приблизились к позициям русских на близкое расстояние, противник не мог их остановить, все его попадания в них были бесполезными. Русские даже на время прекратили обстрел «тигров», поняв всю его бесперспективность, и сосредоточились на новых Т-4.

Тут тоже не все гладко, модернизация «четверок» лишь позволила приблизить их к русским Т-34, да и то, как оказалось, русские сейчас массово меняют на них орудия на новые 8,5-сантиметровые, что опять дает им преимущество перед «четверкой». По крайней мере, на дальней дистанции русские Т-34 выигрывают бои с новыми Т-4 в большинстве случаев.

Теперь остается только молиться, чтобы русские не создали новые танки, все же они неприятно удивили вермахт, когда после начала войны оказалось, что им противостоят не старые легкие Т-26 и БТ, а новые средние Т-34, которые на голову превосходили все танки вермахта. Решающая битва следующим летом решит, кто победит в этой войне, и главное, чтобы до этого времени у русских не появились новые танки.

15 августа 1942 года, ГАБТУ, Москва

Начальник ГАБТУ генерал Федоренко стоял в своем кабинете и держал у уха трубку телефона.

– Да, товарищ Сталин, я все понял, немедленно приступаю. Да. До свидания, товарищ Сталин.

Наконец он положил трубку телефона на аппарат и облегченно вздохнул. То, что под Псковом немцы применили новые танки, он уже знал, как и то, что наши смогли в ту же ночь утащить их к себе и затем переправить в Кубинку, где танки принялись изучать, в том числе и его специалисты. И вот, можно сказать, закономерный результат: Сталин потребовал немедленно создать усовершенствованные танки, которые смогут эффективно бороться с новыми немецкими танками. Задача очень ответственная, тут можно и голову сложить. Правда, была и хорошая новость, он будет отвечать только за общий ход дела, а

главная ответственность за разработку концепции нового танка ложится на бывшего начальника ГАБТУ генерала Павлова, ныне командовавшего Западным фронтом. Минут пять обдумывая сложившуюся ситуацию, Федоренко распорядился немедленно соединить его с генералом Павловым. Пришлось немного подождать, пока через ряд коммутаторов не дозвонились в штаб Западного фронта, и затем еще немного, пока не соединили с самим Павловым.

– День добрый, Дмитрий Григорьевич, это вас Федоренко беспокоит. Тут такое дело, мне только что звонил лично товарищ Сталин с заданием срочно, до следующей весны разработать новый танк, который на равных сможет бороться с новым тяжелым немецким танком, а также товарищ Сталин сказал, что именно вы должны разработать его концепцию и дать задание конструкторам.

– Здравствуйте, Яков Николаевич, тут дело в том, что я лично вряд ли смогу ездить по КБ, сами понимаете, но вот если конструкторы приедут ко мне, то другое дело.

– Ясно, я распоряжусь, только, Дмитрий Григорьевич, время! Вы сможете своевременно разработать концепцию нового танка? Уже весной он должен начать поступать в войска!

– Не волнуйтесь, Яков Николаевич, я прекрасно все понимаю, тем более что это я сказал товарищу Сталину о необходимости до следующей весны начать производство новых танков. Кроме того, я уже обдумал, что именно нам нужно, теперь осталось только воплотить это в металле.

– Вот как? Не знал, но я рад, что вы уже знаете, что нам нужно, честно говоря, я немного растерян, вроде после замены по вашей инициативе на новых танках 76-миллиметровых орудий на новые 85-мил – лиметровые, наши Т-34 и так очень грозные машины.

– Это так, Яков Николаевич, но мир не стоит на месте, и если мы не хотим отстать, то необходимо своевременно двигаться вперед. В любом случае опыт проектирования Т-34 и КВ нам пригодится, кое-что можно будет заимствовать от них, причем постараемся сделать это по максимуму, для того чтобы как можно меньше перестраивать производство.

– Рад это слышать. Тогда я немедленно прикажу руководителям танковых КБ срочно приехать к вам на фронт, в ваш штаб.

– Буду ждать.

Федоренко после этого разговора почувствовал, что с его плеч свалилась гора. С чисто техническим заданием он справится, а раз Павлов сам будет давать задание конструкторам, то и основная ответственность за разработку нового танка ляжет на него. Впрочем, глядя на то, что все новые танки, разработанные непосредственно перед войной, были сделаны под его контролем и по его задумкам, вероятно, что и сейчас Павлов знает, что надо делать. Скоро, совсем скоро станет понятно, что задумал Павлов, как только к нему съедят конструкторы. Все же интересно, что придумал Павлов, как можно улучшить и так прекрасный танк.

Глава 14

Первым ко мне в Смоленск приехал Духов, но это было и неудивительно, все же Ленинград намного ближе к Смоленску, где разместился мой штаб, чем Сталинград, в котором обосновался после эвакуации из Харькова Кошкин. Сам харьковский танковый отправился на Урал, а Кошкин со своим КБ переехал в Сталинград, так как его завод будет отстраиваться не меньше полугода. Ко мне в штаб Духов прибыл после обеда, во второй половине дня.

– Добрый день, товарищ Павлов.

Духов вроде как и считался военным, но у меня сложилось с ним неформальное общение еще с того времени, когда он под моим руководством на Кировском заводе разрабатывал свой КВ. Еще тогда я отошел от официальщины и не пожалел об этом ни разу. Все же неформальные, дружественные отношения, на мой взгляд, в таких случаях наиболее результативны, чем сухое общение формата начальник – подчиненный.

– Здравствуйте, Николай Леонидович, давайте, возвращайтесь к нашему старому общению.

– С удовольствием, Дмитрий Григорьевич, мне тут пришлось предписание из ГАБТУ бросать все дела и срочно ехать к вам. Что, собственно говоря, случилось, почему такая спешка?

– Помните, когда мы с вами обсуждали концепцию тяжелого танка, я говорил вам, что никто не будет стоять на месте, и ваш танк недолго будет самым мощным в мире?

– Было такое, у противника появились новые танки?

– Да, не знаю, доводили до вас или нет, но немцы начали производство новых тяжелых танков. Не далее чем три недели назад под Псковом немецкий танковый батальон при поддержке семи новых тяжелых танков «Тигр» попытался прорвать нашу оборону.

– И как?

– Позиции мы удержали, из немецких танков назад смогли уползти порядка полутора десятков машин из почти четырех десятков, которые атаковали наши части, и это не считая батальона мотопехоты с бронетранспортерами в придачу. Правда, и нам эта победа далась

нелегко. Из участвовавших в том бою дивизиона противотанковых орудий и дивизиона противотанковых самоходок уцелели только три орудия и одна самоходка.

– Однако...

– Вот именно.

– Из этих новых танков много удалось подбить?

– Все семь, они шли первыми, только удалось это сделать, когда они приблизились примерно на полкилометра к нашим позициям, до этого снаряды их не брали.

– Это какая же у них лобовая броня?

– Сто миллиметров. Из этих семи танков четыре сожгли, а оставшиеся три повредили, ночью мы смогли утащить их к себе. Пригнали сразу три танковых тягача и едва успели опередить немцев, те тоже попытались их забрать, но немного опоздали. Я потом специально съездил в Псков, буквально на следующий день. Как мне доложили о них, так сразу и поехал. По размеру немецкий «тигр» примерно с наш КВ, но, должен признаться, впечатление он производит.

– Это получается, что и КВ с его 107-миллиметровой пушкой пробьет его лобовую броню примерно с километра.

– Да, а у немца стоит 88-миллиметровая пушка, он КВ подобьет раньше. Теперь понятно, почему вас так спешно послали ко мне?

– Нужен новый танк, который сможет бороться с немцем?

– Да, хотя бороться сможет и КВ, просто на дальней дистанции он будет нести большие потери, и пока не сблизится хотя бы на среднюю дистанцию, толку будет мало, вот поэтому нам и необходим новый танк, причем срочно.

– Я так понимаю, что у вас уже что-то есть по нему?

– Да, вот смотрите, Николай Леонидович, это мои наброски по новому танку. Лобовая броня – 110 миллиметров, бортовая – 90, лоб башни – 220 и орудие калибра 122 миллиметра на основе А-19, то же самое, что мы уже ставим на штурмовые самоходки СУ-122.

Когда мне доложили о прибытии Духова, я заранее достал из сейфа свои наброски по ИС-3, и сейчас просто дал их ему посмотреть.

– Я смотрю, нос у танка необычный.

– Да, думаю, это даст лишний шанс на рикошет при попадании в лоб вражеского снаряда.

– Сколько у меня времени?

– К январю вы должны предоставить опытный экземпляр, а с начала марта танки должны начать поступать в войска.

– Мало времени, Дмитрий Григорьевич.

– А вы, Николай Леонидович, позвоните Гитлеру, попросите его притормозить выпуск новых «тигров», а то вы не успеваете сделать для него достойного соперника.

– Все бы вам, Дмитрий Григорьевич, шутить.

– Не я такой, жизнь такая, и чем позже эти танки у нас появятся, тем большую цену в человеческих жизнях мы за это заплатим.

– Да понимаю я это! Сделаю все, что смогу! Только боюсь, что немцы к этому времени построят слишком много новых танков.

– Не построят, мои механики его осмотрели, слишком сложен, а значит, много построить не успеют, но и того, что успеют, при правильном использовании из засад и с дальней дистанции хватит для нанесения нам значительного урона.

– Сделаю, отдыхать не буду, но к январю сделаю!

– Вы там по возможности постарайтесь использовать часть узлов и агрегатов от КВ, так сможете ускорить разработку, да и заводчанам будет проще – уже освоенное производить легче.

– Хорошо, постараемся.

– Тогда я вас больше не задерживаю, чем быстрее начнем, тем быстрее закончим. Если будут вопросы – обращайтесь, всего доброго.

– До свидания.

Духов, попрощавшись со мной, ушел, он унес мои наброски ИС-3, которые я нарисовал по памяти, надеюсь, он сможет в кратчайшие сроки его сделать. Я был более чем уверен, что новые ИСы спокойно смогут бить немецких «кошек» с дальней дистанции.

Духов уехал, а спустя три дня приехал из Сталинграда Кошкин. С ним у меня почти один в один повторился разговор с Духовым. Для Кошкина я извлек другие чертежи, где были наброски Т-44.

– Вот смотрите, Михаил Ильич, мне, вернее нам, нашей армии, требуется вот такой новый танк: лобовая броня – 90 миллиметров, бортовая – 75, лоб башни – 120 и орудие калибра 100 миллиметров. Сама башня должна быть сплюснутой, каплевидной формы. Если у вас не получится быстро разработать новое орудие, то сделайте его на

основе 85-миллиметрового, просто увеличив калибр, и длина его ствола должна быть не меньше 50 калибров.

– Ясно, Дмитрий Григорьевич, сделаем.

– Да, и вот еще что, чуть не забыл, сделайте на базе нового танка и противотанковую самоходку со 100-миллиметровым орудием.

– Зачем, ведь это орудие будет и на танке?^[61]

– Самоходка дешевле и проще танка, так что они очень нам пригодятся в противотанковых подразделениях. Не подведите нас, Михаил Ильич.

Кошкин ушел, надеюсь, он сможет сделать Т-44 и управиться в срок, в конце концов он ведь сделал Т-34, послуживший основой для Т-44. Опыт создания есть, наброски есть, основные ТТХ даны, так что Кошкин должен справиться^[62].

В итоге я рассчитывал получить уже Т-54, который как раз и вышел из Т-44 после замены на ней старой башни с 85-миллиметровым орудием на новую со 100-миллиметровым и новой формы^[63].

На практике мы должны были получить новый средний танк с бронезащищенностью КВ и более мощным орудием, несмотря на практически тот же калибр. А вообще танк Т-55 – для своего времени был очень хорош, не зря его произвели в общей сложности 23 000 экземпляров и выпускали более 20 лет. Его экспортировали в большое количество стран, и он принял участие во множестве войн и вооруженных конфликтов, а в некоторых странах он до сих пор стоит на вооружении. Даже у нас некоторое их количество до сих пор стоит на консервации. Что говорить, если даже ИС-2 и ИС-3 стояли на вооружении до 1993 года, а отдельные экземпляры даже приняли участие в СВО на Украине^[64].

Он должен был стать основным танком Красной, а с 1946 года, если это не изменится, и Советской армии. Маневренный, достаточно надежный, мощный и хорошо защищенный танк, он в то же время был очень технологичным и относительно недорогим, что и стало причиной его массового производства. И сейчас он мог полностью изменить ход войны. При тех же преимуществах Т-34, он был значительно сильнее его, и по факту наши войска получали отличный средний танк, по сути являющийся тяжелым, так как орудие калибра 100 миллиметров объективно можно было считать орудием тяжелого

танка. Главное, что новые танки могли с легкостью бороться со всеми немецкими танками. За исключением, пожалуй, «Фердинанда», Т-44 мог с безопасной для себя дистанции уничтожать всю бронетехнику противника.

Духов с Кошкиным уехали, получив от меня ЦУ, и надо сказать, что они и сами прекрасно справлялись с порученным им заданием, они так ни разу и не побеспокоили меня. Видимо, полученные наброски и данные по ТТХ позволили им не отвлекаться на споры по тому, что и как делать.

А у меня потянулась обычная фронтовая жизнь. Положение по всему огромному фронту пришло в норму. Обе стороны усиленно закапывались в землю, несмотря на то что немцы не потеряли надежды прорвать наши укрепления и двинуться дальше, они тоже, как кроты, усердно копали. На данный момент обе стороны не имели достаточно сил для наступления и прекрасно это понимали. И мы, и немцы делали ставку на следующий год, а пока усиленно копили силы для предстоящего генерального сражения. Всем было ясно, что следующий год станет решающим, именно тогда определится победитель, и каждый старался перетянуть победу на свою сторону.

Япония и Турция, как ни склонял их Гитлер, держались нейтралитета, к тому же Япония увязла в войне с Америкой, и теперь ей было не до нашего Дальнего Востока.

Позиции обеих сторон вдоль линии фронта представляли собой многочисленные укрепленные траншеи с множеством различных огневых точек и параллельных линии фронта полевых дорог для возможности быстрой переброски резервов. Война окончательно превратилась в позиционную, а примерное равенство сил не давало возможности прорвать оборону противника без большой подготовки.

Постепенно у меня стали копиться резервы, и я снова принялся менять войска на линии фронта, давая тем самым своим бойцам небольшой отдых. Также шла постоянная ротация бойцов в подразделениях. На место выбывших по причине смерти или ранения бойцов прибывали призванные, и причем сразу с оружием, а не как в тот раз, когда маршевые батальоны прибывали безоружными. И вооружены они были отлично, две трети бойцов – автоматами ППС, а треть – самозарядными карабинами СКС под мосинский патрон. Карабины давали тем, кто лучше стрелял, таким образом, получая

бойцов дальнего круга действия. Они вместе с пулеметчиками в бою должны были вести огонь на дальней дистанции, а автоматы давали всем остальным, и те в бою включались в работу уже на близкой дистанции.

В любом случае огневая мощь нашей пехоты была значительно выше огневой мощи противника. А поскольку в основном в пополнение шла молодежь, то старики сразу брали их в оборот, уча военному делу. Те же бойцы, кто возвращался из госпиталей, направлялись не в свои подразделения, а в новые, тем самым разбавляя призванный молодняк и становясь для них наставниками и учителями.

Я не стремился сразу бросать в бой молодых. Для начала их нужно было натаскать, чем и занимались мои командиры. Потери среди состава были небольшими, в первой линии в большинстве находились только расчеты огневых точек, а основной состав подразделений был во второй и третьей линии обороны. В случае атаки у них было достаточно времени, чтобы по ходам сообщений занять свои места в первой линии обороны. Все это позволяло свести потери личного состава практически к нулю при вражеских обстрелах. Зенитки и воздушное прикрытие не давали возможности немцам бомбить наши позиции, по крайней мере прицельно, а при открытии артогня в дело вступала наша артиллерия, начиная контрбатареиную стрельбу. В результате потери были очень маленькими, что несказанно радовало моих бойцов.

Вот так и бежало время, день за днем, неделя за неделей, закончилось лето, и наступила осень. Полили дожди, и бойцы в основном сидели по блиндажам, греясь возле буржеек. Если кто и воевал, то это разведка, вот им самая лафа, хотя погода мерзость и хороший хозяин в такую погоду и собаку на улицу не выгонит, зато для разведки самое то. Все сидят по укрытиям, часовым мало что видно, да и дождь хорошо скрывает звуки, вот и активизировалась разведка по обе стороны фронта.

Для противодействия немецким разведчикам и диверсантам я гонял резервы на прочесывание местности, пусть учатся, да и часовых усилил. По моему приказу на пост заступал не один часовой, а сразу трое, один открыто и двое рядом в укрытии, и это дало свои результаты: количество успешных рейдов немецких разведчиков резко сократилось.

Наконец осень закончилась и наступила зима. Ударил мороз, ранее малопроходимые из-за мокрой грязи дороги замерзли, и стало возможно нормально ездить. Я перед наступлением холодов распорядился пройтись инженерными машинами с отвалами по всем дорогам и тем самым их разровнять. Так что когда ударили морозы, то земля застыла достаточно ровной, а не глубокими колеями, по которым иногда и грузовик не мог проехать, садясь на брюхо.

Несмотря на изменения погоды, положение на линии фронта не изменилось, шла все та же позиционная война, правда, как только перестали идти дожди, активизировались снайперы. Они охотились за всеми, кого видели, так как солдаты по обе линии фронта предпочитали не высовываться, а наблюдение за противником вести из укреплений и укрытий. Чаще всего обе стороны вели минометный обстрел, так как минометы можно было прятать в любом укрытии, правда, особого толка от этого не было.

Вот так незаметно и подошел Новый год, в этот раз я праздновал его в своем штабе. По моему приказу привезли двухметровую пушистую красавицу ель, ее установили в бадье с песком, предварительно прибавив к стволу снизу небольшую крестовину. После того, как ее опустили в бадью, туда насыпали песка и обильно полили. Наряжали елку штабные связистки, игрушки из бумаги, кстати, делали тоже они, так что елка получилась отличная. Поставили ее в актовом зале, и запах от свежей хвои стоял там одуряющий.

По моему приказу на новогодний вечер выделили продукты, я заранее озаботился достать различный дефицит, в том числе и трофейный, так что стол получился отличный. Для празднования Нового года был даже небольшой военный оркестр из музыкальной команды фронта. Короче, отметили Новый год очень хорошо, были даже танцы, где наши связистки и медички были нарасхват.

Я смог дозвониться домой и поговорить с семьей. Воспользовался служебным положением. Дома, слава Богу, все было хорошо, продовольствия хватало, хоть и не шиковали, но, по крайней мере, и не голодали. Так прошли праздники, а второго января для меня был подарок: и Духов, и Кошкин одновременно прислали в Кубинку опытные экземпляры новой техники.

3 января 1943 года, Кубинка

Как только я получил известие, что новая техника прибыла на испытания в Кубинку, так сразу и сорвался с места. Оставив дела на своего начштаба, сам сел в машину – бронированную командирскую, – в которых перемещались все командиры, начиная с дивизионного уровня, спасибо американским заводам, построенным у нас перед войной. И под охраной трех бронетранспортеров рванул рано утром в Кубинку. Почти три с половиной сотни километров проехали за пять часов, считай, рекорд по такой погоде и дорогам. Благо, что дороги регулярно чистили, и снегопада в последнее время не было, так что наст был наезжен.

Вот так к полудню 3 января 1943 года я и въехал в Кубинку. Там, к своему удивлению, обнаружил генерала Федоренко, начальника ГАБТУ, хотя, собственно говоря, чему удивляться, это ведь и его касается. Формально задание по созданию новых танков дали ему, вот он тоже и примчался, как только опытные экземпляры прибыли на испытательный полигон.

Поздоровавшись с ним за руку, выяснил, что он, оказывается, приехал всего минут за десять до меня. Затем мы отправились смотреть новую технику. Вместе с ней приехали и главные конструкторы, что тоже было неудивительно, и находились они, разумеется, возле своих боевых машин. Поздоровавшись и с ними, мы с Федоренко стали осматривать два танка и самоходку. Несмотря на зиму, машины имели летний трехцветный камуфляж из зеленого, черного и коричневого цвета.

Первым в ряду стоял ИС-3, вернее это для меня он был ИС-3, а поскольку тут первых двух моделей не было, то это был ИС-1 или просто ИС. Вроде он ничем не отличался от своего прототипа из моего времени, хотя я все же не танкист и не знаток старых боевых машин, могу просто не знать некоторых отличий. По крайней мере, внешне танк внушал к себе уважение: достаточно большой, с хищными формами, остроконечным носом и мощным орудием корабельного калибра, он по праву мог считаться на данный момент самым мощным и сильным танком в мире.

Вместе с Федоренко мы залезли внутрь и все тщательно осмотрели, проверили, какой вид из танка, как работают приборы наблюдения и наводки, поворот башни, и оба остались всем довольны. Выбравшись из танка, двинулись дальше, следующим на очереди был

Т-44. Также полезли и в него, после того, как перед этим обошли его кругом, тщательно осматривая. Затем все повторилось, мы проверили обзор из него, приборы наблюдения и поворот башни, все было отлично. Последней была противотанковая самоходка на базе Т-44, тут правда обошлось без проверки поворота башни – исключительно по причине ее отсутствия. Кстати, самоходка отличалась от оригинала более сильным наклоном лобовой брони, за счет чего несколько повысилась ее бронезащищенность.

После того как мы тщательно осмотрели все танки и самоходку, их достоинства продемонстрировал нам экипаж, сначала просто проехав по полигону и показав нам прохождение машинами различных препятствий. Они проехали превосходно. После этого провели показательные стрельбы, сначала по обычным мишеням, показывая меткость наводчиков и орудий. Затем стали стрелять по бронешитах, которые имитировали броню немецких танков. Плиты разной толщины и под разными углами были установлены через каждые 500 метров.

Испытания показали, что орудия и ИСа, и Т-44, и СУ-100 гарантировано пробивали на дистанции в два километра любую немецкую броню. К сожалению, у нас было только несколько трофейных «тигров», и пару из них приберегли для показа Сталину, а вот «пантер» не было, ведь они хоть уже и производятся, но в боях пока не участвовали, их дебютом станет летнее сражение^[65].

Закончив со стрельбами по мишеням, на поле полигона вывезли по бронекорпусу новой техники, и теперь уже по ней открыли стрельбу из немецкого «тигра». Пару танков наши ремонтники смогли восстановить, используя в качестве доноров запчасти с других подбитых танков. Обстрел велся с разной дистанции и с разных ракурсов и показал, что, по крайней мере в лоб, на дистанции в два километра, ни один новый танк и самоходка не получили пробития лобовой плиты.

Это нас с Федоренко очень обрадовало, летом немцев будет ждать очень неприятный сюрприз, когда их новые танки столкнутся в бою с нашими новыми танками. Честно говоря, даже становится немного их жаль: если в моем времени они испытали настоящий шок, когда столкнулись в бою с КВ и Т-34, еще старыми и не модернизированными, то сейчас они встретили танки следующего после них поколения, еще более мощные и практически неуязвимые.

Казалось, что вот наконец они как минимум сравнялись с нами в силе. Даже получили некоторое преимущество за счет большей бронепробиваемости своих танковых орудий, и на тебе, только решили, что обошли нас, как получают в противники новые танки, которые снова превосходят их новые «тигры» и «пантеры».

А если, еще принять во внимание и количество танков, то тут счет явно не в их пользу, мы производим танков минимум раз в пять-шесть больше, чем противник, причем лучших по своим боевым качествам. Вот такая арифметика получается, и немцам есть о чем грустить.

Через два дня в Кубинку приехал и Сталин, причем не один, а с Шапошниковым, Василевским, Ворошиловым и Рыбалко. К их приезду подготовились: установили новые мишени, и не простые деревянные щиты или нашу списанную бронетехнику, а трофейные немецкие танки, причем новые, это модернизированные «четверки» и «тигры», а также бронеплиты разной толщины, но не меньше 50 миллиметров. Также были установлены бронекорпуса наших новых танков и самоходки, это для заключительного показа их бронезащищенности.

Удобно расположившись на специально для этого случая сколоченной трибуне, высокая комиссия принялась наблюдать за показом. Им выдали хорошие бинокли, и они с интересом стали смотреть на испытание. Как оказалось, на испытание привезли не по одному экземпляру каждой модели, а по три, это нам показали по одному, так как для нас этого было вполне достаточно. Сейчас на поле полигона шесть танков и три самоходки сначала уверенно преодолевали различные препятствия, причем тут как раз игодились бинокли, так как расстояние до машин было значительное, и без биноклей следить за ними было тяжело. Временами, поднимая целые облака снега, все машины довольно быстро двигались по заснеженной земле. Конечно, ИСы сразу стали отставать, когда танки развили максимально возможную скорость, но и так они для своего класса танков и этого времени шли довольно быстро.

Почти двадцать минут танкисты выписывали круги по полигону преодолевая различные препятствия, пока не настало время боевых стрельб. Теперь, отложив в сторону бинокли, высокая комиссия приникла к стереотрубам, которые стояли на помосте. Опытные

экипажи машин, а все они имели изрядный боевой опыт, уверенно поражали цели, тут для зрелищности применяли бронебойно-трассирующие снаряды, так что со стороны было прекрасно видно, куда летят снаряды. Что тут сказать, промахов практически не было, примерно 90 процентов попаданий, причем все промахи были исключительно на максимальной дистанции поражения цели.

Затем начался обстрел трофейной техники с разного расстояния и ракурса и в заключение на поле танковые тягачи выкатили бронекорпуса новых танков и стали устанавливать их на различном расстоянии, и уже четыре трофейных немецких танка принялись вести по ним огонь, это были два «тигра» и две новые «четверки» с уже длинноствольным оружием.

В общей сложности показ новых танков продолжался около двух часов. Наконец показ завершился, и, подъехав к помосту и выстроившись в ряд, экипажи боевых машин покинули их и выстроились каждый возле своей машины.

Спустившись вниз, Сталин с сопровождающими не спеша подошел к выстроившимся танкистам.

– Спасибо вам, бойцы, вы сейчас показали отменную выучку и боевое мастерство. А как вам самим новая техника, понравилась?

В ответ раздались слова согласия, новые танки на самом деле очень понравились экипажам. В большинстве экипажей были танкисты, которые уже встречались в бою с новыми немецкими танками, в том числе и с «тиграми», вот они по достоинству оценили мощь новых танков. Сейчас, когда им выпала такая возможность, они с жаром рассказывали товарищу Сталину, как им понравились новые танки и с каким нетерпением они жаждут снова встретиться на них в бою с немцами.

После небольшого общения с экипажами танков Сталин с другими военачальниками не спеша обошел всю новую технику внимательно ее рассматривая, и, в отличие от нас с Федоренко, внутрь не полез, все же возраст был уже не тот, хотя, думаю, будь он помоложе, то непременно осмотрел бы новую технику изнутри.

После того, как танки были осмотрены, к нам подъехали два гусеничных бронетранспортера и на них мы отправились к мишеням. Сначала двинулись к бронекорпусам новых танков, они располагались на различном удалении от стрелявших по ним трофейных танков, это

позволяло легко определять возможность их бронезащиты. Так все члены комиссии смогли сами убедиться в отличной бронезащите новых танков, по крайней мере те бронекорпуса, что были на дальней дистанции, не получили ни одного пробития.

Закончив с осмотром бронекорпусов, снова погрузились в бронетранспортеры и поехали осматривать трофейную технику, и тут всех порадовали результаты осмотра. Даже находившиеся на дальней дистанции немецкие танки не смогли сдержать бронебойные снаряды, и на их броне повсюду виднелись отверстия пробитий брони. Итогом этого показа было то, что технику приняли на вооружение прямо сейчас, без дальнейших испытаний. Руководство страны и армии лично убедилось в мощи новой техники, и теперь ее срочно ставили в план заводам, чтобы к лету постараться максимально насытить ею войска.

* * *

Сталин остался очень доволен показательным выступлением новых танков и самоходки, они показали свое превосходство перед новейшими немецкими танками. Сталин и сам чувствовал, что этот год станет решающим в войне, именно в этом году окончательно решится, кто станет в ней победителем. Все говорило о том, что именно СССР вырывается вперед, и тут нужно было отметить в этом немалые заслуги генерала Павлова, причем не как полководца на поле боя, хотя и тут он тоже очень хорошо отметился, проведя просто отличную операцию по уничтожению 4-й армии немцев, но, в главную очередь, в обеспечении Красной армии новой техникой и вооружением. Павлов не плел интриг, чем грешили многие военачальники, не старался подсидеть начальство, а методично делал свою работу, и немалая часть заслуги в создании новой техники принадлежит ему. Пожалуй, он заслужил награду, надо его отметить, в конце концов, его собственная власть в немалой степени зависит вот от таких Павловых, которые честно выполняют свой долг и поддерживают его. Пускай Павлов не всегда был согласен с его решениями, но, по крайней мере, не становился открыто ему в оппозицию, а старался наедине донести

свою точку зрения и показать, почему именно он не согласен с его решением.

Глава 15

Как я и прикидывал, с начала марта все наши танковые заводы перешли на круглосуточный выпуск новых танков. Осознавая важность своего труда, рабочие, а зачастую это были еще подростки, старались произвести как можно больше боевых машин. Весь февраль заводы готовились к этому, перестраивая производство. Хорошо, что Духов с Кошкиным при проектировании новых танков постарались по максимуму использовать старые агрегаты, так что перестройка производства была не такой большой. Вот так с начала марта в войска широкой рекой потекли новенькие Т-44, ИС-1 и СУ-100.

Вся новая техника пока шла в резерв, из нее формировались новые части, куда после госпиталей направляли выздоровевших танкистов; кроме того, те части, что отправлялись на переформирование, также вооружались новыми танками и самоходками. Видимо, до командования дошло, что не следует раньше времени раскрывать свои козыри, а появление на фронте новых танков немцы засекли бы сразу.

Несмотря на позиционные бои по всей линии фронта, потери в бронетехнике были с обеих сторон. Немцы со своей стороны потихоньку вводили в бой «тигры», правда понемногу и в атаки их не пускали, вероятно, не хотели рисковать новыми танками раньше времени. Тактикой «тигров» на данном этапе была охота на нашу бронетехнику. Пользуясь тем, что у них толстая броня и мощная пушка, они занимали по ночам укромные места, и в засаде поджидали наши танки. Мощность их танкового орудия позволяла им пробивать броню наших танков на большом расстоянии, чем они и пользовались. В результате мы несли потери в танках и бронетранспортерах и пока ничего не могли с этим поделать. По возможности просто старались не пускать бронетехнику к линии фронта, а в случае необходимости поддерживали наши войска своим огнем с расстояния.

Однако, как мы ни старались, но потери, хоть и в меньшей степени, но были. Пополнение частей в основном шло из отремонтированных старых танков, но их было не очень много, и в основном нас спасало именно то, что бои шли позиционные. А пока

создаваемые новые части из новых Т-44, ИС-1 и СУ-100 усиленно тренировались и по мере готовности выдвигались к линии фронта, но все время они находились в нашем ближнем тылу.

Больше всего этим была недовольна молодежь, которая составляла часть экипажей новых танков. Молодые парни, только что призванные в армию, хотели воевать, им не терпелось поскорее ринуться в бой, к тому же новые, мощные танки вселяли в них излишнюю самоуверенность. Лишь уже повоевавшие бойцы были рады такой передышке, они, в отличие от молодняка, понимали, что долго так сачковать им не дадут, а раз их накапливают, значит, достаточно скоро будет большая битва, где уцелеть, даже на этих новых танках, будет еще та задача.

Моему фронту от всех щедрот выделили два полка Т-44, батальон ИС-1 и два дивизиона СУ-100, остальная техника частично шла на другие фронты, а большая половина от всего выпущенного скапливалась под Харьковом. Меры по маскировке были тут драконовские, и за оплошность с маскировкой вполне можно было попасть под трибунал.

13 марта 1943 года, Генеральный штаб РККА, Москва

Сталин решил не проводить совещание у себя, а провести его в Генштабе, куда и приехал, и сейчас он скромно устроился в уголке, типа его тут нет. Причина для совещания была более чем веская, это было связано с предстоящим этим летом генеральным сражением с немецкой армией. Неизбежность этого сражения понимали все, вопрос был только в месте и дате.

Проводил совещание начальник Генштаба генерал-полковник Василевский, этот пост он занял прошлым летом в связи с болезнью предыдущего начальника Генерального штаба маршала Шапошникова. Шапошников, хотя по болезни и был вынужден уйти со своего поста, но на этом совещании присутствовал как советник. Кроме Василевского с Шапошниковым на совещании были и маршалы Ворошилов, Тимошенко, Жуков, генерал-полковник Конев и начальник военной разведки генерал-лейтенант Ильичев. Павлова, который в принципе первым высказался, что летом 43-го года состоится генеральное сражение, приглашать на совещание не стали. Открыл совещание Василевский.

– Итак, товарищи, думаю, что ни для кого из присутствующих не секрет, что этим летом состоится генеральное сражение с немцами, и именно его итог покажет, кто будет в этой войне победителем. Благодаря своевременным мерам мы смогли не только создать новые части, но и перевооружить наши танковые силы, и теперь мы не только не уступаем в них немцам, но и превосходим их как количественно, так и качественно. Главной повесткой этого совещания является определение места и времени предстоящего сражения. Для определения этого нам необходимы данные о противнике. Товарищ Ильичев, вам есть что нам сказать?

– Есть. Согласно данным разведки, немцы начали потихоньку сосредотачивать свои новые танки под Харьковом. Хотя часть их новых «тигров» и поступает в остальные войска, но основная их масса направляется под Харьков. Кроме «тигров» замечена и другая новая техника, в частности танки «пантера», все они идут под Харьков, к сожалению, в боях эта техника пока еще не участвовала, и ее ТТХ пока неизвестны. Внешне она походит на Т-34, а если учесть, что на новом «тигре» броня толстая, да и старые четверки обзавелись новой толстой броней, то думаю, что «пантеры» бронированы не намного слабее «тигров». Что касается орудия, то на них стоят 75-миллиметровые пушки, правда с очень длинными стволами, так что, думаю, бронепробиваемость тоже хорошая.

Пока точных данных у нас нет, но, по предварительным данным, немцы планируют в июне или июле все же взять Харьков. Хотя самого города по большей части уже нет, одни развалины, но предполагаю, что главной целью противника будет не захват этих руин, а окружение и уничтожение нашей армии, которая его защищает. У меня все.

– Ну, что скажете, товарищи? Товарищ Жуков, у вас есть что сказать по этому поводу, тем более что это именно ваш фронт.

– Думаю, что долго держать это в секрете немцы не будут. Поясняю: если они хотят уничтожить как можно больше наших войск, используя для этого свои новые танки, то им просто потребуется, чтобы мы сосредоточили там их большое количество. Места под Харьковом в основном открытые, так что есть где развернуться танкам.

По моему мнению, мы должны устроить немцам огневой мешок. В районе Харькова сосредоточить основную массу тяжелых ИСов и

противотанковых СУ-100, а также все наличные «Костоломы», их корабельный калибр там явно будет не лишним. Дать противнику вклиниться в наше расположение, заставить его сосредоточить основную массу своих танков в одном месте и с помощью новых тяжелых танков и самоходок выбить их, а после этого нанести удар по его флангам танками Т-44. Повторить Николаевскую операцию или ту, которую устроил немцам генерал Павлов под Смоленском. Для этого нам необходимо будет незаметно сосредоточить танковые части по флангам, лучше всего для этого подойдут мехкорпуса, перевооруженные на новую технику.

Постепенно в обсуждение включались новые командиры, в основном предполагали, где именно немцы хотят устроить сражение и как на него реагировать, но все же Жуков смог убедительно доказать, что его вариант предстоящей битвы наиболее реалистичен. Сталин был доволен, он ни разу не вмешался в обсуждение, хотя временами ему и хотелось, но он сдерживал себя, а командиры, казалось, даже забыли про его присутствие на совещании.

Наконец совещание закончилось, план Жукова был принят как основной, и теперь все зависело от разведки. Даже если они и ошиблись с местом проведения операции, то в любом случае система полевых дорог и проложенная километрах в сорока от линии фронта ветка железной дороги с полустанками, оборудованными специальными пандусами для погрузки и выгрузки техники, позволяли в случае необходимости очень быстро перебросить войска к атакуемому участку.

Время летело быстро, в условиях строжайшей секретности сосредотачивались войска, а данные разведки понемногу подтверждали место предстоящего сражения, главным осталось только выяснить его время.

17 июля 1943 года, окрестности Харькова

Не добившись в предыдущих боях полного разгрома Красной армии, немецкое командование решило сделать это в грандиозном сражении под Харьковом, где оно планировало массово использовать новую бронетехнику, которая превосходила русскую, в чем они уже успели убедиться. Хотя массовых боев с применением новых «тигров» не было, но и так было понятно, что толстая броня и мощная

противотанковая пушка танка позволяют ему уверенно бороться с советскими Т-34 и КВ, причем уничтожая их с безопасной для себя дистанции.

Кроме «тигров» в операции предполагалось использовать и новейшие «пантеры» с самоходными установками «Фердинанд». «Фердинанды» были созданы специально для борьбы с укрепленными огневыми точками. Оценив то, как русские с помощью своих «Костоломов» прорывали укрепрайоны линии Маннергейма, особенно как они просто выходили на дистанцию прямого выстрела и спокойно расстреливали амбразуры финских дотов, немцы решили создать свой аналог. Пуск калибр орудия «Фердинанда» был меньше, зато выстрел был точнее. А толстенная лобовая броня позволяла подходить к дотам вплотную, кроме того, они также являлись превосходными истребителями танков, их можно было использовать и так, и так^[66].

Можно, конечно, было в условиях абсолютной секретности попытаться прорвать фронт, но тогда основная масса русских войск уцелеет. Лучше, по замыслам немецких генералов, было сосредоточить значительные силы русских в одном месте и затем, окружив их, уничтожить. Именно поэтому немцы особенно не скрывались, им было нужно, чтобы Красная армия сосредоточила против них значительные силы.

С помощью своих новых танков и самоходов немецкие генералы рассчитывали быстро сжечь все советские танки и затем, окружив советские войска, уничтожить их. Словно подтверждая, что история крайне неохотно относится к любым изменениям, эта операция была названа немцами «Цитадель», а наша операция – «Кутузов». Обе стороны стягивали сюда войска и технику, в том числе и авиацию. Немцы засекли стягивание русских войск, в том числе и бронетехники, к Харькову, все шло по их плану, но то, что кроме этого русские стягивают войска к Краматорску и Сумам, они прозевали.

В общей сложности на каждом из флангов предстоящей операции мы сосредоточили по два полностью сформированных и вооруженных новой техникой мехкорпуса и по общевойсковой армии. Непосредственно под Харьков в распоряжение Жукова пришли две дивизии тяжелых ИСов, в общей сложности 600 танков, шесть полков противотанковых СУ-100 из 324 самоходов и восемь полков штурмовых самоходов СУ-122 и СУ-152 в количестве 432 машин.

Кроме того, в его распоряжении были еще полтысячи старых Т-34 и КВ, так что сил для сдерживания немцев он имел предостаточно, всего чуть меньше двух тысяч танков и самоходок, и это без учета бронетранспортеров и легких самоходок поддержки пехоты, которых всех вместе взятых было почти пять тысяч единиц.

Учитывая, что восточней Харькова рельеф местности больше подходил для танкового сражения, именно там немцы и решили его устроить. Штурмовать сам город они не захотели, не тот случай, в городских развалинах танки теряли большинство своих преимуществ, именно поэтому немцы и не захотели ввязываться в городские бои.

По их задумке, восточней Харькова они сначала разгромят советские танки, а затем, прорвав фронт, просто зайдут в тыл обороняющим город советским войскам, после чего, окружив Харьков, уничтожат его защитников. На это выделится небольшая часть немецких войск, а основная их часть, развивая успех и пользуясь практическим отсутствием других русских частей, рванет на Курск, Воронеж и Луганск с выходом к Волге, а затем – на Сталинград, Ростов и Москву. Таким образом, по расчетам немцев, они смогут до конца 1943 года разгромить основную часть Красной армии и занять значительную территорию СССР, тем самым вынудив Советское правительство к капитуляции.

Точную дату немецкого наступления нашей разведке так и не удалось узнать, только непосредственно за несколько часов до начала вражеского наступления наше командование получило данные, что немецкие части начинают выдвигаться к передовой. В 6 часов утра 17 июля 1943 года немецкая артиллерия открыла массированный огонь по нашим позициям восточнее Харькова.

Спустя десять минут уже наша артиллерия открыла огонь по немецким орудиям, стараясь их подавить. Полностью огонь по нашим передовым позициям немцы не прекратили, просто часть их артиллерии вступила в контрбатарейную борьбу с нашей. Это было вполне ожидаемо, а потому Жуков сосредоточил в десяти километрах от передовой 11 дивизионов «Смерчей», и как только все началось, расчеты сбросили маскировку с машин и приготовились к выдвижению.

В 7 часов утра немецкие части перешли в наступление, к этому моменту передовые укрепления наших войск были смешаны с землей.

Наше командование предвидело такое развитие событий, поэтому в передовых траншеях наших бойцов не было, были заняты только огневые точки, которые в большинстве случаев оказались уничтожены. Все же они были рассчитаны на противостояние полевой артиллерии противника, а не держаться против обстрела из тяжелых орудий.

Пустив первыми «Фердинандов», «тигров» и «пантер», немцы двинулись вперед, второй волной шли модернизированные «четверки», которые тоже были достаточно опасными танками после своей модернизации, а уже следом за ними двинулись бронетранспортеры с пехотой.

Дождавшись именно этого момента, «Смерчи» рванули вперед, и через пять километров, растянувшись в линию, все 11 дивизионов дали залп. На наступающего противника пролился настоящий огненный дождь. Совокупный залп составлял почти 8000 новых ракет, которые в течение 40 секунд были выпущены по противнику и обрушились на шедшие позади танков бронетранспортеры с пехотой. В немецких порядках разверзся настоящий ад, большая часть бронетранспортеров горела, от всей пехоты осталось меньше трети, выжившие пехотинцы бросились назад, а не получившие никаких повреждений танки продолжили наступать.

Установки залпового огня мгновенно развернулись и рванули в тыл, не дожидаясь, пока насмерть обозленные немцы не накроют это место артиллерийским огнем.

Первую линию наших укреплений немецкие танки взяли с ходу, они даже не встретили там никакого сопротивления. Если до этого наши бойцы крепко ее удерживали, то как только наше командование получило данные о начале немецкого наступления, так сразу приказало всем частям немедленно отступить на вторую линию обороны, в результате немцы почти час смешивали с землей практически пустые окопы.

Жуков правильно рассчитал место нанесения вражеского удара и готовился к нему заранее. По ночам в километре за второй линией нашей обороны вкапывались капониры для самоходок, причем там даже сооружалось некое подобие укрытия из бревен, которое должно было хоть немного смягчить последствие взрыва вражеского снаряда. Именно в них и заняли оборону СУ-100, 122 и 152.

Для тяжелых танков были просто открыты укрытия, в которых они и стояли, замаскированные кустами и маскировочными сетями. Над уровнем земли находилась только башня, а спереди и сзади были наклонные въезды, так что танки могли легко выехать из капонира, как вперед, так и назад. По замыслу Жукова, самоходки и танки должны были сначала из укрытия выбить максимальное количество немецких танков и только потом, выехав из них, продолжить уже маневренный бой.

Наша пехота, заняв вторую линию обороны, вжимаясь в землю, с напряжением следила за приближающимся противником. Все видели целую тучу огненных стрел, которые, вылетев из-за их спин, устремились к противнику, и как позади надвигавшихся танков сначала раздались взрывы, а затем к небу потянулись многочисленные жирные столбы дыма, а порыв ветра донес запах гари и горелого мяса. Наступающие танки это не остановило, но немного добавило уверенности пехотинцам. Далекие точки немецких танков потихоньку приближались, и когда до позиций осталось около километра, позади резко захлопали орудия, причем уже по звуку было ясно, что это работает крупный калибр.

Среди наступающих немецких танков стали вставать султаны разрывов, вот один из шедших невиданных ранее танков внезапно лишился башни, она просто отлетела назад, а сам танк, проехав еще небольшое расстояние, остановился. Вот на другом танке, который был уже знаком пехотинцам, новом тяжелом «тигре», в столбе пламени башня просто взлетела вверх, а сам он сразу встал, и из него вверх забило пламя.

Немцы продолжали наступать, но то один, то другой их танк взрывался или просто останавливался. Исключением были непонятные квадратные машины, которые неумолимо продолжали приближаться, несмотря на то, что на их лобовой броне периодически сверкали отблески рикошетов. Но вот на одной из них расцвел огненный цветок разрыва, и машина встала, проехав перед этим с десятков метров. До линии окопов оставалось меньше ста метров. Вот другая, получив снаряд в гусеницу, остановилась, правда перед этим ее развернуло боком, и практически сразу в подставившийся бок прилетел бронебойный снаряд, после чего из сорванных от внутренней детонации люков в небо устремился огненный факел.

Обер-ефрейтор Ганс Хофмайер был наводчиком. Службу в вермахте он начал еще в 1937 году. Пойдя добровольцем в армию, он сам смог выбрать род войск. Ему с детства нравились танки, вот и в армии он попросился в танковые войска. Его боевым крещением стала Испания, куда он направился добровольцем в легион «Кондор», и именно там он в первый раз встретился в бою с русскими танками. Он сам воевал на новом легком танке Т-2, вооруженном автоматической 2-сантиметровой пушкой, и именно на нем он подбил свой первый танк, им оказался русский легкий танк Т-26. Благодаря умелому командованию, во всех боях он действовал исключительно из засад и тем самым благополучно провоевал до победы генерала Франко, подбив в общей сложности семь танков республиканцев, четыре Т-26 и три БТ. Его двухсантиметровая пушка с легкостью пробивала их броню, а скорострельность давала возможность мгновенно корректировать прицел, не оставляя его противникам и шанса.

Молодого и старательного солдата заметило начальство, и Ганс начал постепенно расти в званиях. После Испании он одним из первых получил назначение на новейший Т-3. Тут хотя и не было автоматической пушки, зато калибр был побольше, 3,7 сантиметра, да и броня чуть солидней.

Именно на этом танке он и встретил Польскую кампанию. В ее ходе он пополнил свой боевой счет на 11 танков и танкеток и 3 бронемашины. Это были три танка 7ТР, 1 FT17 и две танкетки ТКФ, а также три бронемашины Wz.34. Более чем хороший результат, за что Ганс получил железный крест и звание фельдфебеля. В ходе Польской кампании его рота потеряла четыре танка, причем только один безвозвратно, а три других вскоре были отремонтированы и вернулись в строй. Людских потерь тоже не было, только пятеро камрадов получили ранения, и вскоре они снова были в своих экипажах.

Затем был отдых, а на следующий год уже Французская кампания. Сначала все было хорошо, Ганс со своим подразделением сперва вторгся в Голландию и Бельгию и только потом вступил во Францию. Что можно сказать, во время Польской кампании было тяжелей, поляки сражались гораздо храбрее и лучше голландцев, бельгийцев или французов, но вот потом его рота встретила с французским танком Char BI, и тут начался кошмар.

Толстая броня француза оказалась не по зубам орудиям его роты, даже имевшиеся у них два Т-4 с 7,5-сантиметровым орудием не смогли пробить его броню. Французский танк активно маневрировал и постоянно вел огонь из обоих орудий, правда, башенное било намного чаще, так как из него было намного легче целиться^[67].

В том бою они потеряли половину своей роты, причем большая часть танков попала в безвозвратные потери, кроме того, погибло большое количество камрадов из экипажей этих танков. Француза они все же сожгли, сначала сбили ему гусеницу, а затем, пока остаток роты отвлекал его, танк Ганса и еще один танк его роты зашли вражескому танку в тыл и, приблизившись на малую дистанцию, расстреляли его в корму. С дистанции в 200 метров она вполне оказалась по зубам их орудиям^[68].

Злые от того, что понесли такие большие потери, причем от одного единственного танка, они не дали французам покинуть подбитую машину, когда от попаданий в корму она загорелась. Окружив танк, они пулеметным огнем не давали экипажу возможности выбраться из него и при этом встали так, чтобы не попасть под ответный выстрел. Когда башня французского танка начала поворачиваться, то Ганс, который был как раз сбоку от нее, всадил в нее еще один бронебойный снаряд. Башня замерла на месте, а спустя минут пять, охваченный огнем танк взорвался. Из него так никто и не смог выбраться.

Затем, похоронив погибших камрадов и быстро отремонтировав один танк, которому просто сбило гусеницу, остатки роты двинулись дальше. Это был самый трудный бой во всей Французской кампании, правда под конец танк Ганса подбили, но экипаж отделался легкой контузией и испугом. Вместо подбитого танка Ганс получил уже новую тройку с 5-сантиметровым орудием, и именно на этом танке он начал Русскую кампанию, правда провоевал совсем немного.

Русские танки оказались совсем не те, которые все ожидали. Вместо хорошо известных им по войне в Испании легких Т-26 и БТ их встретили новейшие средние Т-34 и тяжелые КВ, которые практически не брали их снаряды. Уже осенью 1941 года танк Ганса снова подбили, он загорелся, а сам Ганс получил ранение. После госпиталя он попал уже на средний Т-4 и провоевал на нем чуть больше года, пока его снова не подбили русские.

И вот теперь, после выписки из госпиталя, как хороший наводчик, он получил предписание в тяжелый самоходный батальон на совершенно новую самоходку «Фердинанд». Боевая машина ему очень понравилась, мощная 8,8-сантиметровая пушка, способная бороться с любыми танками русских, и толстенная лобовая броня, которую не могло пробить ни одно противотанковое или танковое орудие русских. Правда, его «Фердинанд» был очень тяжелым, но они прибыли на вполне нормальную проходимую местность. Погода стояла сухая, и почва была достаточно твердой, чтобы выдерживать его вес.

Рано утром их построили перед боевыми машинами, и командир полка произнес речь, суть которой сводилась к тому, что наступил решающий час, чтобы доказать этим дикарям русским, кто является настоящим хозяином этого мира. В предстоящем сражении они должны разгромить орды диких восточных варваров и наконец закончить так непозволительно долго затянувшуюся войну. Нужно было сначала разгромить большевиков в решающем сражении, уничтожив основную массу их танков, а затем, развивая успех, окружить остатки Харькова, после чего небольшая часть останется его блокировать, а остальные рванут по пустым дорогам к главным городам русских.

И вот он во главе стальной лавины немецких танков двигался на позиции русских. Первую линию обороны они заняли походя, там даже не было никакого отпора, лишь хорошо разрушенные артогнем укрепления противника. Вот потом началось сопротивление, по его самоходке периодически прилетало, но пробить толстенную броню русские снаряды не могли. Когда до русских позиций осталось всего ничего, в свой прицел Ганс увидел «Костолома», так называли свои штурмовые самоходки русские, и так же их стали называть немцы. «Костолом» был в укрытии, правда разрывы снарядов разметали бревенчатый сруб, за которым тот спрятался, только он был еще и полузакопан в землю. Ганс увидел, как орудие корабельного калибра русского «Костолома» наводится прямо на него, он просто почувствовал это, и сам стал лихорадочно наводиться на русского. И он успел первым.

Звонко рывкнуло их орудие, и спустя буквально секунду Ганс увидел лишь отсверк своего попадания по русскому. Броня «Костолома» тоже была достаточно толстой, ведь его основной задачей

было под огнем противника прямой наводкой уничтожать огневые точки. Ганс прямо застонал от досады, в этот момент сверкнуло орудие «Костолома», затем раздался гулкий удар, и наступила спасительная темнота.

Ответный выстрел СУ-152 тоже попал в немецкую самоходку, командир «сушки», видя безрезультативность стрельбы даже бронебойными снарядами по этому гробу на гусеницах, выстрелил фугасным снарядом. Броню немецкой самоходки снаряд, естественно, не пробил, но разрыв на ее броне почти сорокакилограммового снаряда с почти шестью килограммами взрывчатки бесследно не прошел. Экипаж немецкой самоходки получил контузии и выбыл из строя, а сама самоходка, немного проехав вперед, остановилась.

В себя Ганс пришел уже снаружи самоходки и с ужасом увидел, что его окружают русские солдаты. Вскоре его вместе с экипажем и другими камрадами угнали в русский тыл, где он и пробыл до конца войны. Домой он вернулся из русского плена только через пять лет, но главное – живым и здоровым.

Когда немецкие танки практически достигли линии наших окопов, то их количество значительно поубавилось. Все поле, по которому они наступали, было усеяно горящими остовами «тигров», «пантер» и четверок. В этот момент прозвучал приказ, и, взревев моторами, лавина ИСов и противотанковых СУ-100, которые все же держались немного позади тяжелых танков, двинулась вперед.

На такой короткой дистанции если бронебойный снаряд ИСа попадал в башню любого немецкого танка, то ее просто сносило с погона, а при попадании в лобовую броню он с легкостью ее проламывал, превращая экипаж танка в кровавый фарш. Оставшиеся немецкие танки открыли по ИСам огонь, но их снаряды лишь бессильно рикошетировали от толстых и наклонных броневых плит русских танков. Неспешно двигаясь вперед, русские танки то и дело останавливались для выстрела, затем шли дальше. Эта неумолимая стальная волна очень быстро прошла поле, усеянное горящими немецкими танками, и двинулась дальше.

Глава 16

Дождавшись, пока тяжелые танки и противотанковые самоходки не добьют окончательно танки противника, следом за ними двинулись и старые «тридцатьчетверки» с КВ, а вместе с ними и пехота на бронетранспортерах. Все «Костоломы» остались на своих местах, главную свою задачу они выполнили, помогли проредить ряды противника, а в маневренном бою толку от них мало, они создавались и предназначались для другого. Очень скоро старые танки с бронетранспортерами догнали тяжей, и дальше они наступали уже вместе. Не ожидавшие такого исхода сражения немцы не смогли организовать достойного отпора. Спонтанно образовывавшиеся очаги сопротивления с легкостью подавлялись, вот только прошли наши танки недалеко, буквально километров пять, и были вынуждены встать.

Нет, дело тут не в возросшем сопротивлении противника или появлении у него новых сил, все было намного проще: за время боя танки и самоходки расстреляли почти весь свой боезапас, и теперь было необходимо его срочно пополнить. К вставшим танкам сразу устремились транспортно-заряжающие машины и блиндированные грузовики. Это были обычные грузовики, только с бронированными кабинами и бортами. Конечно, их грузоподъемность из-за этого падала, зато было намного больше шансов подвезти топливо и снаряды с патронами во время боя.

Пехота тоже не сидела без дела, для ускорения погрузки она активно включилась в процесс, и мгновенно выстроившиеся в цепочки бойцы передавали от машин снаряды танкистам, которым оставалось только укладывать их в боеукладки своих машин. Понимая, что лишние полчаса особой роли сейчас не сыграют, заодно подогнали и полевые кухни, где уже был готов обед, и бойцы после погрузки боезапаса приступили к обеду. Сразу после этого прозвучал приказ, и вся масса техники снова двинулась вперед, по ходу движения с легкостью сметая немецкие заслоны.

Единственное, пришлось разделяться, так как необходимо было охватывать большие расстояния, и двигаться дальше такой сплоченной

группой было нельзя. Тут тактика действия изменилась, если до этого первыми шли ИСы, сметая все на своем пути, то теперь такой сильной обороны не было, и вперед рванули более легкие, быстрые и маневренные «тридцатьчетверки» вместе с бронетранспортерами.

Получив сообщение, что на них катится лавина русских танков, немцы запаниковали. Вот только скоро наступление снова замедлилось, причем очень значительно. Хотя большинство немецкой бронетехники оказалось уничтожено, но немецкая пехота никуда не делась, а обучена она была отменно. Конечно, приличное количество немецкой пехоты погибло при обстреле «Смерчами», но лишь только та ее часть, которая должна была принять участие в штурме наших укреплений. Цепляясь за малейшие удобные для обороны места, она оказывала самое ожесточенное сопротивление, и нам приходилось, прежде чем двигаться вперед, уничтожать противника.

Когда рано утром нашему командованию поступило сообщение, что немцы начинают атаку, обе наши ударные армии, сосредоточенные по флангам предстоящей операции, получили сигнал о готовности. Спусковым крючком их наступления послужил немецкий артобстрел наших позиций. Поскольку они находились на некотором удалении от линии фронта, то позиций они достигли примерно через полчаса-час, после окончания немецкого артналета и уже начавшейся атаки.

Новейшие Т-44, при поддержке противотанковых СУ-100, достаточно легко прорвали немецкую оборону и рванули вперед. СУ-100, двигаясь немного позади, уничтожали все засветившиеся немецкие огневые точки и противотанковую артиллерию. Достаточно мощные орудия позволяли легко с этим справляться, а уже позади них шла волна бронетранспортеров с пехотой, которая лишь ненадолго остановилась, когда достигла линии немецких траншей. Пехотинцы, при поддержке автоматических пушек и пулеметов бронетранспортеров, очень быстро зачистили немецкие позиции, оставив после себя только трупы врагов, и двинулись дальше.

Со стороны Сум наступала Первая ударная армия генерала армии Конева, это звание он получил в январе этого года^[69].

Вторая ударная армия генерала армии Рокоссовского, который получил новое звание одновременно с Коневым, наступала от Краматорска. Здесь тоже, после ареста, он воевал очень грамотно и умело, правда, совершенно в другой обстановке и операциях, но сумел

проявить себя не хуже. Обе армии наступали в направлении Полтавы, где они и планировали соединиться, захватив в кольцо Харьковскую группировку противника.

Новые Т-44 показали себя очень хорошо, они прекрасно выдерживали огонь немецкой противотанковой артиллерии и при встречах с немецкими танками также проявили себя отлично. Достаточно открытая местность позволяла им вести бой с противником на большой дистанции, и тут преимущество в бронировании и мощности орудия позволило им выходить победителями во всех схватках. Только когда бой разворачивался на малой дистанции, немцы подбивали новые Т-44. С ходу проломив немецкую оборону, с учетом боев, за день обе армии продвинулись на 50–60 километров вглубь вражеских позиций. Все это стало полной неожиданностью для противника, который рассчитывал на совершенно другой результат запланированной операции.

17 июля 1943 года, штаб 6-й армии вермахта, Полтава

Решающая роль в операции «Цитадель» отводилась 6-й армии генерала танковых войск Фридриха Паулюса. В отличие от многих наших генералов, кто в новой реальности раньше получил новое звание, Паулюс не успел особо отличиться и до сих пор оставался генералом танковых войск^[70].

Начало этого дня было хорошим, согласно донесениям разведки, русские не знают о дате начала операции «Цитадель», им известно лишь о том, что противник стягивает сюда войска. Утечка этой информации была допущена специально, чтобы русские стянули сюда побольше своих войск. Чем потом гоняться за ними по отдельности, немецкое командование планировало разом их уничтожить и затем спокойно двигаться вперед.

Артподготовка началась вовремя и прошла без особых проблем, разве что русский контрбатареиный огонь слегка спутал планы, но и он особо не повлиял на обстрел. Затем на участке примерно в 10 километров вперед двинулась масса танков, причем первыми шли новейшие «тигры», «пантеры» и «Фердинанды». Расчет строился на то, что русские не смогут противостоять их толстой броне, и они сначала с легкостью прорвут русские укрепления, а потом уничтожат брошенные на ликвидацию прорыва русские танки.

Изначально все шло, как было запланировано. Танковая армада с легкостью прошла первую линию русских укреплений, но вот затем все пошло не по плану. Перед второй линией обороны немецкие танки встретил сильный орудийный огонь, и, как оказалось, вели его русские танки и самоходки. Причем их орудия оказались крупного калибра, не меньше 10 сантиметров, и было их очень много.

Один за другим немецкие танки были подбиты, но перед этим русские нанесли удар своими реактивными минометами по двигавшимся за танками моторизованным частям, уничтожив их большую часть и вынудив остатки отступить.

А вот затем начался настоящий кошмар, когда русские перешли в контратаку. Оказалось, что противостояли им не старые русские Т-34 и КВ, уступающие новым немецким танкам, а новейшие тяжелые танки и новые противотанковые самоходки, которые с легкостью подбивали все новые немецкие машины. Повторялся кошмар начала войны, когда вместо ожидаемых старых легких русских Т-26 и БТ они столкнулись с новейшими Т-34 и КВ, с которыми было очень трудно бороться.

Потеряв большинство танков в неудавшейся атаке, остатки отступили, и тут русские перешли в контрнаступление, которое, как оказалось, было невозможно остановить. Все новейшие танки, задействованные в атаке, оказались уничтожены, и теперь наступающих русских нечем было остановить. Противотанковая артиллерия оказалась бессильной, к тому же ее сразу подавляли русские.

Вот так и получилось, что, не встречая особого сопротивления, русские танки рванулись вперед. Однако это оказалось не все, вскоре поступили сообщения, что две мощные группировки русских также перешли в наступление. Самым неприятным было то, что в их составе также оказались новые танки, правда, другие. Главное, что эти танки были способны на равных бороться с новейшими «тиграми». Обе русские группировки развивали свое наступление на Полтаву и до конца дня продвинулись на значительное расстояние.

Уже вечером генерал Паулюс устало смотрел на карту. Если в центре неимоверными усилиями пехоты удалось ненадолго притормозить продвижение русских танков, то вот по флангам такое не удавалось. Паулюсу было ясно видно, что русский удар сходится на Полтаве, и ему предстояло принять очень нелегкое решение. Он

понимал, что фюрер будет в ярости, но в противном случае вся его армия окажется в котле, который, судя по всему, русские очень быстро переварят. Хотя он и потерял практически всю бронетехнику и большую часть артиллерии, но у него оставалось еще около половины пехоты. Пока еще не поздно, надо было принимать решение, иначе он не только потеряет остатки своей армии, но и откроет русским свободный путь вглубь немецких позиций.

Наконец он принял очень нелегкое для него решение. Для спасения остатков своей армии он приказал всем частям, как только стемнеет, начать немедленный отход к Полтаве, где им необходимо было закрепиться. Сам он со своим штабом немедленно отбыл в Кременчуг, откуда и намеревался дальше руководить обороной, разумеется, если его не снимут за провал операции «Цитадель».

Его предчувствия полностью оправдались. Хотя он сообщил о провале операции только командующему группы армий «Центр» генерал-фельдмаршалу фон Клюге, но уже утром следующего дня ему пришлось разговаривать по телефону с самим фюрером. Гитлер с самых первых слов начал орать на Паулюса, устроив ему грандиозный разнос, после чего отстранил его от командования и приказал немедленно прибыть в Берлин.

В глубине своей души Паулюс был даже рад такому решению фюрера, он прекрасно понимал, что не сможет удержать восточный берег Днепра и русские все равно в ближайшее время возьмут Полтаву, а затем начнут выдавливать немецкие войска со всей восточной территории от Днепра. Самым страшным было то, что противостоять их танкам было нечем, практически вся бронетехника уничтожена, а противотанковая артиллерия малоэффективна. Хотя сейчас в войска и поступают новые противотанковые орудия, которые намного мощней старых, но и русские, как оказалось, тоже не стояли на месте, и их новые танки гораздо сильнее старых.

Сейчас, сдав все дела своему заместителю и двигаясь на полевой аэродром, Паулюс не жалел о своем вчерашнем решении. Да, он, можно сказать, спустил свою карьеру в унитаз, когда приказал остаткам своей армии срочно отступать, но таким образом он ее сохранил. Жаль, что войскам в Харькове не удалось отойти, русские уже перерезали им пути отхода, зато остальные смогли избежать окружения.

Если в первый год войны у него не было ни малейших сомнений, что они легко разобьют русских, то после двух лет войны он очень сильно сомневался, сможет ли Германия победить Россию. Правда, о своих сомнениях он никому не говорил. Прошедшее Харьковское сражение было решающим в этой войне. Если бы их планы удались, и они смогли разбить русские армии под Харьковом, то тогда открылась бы дорога вглубь России, но этого не произошло. Это не они русских, а русские их разгромили в прошедшем сражении. Самое страшное было в том, что новые советские танки снова оказались лучше немецких и, судя по всему, русские не испытывают проблем в их производстве.

Кроме того, лучшие немецкие танкисты или погибли, или попали в плен, и даже если Германия сможет в короткие сроки восстановить численность бронетехники, то вот восстановить экипажи – нет. Невозможно за несколько месяцев подготовить профессионального танкиста, а новички даже на хорошей технике проиграют профессионалу просто из-за отсутствия опыта и умения.

Это было ясно ему, возможно, и другим немецким генералам, вот только как это объяснить фюреру? Любой разговор на эту тему в лучшем случае окончится позорным изгнанием из армии, а в худшем – арестом и, возможно, расстрелом. Скорее всего, фюрер отправит его в отставку, но так, пожалуй, будет даже лучше, он в таком случае сразу уедет в Швейцарию.

Фюрер, сам того не желая, открыл ящик Пандоры. Кто только мог подумать, что русские будут фанатично сражаться до конца, а учитывая их просторы и людские резервы, становилось видно, что молниеносная война, на которую так рассчитывал фюрер, провалилась с треском, и ей на смену пришел старый кошмар немецких генералов – позиционная война на истощение. Вот тут русские имели все преимущества: громадные территории, огромные запасы ресурсов и неисчислимы людские резервы. А кроме того, не стоило забывать и о помощи англосаксов, хотя они еще те твари, но сейчас активно помогали русским, разумеется, не бесплатно, но и их помощь была существенной.

В таких условиях Германия была обречена, и он мало чем мог ей помочь, а раз так, то если ему выпадет возможность, следует уехать, что он и сделает, как только подвернется случай^[71].

На следующий день наше наступление продолжилось и шло довольно успешно, несмотря на отчаянное сопротивление противника. Немцы оставляли в удобных для обороны местах заслоны, но надолго задержать наши войска они не могли. Шедшие первыми, танки в таких местах останавливались, а потом фугасными снарядами своих мощных орудий просто перемешивали с землей любые огневые точки противника. Сразу позади них в боевых порядках механизированной пехоты двигались и транспортно-заряжающие машины, в которых находилось топливо и боеприпасы для танков и самоходок. На каждой остановке они сразу подъезжали к боевым машинам, и начиналась погрузка боезапаса, а при необходимости и заправка.

Таким образом, уже к вечеру этого дня обе ударные армии и армия Жукова встретились у Полтавы. Достаточно большая территория оказалась в кольце, вот только, к большому сожалению, там практически не осталось немецких войск, так как они, можно сказать, чудом успели выйти из-под удара. Но и так Харьковская группа противника, которая безуспешно пыталась захватить город, попала в окружение. В общей сложности в котле оказалось около 35 тысяч немецких войск, и хотя значительная их часть успела отойти, но тем не менее можно было сказать, что операция «Кутузов» прошла успешно. Были освобождены достаточно большие территории, а кроме того, противник потерпел сокрушительное поражение и потерял на этом участке фронта практически все свои бронетанковые силы и приличное количество артиллерии.

Бои в руинах Харькова продолжались еще почти две недели, после чего остатки немцев сдались наконец в плен. Бои за Полтаву продлились неделю, городские условия значительно снижали эффективность бронетехники, а пехоте приходилось вести бои практически за каждый дом. Тут сразу стали использовать тактику, при которой танк медленно двигался посередине улицы, а сопровождавшая его пехота жалась к домам, кроме того, позади танка ехали бронетранспортеры. При обнаружении огневой точки противника танк и бронетранспортеры своим огнем ее подавляли, а пехота зачищала дома. Таким образом без особо сильных потерь за неделю зачистили весь город.

От Полтавы армия Рокоссовского двинулась на Днепр, армия Конева – на Киев, а армия Жукова продолжила наступление на

Кременчуг. К концу августа, несмотря на сильное сопротивление немцев, пользуясь преимуществом в бронетехнике, наши армии смогли оттеснить немцев за Днепр, также деблокировав Крым, захватив Мариуполь и Мелитополь и выйдя к Херсону. На этом наступление выдохлось, но и сделано было все равно немало. Армия встала на отдых, а мне наконец вернули оба мехкорпуса, которые перед этим забрали для этой операции. Плюсом было то, что полностью поменяли старые танки и самоходки, на новые, а минусом то, что народ банально устал.

Это было в самом конце августа, а на начало сентября мною было запланировано собственное наступление. Хотя у меня и забрали перед этим два мехкорпуса, но пополнение все это время продолжало прибывать, как и новая техника, конечно, в малых количествах, но хватало старой, которая была вполне качественной и современной. Это против новых немецких «тигров» и «пантер» она была слабовата, но их основную массу выбили под Харьковом, а против даже модернизированных немецких «четверок» Т-34 и КВ были вполне ничего.

Пользуясь тем, что основные немецкие резервы все это время шли под Харьков, я, скопив достаточно сил и получив назад два своих мехкорпуса, ударил из Опочки через Резекне на Ригу с намерением захлопнуть в мешке половину немецких сил в Прибалтике. Разумеется, что это не была исключительно моя инициатива. Разрабатывать эту операцию я начал еще весной, правда, пока лишь на карте, но после того как под Харьковом в танковом сражении мы наголову разгромили немцев и началась Харьковская операция, я сразу напросился на прием к Василевскому.

Прилетев в Москву, отправился в Генштаб, где на встрече с Василевским показал ему свои наработки. Вскоре к нам присоединился и Шапошников, который так и оставался теперь консультантом. На обсуждение моего плана ушло двое суток, после чего мы втроем отправились на прием к Сталину.

Огорченный тем, что, несмотря на общий успех операции «Кутузов», немцы смогли вывести почти все свои войска из образовавшегося котла, Сталин более чем заинтересовался возможностью не только освободить половину Прибалтики, но и поймать в котел значительные силы немцев. По-любому, начало

операции «Реванш» было привязано к окончанию операции «Кутузов». Если будет достаточно времени до начала осенней распутицы, то она начнется в начале осени, если не успеем, то сразу после начала первых заморозков.

7 сентября 1943 года, Западный фронт, Опочка

При двухстах орудиях на километр фронта о противнике не спрашивают и не докладывают, а только доносят, до какого рубежа дошли наши наступающие части. Эти слова приписывают маршалу Москаленко. В принципе это правильно, вот только вся проблема в том, что у меня не было такого количества орудий на всем участке фронта, где планировалось наступление. Было меньше, какую-то замену этому могли дать «Смерчи», вот только их дальность действия оставляла желать лучшего.

С их помощью утром 7 сентября 1943 года был нанесен мощный удар по немецкому переднему краю в районе города Опочка. В течение получаса собранные сюда со всего фронта тяжелые орудия и реактивные минометы превращали передний край противника в лунный пейзаж, после чего, не дожидаясь окончания артобстрела, вперед двинулись танки и бронетранспортеры, и только когда до немецких позиций, на которых продолжали рваться обычные и реактивные снаряды, осталось метров двести, огонь артиллерии прекратился. На передней линии вражеского сопротивления не было от слова совсем, те счастливцы из немецкой пехоты, кто умудрился выжить, были совершенно не в боеспособном состоянии.

Захватив первую линию немецкой обороны, состоящую из двух траншей метрах в пятидесяти друг от друга, мои части двинулись дальше. Вторая линия обороны находилась в полукилометре от первой, и тут уже были бетонные укрепления. На первой линии никто не дал бы немцам построить серьезные укрепления – просто разнесли бы артиллерией. Вот тут уже пришлось немного задержаться. Конечно, и здесь поработала наша артиллерия, но бетонные доты оказались целыми. Если обычные траншеи были сильно повреждены, то доты уцелели, и тут ИСы принялись с места бить по их амбразурам, пока все они не замолкли, после этого вперед пошла пехота на бронетранспортерах. Бронетранспортеры шли вместе с танками,

которые мгновенно подавляли любые орудия, а пехота шла уже за броней.

Несмотря на потери, которые, к слову, были относительно небольшими, мои части продолжали продвигаться вперед и в первый день наступления продвинулись на 30 километров. К середине следующего дня передовые части вышли к небольшому городу Лудза. Продвижение, вернее захват города, затруднило его расположение. Так как с нашей стороны его прикрывало достаточно большое озеро, моим частям пришлось обходить его с двух сторон. На захват города была брошена одна дивизия, а остальные войска, обтекая его по сторонам, двинулись дальше на Резекне, который был немного больше Лудза. К вечеру две дивизии остались зачищать Резекне, а остальные войска пошли дальше.

Немцы просто не ожидали от нас такого, а потому и войск у них было не очень много, вот только, когда мы подходили к городам, то помогать немцам принимались многие местные жители. Когда об этом сообщили в мой штаб, то я несколько этому не удивился, хотя для очень многих моих штабных это стало настоящим потрясением. Я же просто приказал при штурме городов не особо заботиться о местном населении, а тех, кто будет помогать немцам, в плен не брать, а расстреливать на месте.

– Дмитрий Григорьевич, а это не слишком? – спросил меня начальник политотдела.

А у меня перед глазами стояли парады прибалтийских эсэсовцев, тех, кто выжил и дожил до наших дней. Теперь они были не преступниками, а народными героями, зато против наших ветеранов новая прибалтийская власть устраивала судебные процессы, а кроме того, сносила памятники советским солдатам, которые погибли, очищая Прибалтику от фашистов. А ведь кроме того были и карательные отряды, которые отличились в зверствах против мирного населения в Белоруссии и на Украине. Да и сейчас, когда началась война, это так называемое мирное население стреляло в спины нашим бойцам и командирам, а потому у меня не было ни капли жалости к ним.

– Геннадий Петрович, может, вы не в курсе, но с самого начала войны прибалты стреляли в спины нашим бойцам и командирам, а кроме того, как только Прибалтика была захвачена противником, то

тысячи прибалтов пошли служить немцам. Ладно бы просто в службу или нестроевые части, но они организовали собственный легион СС, а кроме того, в Белоруссии и на Украине отличились их карательные отряды, где они воевали с мирными жителями. После всего этого у меня нет ни малейшей жалости к ним, а после войны необходимо ликвидировать все эти республики, а население переселить вглубь страны и тщательно следить, чтобы оно не собиралось компактными группами. А вместо этих республик сделать одну Прибалтийскую и заселить жителями других регионов СССР.

Моему брехуну нечего было на это ответить. Открыто я, конечно, этого не показывал, но еще с прошлой жизни недолюбливал этих брехунов, а тут тем более. Власти много, а ответственности, считай, никакой. Сколько командиров они подвели под цугундер, вмешавшись в командование, пока наконец не отменили это дебильное двоевластие. Главное, что приказ изменял или отменял политрук, а за провал вследствие этого отвечал командир. Кретинизм чистой воды.

За следующий день мы вышли к Екабпилсу, который находился на берегу Западной Двины.

Одновременно выстраивалась новая оборона по обеим сторонам пробитого коридора, причем немалая роль тут отводилась маневренным группам, которые должны были своевременно ликвидировать любые попытки противника перерезать этот коридор. За два следующих дня, пользуясь отсутствием обороны, мои части, двигаясь по восточному берегу Западной Двины, достигли Риги, где и остановились, охватив ее по восточной части в полукольцо. Все присылаемые мне подкрепления шли на усиление пробитого коридора, так как попытки немцев его перерезать не прекращались. Подбить наши новые танки противнику было очень сложно, но если они останутся без топлива и боеприпасов, то станут легкой добычей.

Коридор получился шириной километров в 50, это позволяло достаточно безопасно наладить снабжение, но на этом мы не успокоились. Если с наружной стороны коридора строились в спешном порядке укрепления с использованием бронекапониров, то с внутренней немцев потихоньку выдавливали. В общей сложности в кольце оказалось около трехсот тысяч немцев. То, что не удалось Жукову в Харьковской операции, удалось мне. Пока было снабжение отрезанной группировки немцев по морю, но тут активизировался

Балтийский флот, в частности подводные лодки и авиация. Они устраивали охоту на немецкие корабли, которые поставляли припасы в котел, и немцы несли большие потери.

А в воздухе подчас завязывались настоящие сражения. Наши бомбардировщики летали под прикрытием истребителей, а немцы сопровождали истребителями корабли, вот и разворачивались настоящие сражения, когда немецкие истребители пытались не дать бомбить свои корабли нашим бомбардировщикам, а наши истребители – не дать помешать нашим бомбардировщикам бомбить немецкие корабли.

Одновременно с этим начались ожесточенные бои за Ригу. Город был большой, зданий много, как и возможностей устроить хорошо защищенные огневые точки в городе. Вот тут игодились «Костоломы» и ИСы, своими крупными калибрами подчас просто разносившие дома, в подвалах которых немцы устраивали огневые точки.

Бои шли страшные, и тут начало сказываться наше превосходство не только в тактике, но и в вооружении. Про тяжелые самоходки и танки с их крупным калибром, уничтожавшие здания, в которых засел противник, уже сказано, но вот во время обычных зачисток, когда простой пехотный Ваня в составе штурмовых групп освобождал здания от противника, наличие у наших бойцов гранат лучшей системы и автоматического оружия играло большую роль. Немецкие толокушки за счет длинной ручки были более удобны в поле, когда именно из-за ручки их было удобней кидать, и они летели немного дальше. А вот более компактная, мощная и совершенная лимонка была удобнее в тесных условиях городского боя, как и компактный и скорострельный ППС. Стандартная тактика городского боя, когда сначала в помещение летит граната, а затем очередь из автомата, позволяла моим бойцам с относительно небольшими потерями хоть и медленно, но верно двигаться вперед.

Скоро началась осенняя распутица, бои в поле потеряли былую напряженность, за это время коридор расширился в среднем до 100 километров, и временно наше продвижение встало, зато бои в Риге продолжились с прежним упорством. К середине октября вся восточная часть города стала нашей, немцы при отступлении

подорвали все мосты через Западную Двину, и мы, к сожалению, не смогли этому помешать.

Пока я остановил наступление в Риге, так как навести переправу под огнем противника было просто невозможно. Вернее, что-нибудь, может, и получилось бы, вот только наши потери при этом будут просто астрономические, а терять своих людей и технику понапрасну я не хотел. Через месяц ударят морозы, а к середине декабря река должна хорошо замерзнуть, вот тогда и продолжу наступление, а пока надо заняться окруженными немцами.

Пару недель, пока еще шли дожди и было относительно тепло, мои части отдыхали и пополнялись, а как только в начале декабря дороги замерзли, так сразу и продолжилась ликвидация окруженных гитлеровцев и их пособников из местных. При этом я приказал особое внимание уделить этим уродам, даже у мертвых необходимо было забирать документы, чтобы знать, кто это такой, и потом высылать их семьи в Сибирь. Я не знал, как изменится история в будущем, но не хотел, чтобы в конце века семьи этих поганцев рукоплескали выжившим мразям.

Я не спешил, доложить об успехе на месяц или два позже для меня было не принципиально. Зато сберегу своих людей, а подгонять такое к праздничной дате не по мне. Вот так не спеша я и давил немцев, их сопротивление постепенно ослабевало, так как заканчивались боеприпасы, а также уничтожалась техника и тяжелое вооружение. А тут еще и Ленинградский фронт перешел в наступление под Нарвой, так что очень скоро к немцам придет большой и толстый северный лис.

Глава 17

К этому наступлению Ленинградский фронт готовился с весны, хотя уверенности, что оно состоится, не было, так как тут все было завязано на Западный фронт и его командующего генерала Павлова. Лишь только после того как Павлов внезапным ударом опрокинул противника и провел успешное наступление на Ригу, тем самым рассекая надвое Прибалтийскую группировку противника и охватывая в кольцо его значительные силы, стало ясно, что это наступление будет.

Учитывая, что войскам придется переправляться через реку Нарву, командование Ленинградского фронта заранее озаботилось, и на заводах Ленинграда были изготовлены шесть тяжелых понтонных парков Н2П^[72].

В 6 часов утра стянутые в одно место гаубицы позволили создать плотность почти в две сотни стволов на километр фронта. И вот они все разом открыли огонь по противнику. Немецкие позиции на Западном берегу Нарвы скрылись в облаках разрывов, а к берегу реки в пяти местах стали сползаться трактора, которые тащили на себе понтоны. Через полчаса большая часть артиллерии перенесла свой огонь дальше, в глубину вражеских позиций, а оставшаяся сменила тип снарядов. Если до этого все орудия били осколочно-фугасными снарядами, стараясь разрушить немецкие укрепления, то теперь меньшая часть орудий перешла на дымовые снаряды, и весь вражеский берег заволокло густым белым дымом^[73].

Используя густую дымовую завесу, саперы принялись быстро наводить переправу через реку. Легкий морозец уже покрыл реку тонким льдом, но это не помешало саперам в кратчайшие сроки навести переправу, и по понтонному мосту на тот берег Нарвы устремились войска Ленинградского фронта.

Первыми на противоположный берег реки рванули десантники на бронетранспортерах, они быстро преодолели переправу и принялись с ходу зачищать прибрежные здания. Недостатка в гранатах и патронах не было от слова совсем, а потому в каждое помещение сначала летела граната Ф-1, а потом тройки и пятерки бойцов врывались внутрь, ведя

огонь на подавление из своих ППС. В ближайших к реке домах, вернее, в их развалинах, так как бои тут шли серьезные, да и сегодняшний артобстрел тоже внес свою немалую лепту, бойцы не встретили практически никакого сопротивления. Если кто живой и находился в подвалах зданий, то в основном это были оглушенные немцы, которых просто быстро добивали, чтобы не возиться с ними. После этого бойцы шли дальше.

За первой волной десанта через переправу двинулись танки, уж для своего фронта ленинградцы постарались и поставили два батальона новейших ИСов, которые, переправившись по одному через реку, стали расползаться по городу. За каждым тяжелым танком двигались по два-три бронетранспортера с пулеметами или автоматическими орудиями калибра 23 миллиметра, которые держали под своим прицелом верхние этажи домов и крыши, а уже под прикрытием их брони шла пехота.

Следом за танками снова пошла пехота, теперь по наведенным понтонным мостам нескончаемым потоком на вражеский берег двигались пехотинцы. Об этом моменте, когда они наконец смогут двинуться вперед, отбивая у захватчиков свою землю, они мечтали с самого начала войны, и вот теперь наконец это свершилось.

Двигаясь за огненным валом, пехота и бронетехника медленно, но верно теснила противника и все дальше и дальше выдавливала его из Нарвы. К вечеру следующего дня основные силы гитлеровцев были выдавлены из города, правда, зачистка развалин продлилась еще три дня, пока наконец все немцы и пошедшие к ним на службу прибалты не были уничтожены.

После таких интенсивных боев город был основательно разрушен, но и относительно целых зданий тоже хватало, просто не было ни одного дома, который не нес бы на себе следы прошедших боев. К нашему удивлению, в городе оказались и мирные жители, которых комендатура стала основательно трясти, выявляя предателей, сотрудничавших с немцами.

Через сутки, после того как войска немного отдохнули, привели себя в порядок и пополнились боеприпасами, Ленинградский фронт двинулся дальше, а в городе инженерные части принялись в срочном порядке строить стационарные мосты через реку.

На то, чтобы полностью уничтожить окруженных немцев, нам понадобилось чуть больше месяца. Практически полностью отрезанные от снабжения так как немногочисленные самолеты люфтваффе, которым удавалось прорваться и сбросить груз окруженным войскам вермахта, погоды не делали. Бои шли очень интенсивные и снаряды с патронами сгорали очень быстро, а новых не было, впрочем, как и топлива для немногочисленной уцелевшей техники.

Немцы принялись закапывать свои оставшиеся танки в землю, превращая их таким образом в неподвижные огневые точки, которые мы уничтожали без особого усилия. Наши танки и самоходки еще с дальней дистанции свободно их уничтожали, не приближаясь на опасную для себя дистанцию, таким образом все время тесня противника, а с Востока его теснили войска Ленинградского фронта.

У немцев в последнее время участились случаи массового дезертирства местных предателей, которые, почувствовав, что запахло жареным, стали разбегаться и прятаться по лесам в схронах. Кое-кому, конечно, удалось спрятаться, но основную массу мы все же выловили и уничтожили, а с середины декабря немцы стали сдаваться в плен.

Всех пленных тщательно сортировали, и если немцев отправляли в тыл, где они своим трудом должны были возместить весь причиненный ими урон, то предателей прилюдно вешали, так как ни одна такая тварь не должна была копить небо. Все мирное население также очень тщательно проверяли, а тех, кто сотрудничал с оккупантами, и их семьи при обнаружении немедленно вывозили в Сибирь и на Дальний Восток, на самые тяжелые работы.

Все это происходило под моим тщательным контролем. Я вам покажу парады эсэсовцев! Если в моем мире чуть ли не до середины пятидесятых годов в лесах скрывались националисты, то теперь, очень надеюсь, такого не произойдет, и я смогу хорошо вычистить всю эту гниль.

Наконец свои основные войска я стал отводить к Риге, готовясь в скором времени продолжить наступление уже в другую сторону, а вместо моих бойцов территорию стали чистить войска охраны тыла и НКВД. Войска Ленинградского фронта, после того как мы встретились, стали также возвращаться назад, так как теперь всю их немалую массу перекидывали на Карельский фронт. Прибыв в

Ленинград, они получили недельный отдых, во время которого не только отдохнули, но и основательно пополнились как призывниками, так и бойцами, выписанными из госпиталей. Одновременно с этим вся их техника проходила техобслуживание, после чего войска отправились на Карельский перешеек, где затем началось наступление.

Хорошо экипированные, вооруженные и обстрелянные войска с уже солидным боевым опытом, они с ходу, после мощной артподготовки, прорвали позиции финских войск и двинулись вперед. Пускай местность была не очень подходящая для бронетехники, особенно учитывая снежную зиму, но поголовное вооружение автоматическим и самозарядным оружием, а также наличие тяжелых пулеметов позволяло им просто подавлять противника огнем. Имея также численное преимущество перед финнами, войска в день продвигались на 5-10 километров вперед, оттесняя противника с захваченных территорий.

Начавшееся наступление заставило финское руководство серьезно обеспокоиться, так как окончательно стало ясно, что немцы не смогут выиграть в этой войне. А советские войска, пускай и не очень быстро, но продолжали двигаться вперед и скоро выйдут к границе, даже если не до Нового года, то к весне точно, а потом будет уже и Финляндия.

Но это все было на Карельском фронте, а я готовился к своей операции. К концу декабря лед на Западной Двине хорошо промерз, и я смог продолжить наступление.

23 декабря 1943 года, Рига

Опять рано утром наша артиллерия открыла ураганный огонь по противнику, одновременно с этим по берегу реки ударили дымовые снаряды, и как только противоположный берег затянуло белым дымом, на лед реки выкатились многочисленные бронетранспортеры и легкие танки, и вся эта армада устремила на противоположный берег.

Быстро преодолев замерзшую реку в бронетранспортерах, пехота высыпала из них и начала захватывать близлежащие дома, а тем временем саперы стали тащить на лед реки щиты из бревен и сразу сооружать из них своеобразную гать. Как только одни сбивали пару таких щитов вместе, другие тут же наваливали на них снег и поливали водой, тем самым скрепляя между собой бревна быстро образующимся льдом. Уже через пару часов мокрый снег окончательно

замерз, а на льду реки образовался своеобразный мост из бревен и льда, по которому на тот берег Риги и устремились танки.

На всякий случай я не стал сразу отправлять туда тяжелые КВ и ИСы, а только средние Т-44, но и этого было достаточно. Толстая броня и мощное орудие хорошо поддерживали нашу пехоту в городских боях, позволяя с легкостью подавлять вражеские огневые точки.

После прохода средних танков саперы снова стали активно заваливать переправы снегом и водой, таким образом к следующему утру все они хорошо промерзли и без труда могли выдержать вес тяжелых танков и самоходок, так как по весу они не отличались от тяжелых танков ^[74].

Таким образом, на следующий день в бой пошла тяжелая бронетехника, и относительно медленно, но верно мы теснили противника, каждый день отвоевая в ожесточенных городских боях все новые территории. Учитывая размеры Риги, быстро выбить из нее немцев и прибалтов не получилось, тем более, что тут у них особых проблем со снабжением не было. Хотя мы и охотились за немецкими колоннами снабжения, но все их уничтожить были просто не в состоянии, а потому и топлива и боеприпасов у противника хватало.

Все это время я проводил в своем новом штабе, куда переехал на время операции. Сам штаб располагался в глубоком подвале, раньше тут была лавка или магазин какого-то богатого торговца. Сам дом был лишь слегка поврежден, только крыша и фасад его пятого этажа, а вот глубокие подвалы – нет. Кроме того, из подвалов было три выхода, причем два из них – за пределами самого дома, так что даже если сам дом обрушится, то подвал уцелеет, и из него будет два целых выхода. Вот оттуда я и руководил всей операцией.

Бои за Ригу продолжались больше месяца, лишь на Новый год я сделал однодневную передышку, пускай мои бойцы хоть немного отдохнут, но в середине января мы окончательно выдавили немцев и националистов из города, после чего всего за неделю отодвинули фронт километров на 40–50 от города. В чистом поле было намного легче, а артиллерию с авиацией можно было использовать на полную катушку, как и бронетехнику, все же в городе она не может использовать все свои преимущества.

Всего в общей сложности немцы в этой операции потеряли почти полмиллиона своих солдат и офицеров, и это не считая большого количества различной техники и артиллерии. А мы освободили половину Прибалтики.

После этого, оборудовав новые позиции на отбитой у противника территории, я приказал сделать передышку. Мои войска перешли к обороне и стали потихоньку пополняться личным составом, техникой и вооружением. Теперь до весны они будут отдыхать и пополняться, а весной видно будет, я сам не загадывал так далеко вперед, тут все будет зависеть от командования и наших успехов на других участках фронта.

Кстати, на Новый год произошло одно очень важное событие, если в моей истории после победы в Сталинградском сражении Сталин подписал приказ о замене петлиц на погоны и переименовании бойцов и командиров в солдат и офицеров, то в новой истории это произошло на год позже, но все равно произошло.

22 января 1944 года, Кремль, Москва

Получив данные о делах Павлова, Мехлис решил, что это очень удобный случай наконец с ним покончить, поэтому он и явился на доклад к Сталину.

— Товарищ Сталин, по линии политотдела я получил информацию о противоправных действиях генерала Павлова. По его личному распоряжению и под его личным контролем проводятся массовые казни. Кроме того, он неоднократно высказывался против национальных республик в Прибалтике. По его мнению, необходимо ликвидировать все три республики, а большую часть населения выслать в Сибирь и на Дальний Восток, причем не компактно, а расселив их по большой площади, а все три республики объединить в одну.

Вы представляете, какие слухи об этом пойдут в стране, по-моему, генерал Павлов дискредитирует звание советского генерала, и его необходимо срочно отстранить, после чего провести самое тщательное расследование. Кроме того, он постоянно вставляет палки в колеса политотделу, я думаю, что все это звенья одной цепи, и на деле генерал Павлов является хорошо замаскированным троцкистом.

Выслушав это, Сталин устало произнес:

– Лева, успокойся, я уже говорил тебе: оставь Павлова в покое. Я понимаю, у него нет уважения к твоему политотделу, но это еще не повод отстранять от командования грамотного и умелого командующего. Кстати, он мне при встрече рассказал кое-что, что отнюдь не красит твоих работников. Не подскажешь, сколько командиров у нас отвечали за дела, которые натворили твои работники, сунувшись в управление войсками, и сколько из них потом были за это наказаны. А ведь они там такого натворили, когда своими неумелыми действиями сорвали проводимые операции. Молчишь? Твоя задача – следить за моральным обликом и боевым духом бойцов и командиров, а не влезать в руководство операциями. Павлов просто не побоялся поставить твоих политработников на место, приказав им не вмешиваться в управление войсками и делать именно свою работу, вот ты на него и взъелся.

– Но, товарищ Сталин, а как же его приказ вешать без суда всех, кто пошел на сотрудничество с немцами, а их семьи высылать из Прибалтики?

– И что тебе тут не нравится? Он чистит освобожденную территорию от подрывных элементов, тут разве что товарищи Берия, Меркулов и Абакумов могли возмутиться, что Павлов присвоил себе их полномочия на освобожденных территориях^[75].

– Это они могли еще возмутиться, что Павлов влез в их огород, а тебе какое до этого дело? Ты, Лева, кстати, читал о том, как прибалты летом 41-го года стреляли в спины нашим бойцам и командирам и с какой охотой они пошли служить немцам. Павлов все делает правильно, раз представился случай, значит, надо основательно вычистить этот гадюшник, и его идея о слиянии всех трех республик в одну не такая плохая, позволит понизить градус национализма в них. Короче, Лева, я тебе в последний раз говорю: оставь Павлова в покое!

Мехлис вышел от Сталина в расстроенных чувствах: казалось, беспроегрышная карта была бита. Хозяин полностью поддержал Павлова и его действия, и если он сейчас и дальше продолжит копать под Павлова, то навлечет на себя гнев Сталина. Придется затаиться и ждать, и в следующий раз не самому сообщать компромат на Павлова, а найти его недругов или завистников и действовать уже через них.

Разгромом Прибалтийской группировки немецкие неприятности не окончились, за это время Жуков и Рокоссовский пополнили свои войска живой силой и техникой, и в конце января тоже перешли в наступление. За это время лед на Днепре очень хорошо промерз и выдерживал вес танков, но на всякий случай саперы тоже навели гати из бревен под танки, и утром 29 января 1944 года Центральный и Южный фронты перешли в наступление.

Жуков, переправившись через Днепр, окружил Киев, выставил заслон и двинулся через Белую Церковь на Умань. С одной стороны, он не хотел нести лишних потерь в городских боях, а они были бы большими, так как немцев было много, и они имели хорошие запасы продовольствия и боеприпасов. С другой стороны, интенсивные бои грозили просто полным уничтожением городу, да и времени на это понадобится много, как и сил, которые были нужны ему в другом месте.

В свою очередь Рокоссовский, переправившись через Днепр у Херсона, двинулся на Умань через Николаев, повторяя неудавшуюся Николаевскую операцию, только на этот раз все было совершенно по-другому. Так же, как и Жуков, оставив у Херсона и Николаева достаточно сильные заслоны, которые полностью блокировали эти города, он всей массой своих войск устремился вперед, и 12 февраля под Уманью его войска встретились с войсками Жукова.

Огромный кусок территории с почти полумиллионной армией противника оказался в гигантском котле. Пользуясь тотальным превосходством в бронетехнике, наши войска мгновенно пресекали все попытки прорвать котел.

Если по бронетранспортерам благодаря американским заводам СССР и до войны обогнал немцев, то по танкам после их поражения под Харьковом тем более превосходил. Если на один немецкий бронетранспортер приходилось 3–4 наших, то в танках на один немецкий был десяток наших танков, причем средних и тяжелых. Постепенно шло замещение уже устаревших за пару лет войны Т-34 и КВ на новейшие Т-44 и ИС.

Многочисленные мангруппы из 3–4 танков и десятка бронетранспортеров с пехотой достаточно легко пресекали попытки

небольших групп немцев прорваться, а в случаях, когда противника было много, прибывала танковая рота и батальон мотопехоты, в которую официально переименовали механизированные части, теперь это были мотострелки. Вооруженная автоматическим и самозарядным оружием, пехота, при поддержке бронетранспортеров и танков, огнем давила противника, благо, что проблем с боеприпасами не было, их своевременно подвозили. А вот проблемы немцев с топливом и русской зимой, которая просто катастрофически сжирала его, снизили их мобильность очень значительно.

Также перешли в наступление и оставшиеся войска, пока еще крепкий лед, они пересекли Днепр и стали медленно давить на немцев. По максимуму используя артиллерию, они не спеша двигались вперед, выдавливая противника. Основные заминки происходили именно в населенных пунктах, но тут массовое использование бронетехники позволяло делать это достаточно эффективно, с относительно низкими собственными потерями. Приходилось ограничивать себя в применении артиллерии, так как практически в каждом населенном пункте были гражданские.

Постепенно у немцев заканчивались боеприпасы, и обороняться им становилось труднее с каждым днем. Воздушный мост почти не работал, да и сколько можно перебросить самолетами для такой крупной группировки войск. За это время войска Рокоссовского зачистили Херсон, и он полностью стал наш, а вот западная часть Киева и Николаев пока были у немцев, хоть и в окружении.

Опыт прошедших городских боев не прошел даром, и для штурма городов были созданы специальные штурмовые части. Пехоту защищали стальными нагрудниками и более тяжелыми, но и более толстыми касками. Вот по две такие штурмовые дивизии, сформированные в пропорции 50 на 50 из уже опытных бойцов и новобранцев, подходивших по физическим параметрам, а брали туда только очень крепких мужчин, приступили к штурму Киева и Николаева.

Не размазываясь по всему городу, они компактными группами по батальону, при поддержке бронетехники, вошли в города и принялись выбивать немцев. Если в домах они не опасались применять гранаты, то вот в подвалах приходилось осторожничать, так как в городах было полно мирных жителей, которые в них как раз и прятались. Кроме

кирас бойцы использовали и стальные щиты. Эта экипировка полностью защищала от немецких автоматов, но вот винтовочную пулю не держала, хотя очень сильно ослабляла, а щит, имевший наклонную форму, сильно смазывал очертания бойца, и сразу после выстрела, пока немецкий солдат перезаряжал свой карабин, его просто засыпали пулями из автоматов. Потому наши потери были достаточно небольшими, а раны у бойцов в основном средней тяжести.

К середине апреля освободили Николаев, а к концу месяца и Киев, за это время котел основательно сжался, а количество немцев хорошо сократилось. Если с продовольствием у них больших затруднений не было, то вот боеприпасы к этому времени почти закончились, как и практически вся техника. Та, что еще не была уничтожена, просто стояла без топлива, которого не осталось совсем. К этому времени все больше и больше солдат противника стали сдаваться, и котел все быстрее сжимался, пока к началу мая остатки немецких войск полностью не сдались. Наносимые удары, один за другим, не только подрывали моральный дух немцев, но и заставляли задуматься их союзников.

Весной войска Карельского фронта вышли к государственной границе и перешли ее, после чего финское правительство запросило перемирия для заключения мира. В Москву прибыла финская делегация, сделано это было тайно, и в ходе четырехдневных переговоров 21 мая между СССР и Финляндией было подписано мирное соглашение.

Согласно этому соглашению, финские части незамедлительно покидают еще захваченные советские территории и интернируют немецкие части на своей территории, а кроме того, Финляндия выплачивает СССР контрибуцию.

Для Сталина это, откровенно говоря, было неожиданно, можно было, конечно, добавить Финляндию и вернуть ее в состав страны, но при этом будут большие потери. Помимо того, это решение позволит уже сейчас высвободить большую часть войск, которые требуются на Западном фронте. Именно поэтому Сталин согласился на переговоры и заключение мирного договора с Финляндией.

Интернировать немецкие войска не получилось, да финны и не старались это сделать, немцам просто дали возможность срочно передислоцироваться в соседнюю Норвегию. В итоге остался только

небольшой участок Северного фронта на границе с Норвегией, где продолжались бои, а так финны немедленно ушли, кроме того, они вернули всех наших пленных, которых до этого захватили в плен. После этого вдоль всей границы снова стали патрулировать наши пограничники, но кроме них осталась и часть войск. Основная же часть войск Карельского фронта была переброшена на Запад^[76].

Все это время я пополнял свои войска и готовился к новым боям, а так как у меня было меньше войск, чем у Жукова и Рокоссовского, то и планировать котлы я не мог, по крайней мере такие большие.

Оставив Ригу после того, как мои бойцы ее захватили, я вернулся в свой старый штаб. Учитывая, что мои силы сильно размазались, думал просто начать планомерно теснить немцев, используя танки. Бронегруппы прорывают их оборону и, не сильно отдаляясь от передовой, вовсю резвятся в ближнем немецком тылу, создавая у противника панику, после чего основные войска медленно переходят в наступление, вынуждая немцев отступать.

Но после того, как Ленинградский фронт был в полном составе переброшен на Карельский и смог вывести Финляндию из войны, основная часть Ленинградского и Карельского фронта была переброшена в Прибалтику, и организован Прибалтийский фронт. С началом прибытия этих войск я смог приступить к выведению из Прибалтики уже своего войска, тем самым повышая их плотность на своем фронте.

После того как произошло полное перемещение войск, 13 июня 1944 года мой фронт перешел в наступление. Разумеется, перед этим наступление было согласовано с Генштабом и Ставкой, и его начало было самым обычным. После артподготовки вперед двинулись танки и штурмовые самоходки, которые огнем своих орудий уничтожали уцелевшие огневые точки противника, а уже за ними шла пехота и бронетранспортеры.

Испытывавшая тотальный дефицит тяжелой бронетехники немецкая армия мало что могла нам противопоставить. Поступавшие на фронт в больших количествах противотанковые орудия также быстро и уничтожались, так как были самыми первыми целями как для танкистов, так и для пехотинцев.

Вперед двинулся разом весь фронт, а немцы, которые еще не успели отойти от последних поражений, стали лихорадочно

перебрасывать в Белоруссию подкрепления, порой ослабляя другие участки фронта. Мои войска, как гидравлический пресс, медленно, но неукротимо двигались вперед. Пускай в среднем они проходили километров 10 в день, но и это не позволяло немцам создать мощные укрепления, а все, что они строили, достаточно легко уничтожалось, и примерно за месяц мы достигли Минска.

Вот тут я и сделал ход конем. Противник уже привык к нашему неторопливому продвижению, а я, окружив город и быстро создав оборону, причем мы заняли свои старые позиции с бронеканонирами, которые так и остались тут с 41-го года, всей основной массой войск ударил на Вильнюс. Я хотел окончательно решить прибалтийский вопрос и не тянуть до конца войны, как было в моей истории^[77].

Примерно 200 километров от Минска до Вильнюса мы преодолели за три дня. Стальной таран из Т-44 и бронетранспортеров, сметая все на своем пути, просто проломил коридор, который мгновенно заполнила мотопехота. Расширив пробитый коридор километров до двадцати, мои части окапывались, создавая новую линию обороны, и одновременно с этим начинали давить на Восток, отодвигая немцев от пробитого коридора.

Сразу после этого перешел в наступление и Прибалтийский фронт, а немцам просто не хватало сил на все, и это с учетом того, что Жуков и Рокоссовский тоже пошли вперед. Получалось, что по всей линии фронта наши части двинулись в наступление, и немцам было просто невозможно теперь снять часть своих сил с одного участка фронта, чтобы перебросить его на другой. Еще через два дня уже Каунас оказался в кольце, а на очереди была Клайпеда.

Поняв, что если немедленно не вывести войска из Прибалтики, то они будут потеряны, немецкое командование отдало приказ немедленно отступать. Разумеется, что за оставшееся время много вывести было невозможно, и, несмотря на сильные заслоны, на то, чтобы выйти к берегу Балтийского моря у Шилуте, нам потребовалась неделя. Примерно половина немецких войск не успела выйти и сейчас как раз откатывалась к Клайпедо, чтобы попытаться морским путем вернуться в Германию. Знаковым было то, что 1 августа мои части вступили на территорию Пруссии, о чем вечером того же дня торжественно заявил Левитан на всю нашу страну.

Глава 18

2 августа 1944 года, Белоруссия

Приказ Сталина о присвоении мне звания маршала стал полной неожиданностью. Да, не скрою, было приятно: из генерал-майора в отставке дорасти до маршала, об этом я не мог и мечтать и, в принципе, ничуть не жалел, что высшие силы забросили меня в тело генерала Павлова. Кроме новой жизни я получил возможность изменить ход войны, и, на мой взгляд, изменил в лучшую для нас сторону, по крайней мере, наши потери с моей помощью стали в разы меньше. Пускай раньше война не закончится, хотя кое-какие события произошли раньше, но на общий ход войны это не повлияет, главное, что наши потери, как мирного населения, так и солдат, значительно меньше, а это основное, чего я хотел добиться. Теперь, хотя в Прибалтике мы уже вышли на территорию Германии в Восточной Пруссии, основная задача передо мной на данный момент была в полном очищении Белоруссии от противника.

Две недели потребовалось, чтобы полностью зачистить остатки Прибалтики, благо, что немцы и сами старались поскорее оттуда свалить. Все немецкие части отходили к Клайпеде, откуда их вывозили, по мере возможности, на кораблях, а мы этому всячески мешали.

На Балтийском море развернулись настоящие сражения, и хотя наши большие корабли в них участия не приняли, так как это было слишком опасно, но вот подлодки и торпедные катера рубились страшно. Если подлодки просто поджидали немецкие конвои, то торпедные катера пытались под покровом ночи атаковать противника.

Своя битва, не менее ожесточенная, шла и в воздухе, в итоге, несмотря на собственные большие потери, удалось отправить в объятия Нептуна примерно половину немецких транспортов. Что удивительно, Гитлер не призывал оборонять Клайпеду до последнего солдата Рейха, видимо, даже до этого несостоявшегося художника дошло, что немецкие солдаты будут более полезны ему в самом Рейхе.

В итоге 15 августа под огнем наших танков порт Клайпеды покинул последний немецкий корабль с остатками немецких войск.

Сразу после этого мои войска вернулись назад и принялись выдавливать немцев из Белоруссии. Также за это время был отбит Минск, защищавшая его группировка немцев была просто уничтожена. Большое количество бронетехники поддерживало штурмовые группы, которые планомерно зачищали дом за домом, выдавливая немцев от окраин города к его центру. Пулеметы бронетранспортеров подавляли любые огневые точки противника, а если попадалось орудие, то выезжал танк или самоходка и прямым огнем уничтожал вражеское укрепление. Основные потери несла пехота, бронетехника страдала мало, а безвозвратных потерь практически не было.

Вот так за пару недель мы и зачистили Минск, после чего я перенес в него свой штаб, причем, на старое место, которое, к моему удивлению, уцелело. Битые стекла окон и выщербины на фасаде не в счет, главное, что само здание уцелело, и даже внутри был порядок, так что после того, как там заменили стекла в окнах и протянули линии связи, я снова занял это здание. Разумеется, перед этим его очень тщательно проверили саперы, но никаких сюрпризов не нашли.

Клаус Ортвиг, командир части охраны тыла

Пришедший приказ несколько не обрадовал Гауптмана Ортвига: ему приказывалось сжечь вместе с населением деревню, в которой он был расквартирован, и соседнюю с ней, после чего передислоцироваться дальше в тыл. Русские слишком сильно давили, и немецкие части хоть и медленно, но отступали. Тут дело было не в том, что гауптман был жалостливым, хотя ему на самом деле была очень неприятна такая работа. Нет, основным неприятием этого приказа было другое. Хотя командование и пыталось замалчивать подобные факты, но, как говорят русские, шила в мешке не утаить.

При отступлении командование постоянно отдавало такие приказы, вот только русские на это реагировали очень остро. Над немецкими позициями сбрасывались листовки, в которых сообщалось, что все замешанные в расправах над мирным населением будут уничтожены, а их семьи в Германии арестованы, когда русские туда войдут. То, что такое случится, с каждым днем становилось все яснее по мере отступления, так как граница с Рейхом становилась все ближе. Кроме того, листовки были с фотографиями повешенных немецких

солдат, да и так среди камрадов ходили слухи, когда и где попавшиеся русским немецкие солдаты, повинные в расправах над мирными жителями, были повешены.

Именно это и было основным фактором, который делал полученный приказ очень нежелательным. Клаус долго размышлял, что ему делать. С одной стороны, очень не хотелось оказаться повешенным русскими, а такая вероятность была достаточно высокой, а с другой стороны, игнорировать приказ он не мог. Гауптман стоял перед окном и невидяще смотрел в него, когда показавшаяся фигура сына хозяйки натолкнула его на хорошую мысль.

Сыну хозяйки дома, в котором он квартировал, было 14 лет, и его звали Дмитрий, хотя сам гауптман называл его Дитрих, ему так было намного легче, чем звать того русским именем, не надо коверкать язык. Оказалось, что Дитрих достаточно неплохо знает немецкий язык, учил его в школе. Вот его гауптман и позвал:

– Dietrich, komm zu mir!^[78]

Сын хозяйки зашел в комнату гауптмана спустя минуту, при этом он не смог скрыть ненависти в глазах, но Клаус не обратил на это внимание. Его денщик Пауль отсутствовал, и это было отлично.

– Дитрих, слушай меня внимательно, я получил приказ сжечь твоё село вместе с жителями, а кроме того, и соседнюю Жюковку. Не исполнить приказ я не могу.

Клаус с сильным искажением произнес название соседней деревни.

– Завтра я сначала отправлюсь со своими солдатами в соседнюю деревню и только потом, вернувшись оттуда, сожгу вашу. Ты понял, что тебе надо сделать?

Димка оторопело смотрел на немца, он никак не ожидал от него такого. Это что получается, он хочет, что бы он, Димка, сначала предупредил жителей Жуковки, что завтра их придут жечь, а потом и своих. Значит, не исполнить приказ он не может, деревни сожжет в любом случае, только одно дело – жечь их с жителями, а другое – одни дома. Такого он от немца не ожидал, но он дал им шанс выжить. Кивнув, Димка опрометью бросился во двор, где возилась мать.

– Мам, наш немец мне только что сказал, что завтра он сначала с утра отправится в Жуковку, которую сожжет вместе с жителями, а потом вернется сюда и сожжет уже нас.

Мать застыла на некоторое время, осознавая услышанное.

– Дим, ты ничего не путаешь?

– Нет, мам.

– А с чего это немчура такая добрая, что предупреждает нас?

– Знаешь, я тут слышал, солдаты между собой обсуждали, как в полном составе уничтожили роту, которая отличилась в казнях мирного населения. Говорят, что наши таких в плен не берут, или сразу пристрелят, или чуть позже повесят.

– Ладно, сейчас беги в Жуковку, скажешь там все деду Макару, а затем – домой, а я сама тут скажу кому надо.

Когда сын убежал в соседнюю деревню, Прасковья пошла к деду Мирону, который был старостой деревни. Когда сюда пришли немцы, то, к удивлению всей деревни, дед Мирон встретил их хлебом и солью, за что его и назначили старостой деревни. Вначале все недоумевали, думали, что у деда на старости лет голова поехала, но все оказалось совсем по-другому.

Решив, что лучше, если новая власть будет из своих, дед Мирон и подсуетился. После своего назначения старостой он сходил еще к пятерым мужикам, все они были уже в возрасте и поэтому не попали в армию, да и произошло все достаточно быстро.

Вначале мужики, только услышав, что предлагал им дед Мирон, его посылали, но после того, как он объяснял, почему это делает, меняли свою точку зрения.

В итоге в деревне появились пятеро местных полицаев, а для жителей деревни все стало ясно, когда один из новоявленных полицаев пришел в дом к бабе Дуне и сказал, что раненый командир, которого она прячет у себя в сарае, может подставить всю деревню, а потому он его ночью перевезет на заимку. За пару дней семерых раненых бойцов и командиров Красной армии, которых прятали жители деревни, перевезли на небольшую заимку в лесу, она использовалась как пристанище охотников. Хоть и разместились они там с большим трудом, зато дорог к ней не было, да и место достаточно безопасное. Позже из этих бойцов и командиров вырос небольшой, но очень кусачий партизанский отряд, куда вошли другие окруженцы, те, кто смог сбежать из плена, и немного местных жителей.

На следующий день рота гауптмана Ортвига выдвинулась в соседнюю деревню, которая была в 12 километрах от них. Прибыв в

деревню, немцы не обнаружили в ней жителей, поэтому просто сожгли дома и вернулись назад, но и тут тоже уже никого не было. После того как солдаты подожгли деревню, рота покинула ее и направилась к месту новой дислокации.

Все это время за ними из леса наблюдали Димка и пара деревенских мужиков. Им было до смерти жаль своих домов, но жизнь дороже, дома они потом и новые отстроят, благо, что леса море, надо его только срубить и высушить. Сегодня утром, как только немчура уехала, вся деревня, забрав с собой оставшуюся немногочисленную живность, ушла в лес, где они давно приготовили себе землянки. Там вполне можно было перекантоваться несколько недель. То, что немцы драпают, было ясно, канонада с востока с каждым днем была все громче, значит, очень скоро тут будут свои.

Гауптман Клаус Ортвиг тоже был доволен: хоть он и сжег русские деревни, как ему приказали, но местных жителей не убивал, а не исполни он приказ, об этом быстро стало бы известно начальству, и тогда его могли и расстрелять, а так и приказание начальства выполнил, и мирное население не убивал.

* * *

После того как мои части вернулись в Белоруссию, командование Прибалтийским фронтом принял генерал армии Конев, после зачистки территории войсками он стал наступать вперед, правда, учитывая дефицит солдат, двигался достаточно медленно.

В тылу начали действовать войска охраны тыла и группы СМЕРШа, которые вычищали леса от лесных братьев. Уже получившие достаточно опыта в таком деле, они методично их зачищали, причем всех пойманных в конечном итоге ликвидировали, а их семьи высылали в Сибирь и на Дальний Восток.

Таким образом терялась база для успешных действий оставшихся националистов, кое-кто из них, видя что получается, хотя сам и не сдавался, но старался легализоваться и затем спокойно жить. Среди таких искали в основном только тех, кто успел основательно замараться кровью, на остальных махнули рукой. Многих из них, кто подходил по возрасту, призвали в армию, вот так им и пришлось

воевать против своих хозяев, но желание выжить оказалось сильнее. В лесах остались только самые фанатичные и те, кто уже успел основательно наследить и потому прекрасно понимал, что пощады и прощения не будет.

К концу сентября я окончательно освободил Белоруссию, а Конев подошел к Кенигсбергу. Поскольку Кенигсберг был немецким городом, причем достаточно знаковым, то тут Гитлер приказал своим войскам стоять насмерть и ни в коем случае не сдавать город.

Для начала Конев окружил Кенигсберг и отодвинул линию фронта километров на 50 от него, тем самым взяв его в плотное кольцо. Бои были очень ожесточенными, так как теперь Красная армия вступила на территорию Рейха, но Конев, отодвинув линию фронта от Кенигсберга, перешел там к активной обороне, а основные силы сосредоточил на взятии города. Не желая лишних потерь, он использовал показавшую себя с самой лучшей стороны тактику уничтожения опорных пунктов и огневых точек.

Тяжелые штурмовые самоходки и танки ИС выдвигались вперед и огнем своих крупнокалиберных орудий прямой наводкой уничтожали или повреждали укрепления немцев, после чего вперед выдвигались бронетранспортеры с пехотой, которая и зачищала вражеские укрепления. Таким образом за неделю он взял все форты, которые защищали подступы к городу.

После того, как замолкали орудия и пулеметы обороняющихся, пехота могла вплотную подойти к укреплениям противника, и тогда в амбразуры летели гранаты и бутылки с зажигательной смесью, а саперы, которые были в порядках пехоты, подрывными зарядами вскрывали бронированные двери укреплений, после чего начиналась стандартная зачистка. Расход гранат и патронов был просто ужасающим, зато потери среди пехотинцев минимальными.

Когда все форты и другие укрепления были взяты, началась битва за сам город. Примерно половина населения успела уехать, но и осталось тоже немало, и теперь всех мужчин мобилизовали, благо оружия хватало. Почти месяц пришлось зачищать город, и тут Конев тоже особо не церемонился. Хотя специально мирных жителей не убивали, но и не особо следили при зачистке, есть они в доме или нет. Весь город был в развалинах, более половины зданий оказались разрушены, так как при упорном сопротивлении просто подгоняли

самоходку или ИС, и они своими тяжелыми снарядами уничтожали огневую точку вместе с домом. К концу октября 1944 года остатки гарнизона Кенигсберга капитулировали. Конев, дав своим войскам неделю на отдых и пополнение, продолжил наступление.

Пока Конев воевал в Прибалтике и Восточной Пруссии, я методично выдавливал немцев уже в Польше. Можно, конечно, было попробовать снова провести прорыв и охват противника, но вот только на носу было Варшавское восстание. Оно должно было произойти независимо от меня и моих желаний. Главное, что его инициаторами были польское правительство в изгнании и англы, а это шло в противовес нашим планам. Когда мы вошли в Брест, то я попридержал свои войска, и мы ударили на Белосток. Как раз тут и началось Варшавское восстание, а я срочно вылетел в Москву.

7 октября 1944 года, Кремль, Москва

На прием к Сталину я попал без проволочек, сразу, как только прилетел.

— Здравия желаю, товарищ Сталин.

— Здравствуйте, товарищ Павлов, что за срочность заставила вас прибыть ко мне?

— Варшавское восстание, товарищ Сталин.

— И что с ним не так?

— То, кто именно его инициировал. Сейчас англичане и панское правительство Польши постараются загрести жар нашими руками. Я приказал своим войскам пока не двигаться в сторону Варшавы, пускай зачищают окрестности. Нам совершенно не выгодно проанглийское восстание, зная гонор и чванство панов, они сразу начнут ставить нам палки в колеса, а зачем это нужно? Пускай немцы сначала раскатают их в тонкий блин, и только потом мы двинемся вперед.

— А как же мирное население, товарищ Павлов?

— Для меня намного важнее жизни своих бойцов, чем жизни пускай и мирного, но чужого населения. К тому же, как говорят, не в коня корм. Мы для поляков всегда были, есть и будем врагами, впрочем, как и для всего западного мира.

— Почему?

— Они считают себя господами, кому все должны повиноваться, и не важно, какой у нас строй, но пока мы не начнем исполнять все их

желания и позволим себя грабить, мы будем для них врагами. Возможны только временные союзы, когда это выгодно им, и они мгновенно забудут о всех своих обещаниях и договорах, как только перестанут видеть выгоду.

– Значит, по вашему мнению, нам следует немного подождать?

– Да, товарищ Сталин, пусть немцы раскатают восставших, в противном случае они, как представители правительства, начнут выставлять нам условия.

– Хорошо, товарищ Павлов, я вас услышал, можете пока не торопиться с наступлением на Варшаву.

* * *

После ухода Павлова Сталин еще раз прокрутил в голове прошедший разговор. Он и без Павлова придерживался того же мнения, к тому же наступление на Варшаву не подготовлено и потребует значительных сил, а также и потерь, которые он не хотел нести. Это восстание с ним никто не согласовывал, а значит, и поддерживать его он не будет.

Через день английский посол, напросившись к нему на прием, попросил помочь восставшим, на что Сталин ответил, что он бы и рад, но войска устали, и требуется время на их отдых и пополнение.

Через две недели немцы задавили восстание, а войска Конева и Павлова, еще немного продвинувшись вперед, остановились. Если в Пруссии и в Польше пока наступила пауза, то на Украине Жуков и Рокоссовский ускорились. Рокоссовский наступал на Одессу и Кишинев, а Жуков – на Винницу и Житомир. Как ни хотелось Сталину развивать дальнейшее наступление на Германию из Пруссии, но в первую очередь следовало освободить свои захваченные земли, а потому и все резервы в основном шли на Украину. Вечером 19 октября передовые части армии Рокоссовского вышли к Одессе, а через два дня вокруг города замкнулось кольцо. Из-за двух вытянутых озер пришлось потратить много времени, пока не получилось полностью взять Одессу в кольцо. Здесь оборонялись как немцы, так и румыны, а также две испанские дивизии, как говорится, каждой твари по паре.

Два дня Рокоссовский подтягивал войска и припасы, а утром 24 октября без артподготовки наши части пошли на штурм города. Весь день шли ожесточенные бои, в ходе которых мы смогли приблизиться к городским домам, преодолев полевые укрепления противника.

Утром следующего дня в порт Одессы в полном составе вошел весь Черноморский флот с несколькими транспортами. Корабельные орудия готовы были мгновенно подавить любое сопротивление, а с кораблей на берег принялись десантироваться две пехотные дивизии. В воздухе все время кружили наши истребители, и когда немцы попытались прорваться к кораблям, то в небе завязалась ожесточенная битва. Обе стороны потеряли много самолетов, но ни один вражеский самолет так и не пробился к эскадре.

Скрывавшиеся в катакомбах все это время партизаны вышли наружу, и у десанта появились проводники, которые могли провести их куда угодно. Ударные группы появлялись из-под земли в разных местах и, не жалея патронов, давили любое сопротивление противника. Легче всего было воевать с румынами: мамалыжники совсем не держали удар и были хороши только против мирного населения, но и их не жалели. У партизан скопился очень большой счет к ним, так как румыны зверствовали сильнее немцев, а потому в плен их не брали.

Бои разрастались, и скоро весь город был в огне. Наши бойцы с помощью партизан появлялись повсюду, и противник не знал, куда бросать подкрепление. Все склады продовольствия и боеприпасов были известны подпольщикам, и теперь они один за другим поджигались диверсионными группами, и скоро оставшийся противник стал испытывать острый недостаток и того, и другого. И если нехватку продовольствия еще можно было потерпеть, то вот отсутствие патронов сказывалось самым плачевным образом, уже через четыре дня практически нечем стало стрелять, и немцы с испанцами стали сдаваться в плен.

Румыны быстро просекли, что их в плен не берут, и им поневоле пришлось сражаться до конца, чего ранее никогда не случалось, так как вояки из них были совсем никудышные.

Вечером 12 ноября Одесса была полностью освобождена, а в городе шли масштабные зачистки в поисках спрятавшихся оккупантов.

В свою очередь и Жуков достаточно быстро продвигался вперед, задержки случались только в достаточно крупных населенных пунктах, так как на их зачистку требовалось время. В армию непрерывным потоком шла техника, пешком наша пехота уже давно не передвигалась, только на машинах и бронетранспортерах, и такое превосходство и в количестве, и в качестве техники играло решающую роль в боях на открытой местности.

Наши армии просто залавливали противника огнем и броней и потому достаточно легко двигались вперед. Немцы не успевали создать достаточно мощные укрепления, а обычные полевые долго нас не задерживали. После короткого артобстрела вперед шли танки, за ними – бронетранспортеры, а самоходки с места поддерживали их огнем, подавляя огневые точки противника. Достаточно быстро Жуков достиг Винницы и Житомира, а затем двинулся на Львов и Луцк.

Теперь снова настала моя очередь, и из Бреста и Белостока двумя колоннами моя армия ударила на Варшаву. Восстание немцы подавили, и теперь можно было свободно наступать, что я и сделал. Одновременно со мной вперед двинулся и Конев. Он наступал на Гданьск, и его задачей было пробить коридор непосредственно до самой Германии. Что интересно, если в Прибалтике мы раньше, чем в моей истории, выбили немцев, то вот в других местах освобождение шло медленней.

Но ничего удивительного тут не было, ведь история пошла по другому пути, пусть со скрипом, и порой частично возвращалась на проторенный путь, но все же новой дорогой. Взять хотя бы наши потери, они были в разы меньше и в армии, и среди мирного населения, ведь не было катастрофического разгрома лета 41-го, когда мы потеряли миллионы бойцов. А замедление освобождения было естественным, ведь теперь генералы не гребали бойцов в бессмысленных атаках.

Начавшееся перевооружение армии продолжалось, и в войска широким потоком потекла новая техника, превосходя и по качеству, и по количеству немецкую. Своевременно закупленные в Америке и построенные в глубине страны автомобильные заводы, выйдя на полную нагрузку и круглосуточную работу, производили сотни тысяч различных бронетранспортеров, тем самым обеспечив нам многократное превосходство над противником.

Многочисленные колесные и гусеничные платформы бронетранспортеров несли на себе различное вооружение, давая тем самым возможность применять практически все с очень высокой мобильностью. Все минометы калибра 120 миллиметров монтировались исключительно в их корпусах, что позволяло мгновенно наносить мощные удары по противнику и сразу уходить от ответного огня, а многочисленные зенитки позволили надежно защищать наши части на марше.

Все это позволяло нам значительно превосходить противника, ведь у немцев, по сути, практически не было разнообразия в легкой бронетехнике. Основной бронетранспортер вермахта Sd.Kfz 251 был без крыши и вооружен двумя обычными пулеметами с десантным отсеком на 10 человек, и было их выпущено пятнадцать с половиной тысяч. Кроме них была разведывательная модификация Sd.Kfz 250 на 6 человек десанта, но часто на них устанавливали 37-миллиметровую пушку, и их было построено примерно шесть с половиной тысяч.

Были и другие, колесные бронетранспортеры, но тоже достаточно ограниченными сериями, и тут сотни тысяч наших бронетранспортеров многократно их перекрывали. Даже армейские машины были блиндированными, у них были бронированные кабины и борта, что значительно снижало потери нашей пехоты, когда колонны на марше попадали под обстрел. Бронированные борта защищали пехоту от пуль и осколков и даже при отсутствии бронетехники такие грузовики могли выполнять роль эрзац-бронетранспортеров, так как имели бронированные щитки на окнах, а наверху кабины было крепление для ручного пулемета.

Все это позволило нам, как только была накоплена критическая масса, двинуться вперед и с достаточной легкостью сносить любую оборону противника. После короткого артобстрела вперед шли танки, за ними – бронетранспортеры с пехотой, а различные самоходки поддерживали их своим огнем с места, подавляя огневые точки противника. Именно поэтому мы стали нагонять график прошлой истории, задержки случались только в крупных населенных пунктах, так как городские бои значительно снижали эффективность бронетехники, давая массу укрытий пехоте немцев.

Неотвратимо двигаясь вперед, как гидравлический пресс, армия Рокоссовского к концу декабря полностью освободила Молдавию и

вступила в Румынию. Одновременно с этим морским десантом была захвачена Констанца, после чего только что сформированный 11-й мехкорпус совершил молниеносный рывок на Бухарест, и две с половиной сотни километров, почти не встречая сопротивления, наши части преодолели меньше чем за сутки.

Для румынского правительства стало шоком появление на улицах своей столицы русских танков. Попытка удара провалилась, так как небольшие мобильные группы уже перекрыли все выезды из города, и 29 декабря 1944 года в Бухаресте Румыния подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Не теряя темпа, только подтянув линии снабжения, армия Рокоссовского, не встречая сопротивления, вступила в Болгарию. Сразу же болгарское правительство запросило мира, так что боев в Болгарии не случилось, и армия двинулась дальше в Сербию и Грецию, где к ней сразу стали примыкать партизаны, которые все это время боролись с гитлеровцами. Благодаря местным проводникам из партизан наши войска нигде не плутали, а также все знали о противнике.

Обеспокоенные таким стремительным продвижением Красной армии, забеспокоились и союзники, и 7 января 1945 года попытались высадиться в Афинах. Что интересно, высадки в Нормандии так и не случилось, так как пока немцы еще не понесли тех катастрофических потерь в войне с СССР и имели достаточно сил.

Только в этом году все поняли, что Германия окончательно проигрывает войну. Разработку операции по высадке союзников во Франции пришлось срочно отменять, после того как Рокоссовский захватил Румынию и двинулся в Югославию и Грецию. Совершенно не желая, чтобы СССР освободил Балканы, союзники срочно перенесли место высадки.

Вот только немцы имели достаточно сил, и операция по десантированию провалилась. В ходе полуторанедельных боев союзники потеряли почти сто тысяч солдат убитыми и взятыми в плен. Также значительные повреждения получил и их флот. Массированный ночной налет на эскадру, которая стояла у Афин, позволил потопить и повредить часть судов. В результате 16 января остатки десанта союзников были вынуждены эвакуироваться на корабли и отплыть на Мальту.

Недостаток войск Рокоссовский восполнял партизанами и добровольцами, причем использовал их не в своих войсках, а как отдельные отряды. Наши войска тараном сносили опорные пункты немцев, а зачистку и контроль территорий осуществляли партизаны, они обильно снабжались трофейным оружием, которого было много, и отлично разгружали наши войска от этой работы.

Выйдя к Адриатическому морю и оставив мощный заслон, Рокоссовский двинулся на Афины, достаточно легко сметая со своего пути немецкие части. И что удивительно, вместе с ним были и болгарские добровольцы. Если с сербами у болгар были достаточно напряженные отношения, то вот греки от их помощи не отказывались. Итогом этого стало то, что через месяц Рокоссовский вышел к Афинам, одновременно с этим другая часть его войск освобождала полуостров Пелопоннес, который они освободили раньше, чем были взяты Афины.

Свободно использовать тяжелую бронетехнику в городских боях Рокоссовский запретил, так как совсем не хотел уничтожения города. Все же это было историческое наследие всего мира, и превращать его в руины он не желал. Здесь приходилось работать виртуозно, тяжелые танки в боях участвовали, вот только огонь они в основном вели из пулеметов. Пользуясь тем, что их толстую броню не могли пробить противотанковые пушки немцев, они пулеметным огнем подавляли их огневые точки. В итоге к концу февраля 1945 года вся Греция была освобождена, а Рокоссовский перебросил свои войска на запад.

Глава 19

Оставив в городах только небольшие отряды военных комендатур, Рокоссовский продолжил наступление на Югославию, а в освобожденной Греции всюду формировались на основе партизанских отрядов силы самообороны, которые и следили за порядком. Их было вполне достаточно для наведения порядка на освобожденных территориях и поиска небольших групп немцев, которые умудрились не попасть нам под удар или смогли вовремя удрать. Это высвобождало большое количество войск, которые в противном случае пришлось бы привлечь для контроля за территорией.

На всем пути, когда наши войска входили в любой населенный пункт, население встречало их цветами. Исключением стала Хорватия, вот там пришлось повоевать, но к концу февраля 1945 года войска Рокоссовского вошли в Венгрию, где и встретились с войсками Жукова.

Сам Жуков после полного освобождения Украины двинулся на Чехию, частично захватив и Польшу, тут он был моим соседом. Карпатские горы несколько задержали его, так как немцы обильно минировали горные дороги и перевалы, и поэтому сначала приходилось расчищать дороги для техники, именно этим и была вызвана его задержка, да и, в отличие от Рокоссовского, ему не помогали партизаны, поскольку их тут не было.

В Греции и Югославии, если противник подрывал дорогу, то партизаны, которые тут знали каждый камень, проводили войска в обход неизвестными тропами, а Жукову оставалось только тупо проламываться в лоб, под сопротивление немцев, так как другого выхода просто не было. Даже артиллерию в горах особо не поиспользуешь, вот и пришлось Жукову сбавить темп. А я тем временем двинулся на Варшаву, честно говоря, не хотел бы я оказаться на его месте и воевать в горах, не мое это.

Немцы сопротивлялись упорно, хотя мы и выбили достаточное количество их солдат, которые имели большой опыт военных действий, но недаром немцы считались одними из лучших солдат Европы. Кроме немцев, еще приходилось воевать и с Армией

Крайовой, руководимой из Лондона. Если немцы были сразу видны, то вот поляки, зачастую одетые в гражданскую одежду, не вызывали особого подозрения, зато при каждом удобном случае стреляли нам в спины. Именно поэтому я и не особо заботился о мирном населении, конечно, специально его не уничтожали, но и не жертвовали собой ради его спасения. Кстати, в отличие от моей истории, здесь Армии Людовой не было, как и корпуса Андерсона, не настолько тяжелым было наше положение в 1941 году^[79].

Прекрасно зная, как было в нашей истории, я действовал исключительно в своих интересах, и при каждом обстреле мои войска отвечали ураганным огнем, не заботясь, есть там мирные жители или нет. На взятие Варшавы мне потребовалось три недели, и так после восстания город был основательно разрушен, а после взятия его моими войсками, минимум половина зданий была в руинах. Меня не особо беспокоила сохранность города, намного важнее для меня были жизни моих солдат и офицеров, а в городе временами возникали коллизии, когда все воевали со всеми.

Хоть немцы и подавили восстание, но все же в Варшаве осталось достаточно бойцов Армии Крайовой, и когда мы взяли ее в кольцо и пошли на штурм, то их остатки снова вылезли из подполья и воевали со всеми – как с немцами, так и с нами. Итогом стало то, что даже после того, как остатки немецкого гарнизона сдались в плен, поляки продолжали стрелять по нашим солдатам. Проблема была в том, что мы не знали, кто из жителей города мирный человек, а кто – боевик Армии Крайовой. Охрана тыла и СМЕРШ замучились наводить порядок и так и не смогли вычистить всех аковцев, хотя обстановка и улучшилась.

К январю 1945 года я с Коневым вышел к Одеру и успешно его форсировал, и тут нам обоим пришлось дальше идти черепашьим шагом. Увидев, что война пришла в их дом, немцы осатанели, они цеплялись за каждый клочок земли. А территория Германии достаточно плотно заселена, там населенные пункты встречаются на каждом углу, это не как у нас^[80].

Каждый километр давался нелегко, сил у немцев еще много, поэтому и приходилось постоянно использовать артиллерию, где прямой наводкой, а где артобстрелом, но чуть ли не каждый километр

приходилось просто проламывать. Это значительно снизило нашу скорость, но и гнать свои войска на убой мы не собирались.

Рокоссовский, за это время покончив с Грецией и Югославией, вышел к Австрии и Италии. Высадку в Италию союзники произвели, правда, намного позже, но, в отличие от Греции, она им удалась, так как тут не было немецких войск, и большая часть Италии была ими занята. Пока еще не поздно, Рокоссовский молниеносным маршем вышел к Генуе, тем самым отрезав союзников от Франции.

Жуков все же пробился через Карпаты и освободил Чехию, хотя пришлось ему нелегко. Помощи от чехов он не дождался, хотя они и не любили немцев, но и сопротивления им не оказывали, а добросовестно работали на заводах, поставляя вермахту оружие и технику. Из Чехии Жуков одновременно вторгся в Австрию и Баварию, а после того, как они совместно с Рокоссовским захватили Австрию, сосредоточил все свои силы на Германии.

А у союзников тем временем шли жаркие дебаты. Ни Америка, ни Англия не желали видеть русских в Европе. Провал высадки в Греции больно ударил по их самолюбию и престижу. Хотя высадка в Италии и удалась, но, захватив ее большую часть, они притормозили: одно дело – воевать с итальянцами, которые были аховыми вояками, и совсем другое дело – с немцами.

Сил у Германии было еще достаточно, но стремительный марш русских, которые внезапным ударом вышли к Генуе, тем самым отрезав войска союзников от материка, перекрыл им возможность двинуться во Францию. Едва успев слегка пополнить свой экспедиционный корпус, который убрался из Греции на Мальту, союзники срочно высадились в Марселе и Тулоне, воспользовавшись тем, что немецкие части, находившиеся во Франции, срочно стали перебрасывать к границе с Италией.

Узнав об этом, Рокоссовский приостановил свое наступление и немедленно связался со Сталиным. С одной стороны, у него было недостаточно войск для освобождения Франции, а с другой, он должен был скоро столкнуться в таком случае с союзниками. Получив новые указания от ставки, Рокоссовский остановился на границе с Францией и перешел к обороне, оставив часть своих войск, а остальные принялись защищать оставшуюся территорию, двигаясь в сторону

Швейцарии. К концу апреля он полностью взял под свой контроль север Италии, тем самым поделив ее с союзниками на две части.

Немцы, убедившись, что русские остановились на границе с Францией, тоже, оставив достаточные заслоны, навалились на союзников, которые к этому времени, пользуясь тем, что основные силы противника были направлены к границе с Италией, успели захватить достаточно большую территорию. Союзники двинулись в сторону Испании, так как там практически не осталось немецких войск. Почти не встречая сопротивления, они в сутки проходили по 100–200 километров, а кроме того, они ударили и на Тулузу. Также сюда были срочно переброшены и остатки французских войск, которые вместе с ними сражались в Африке.

После капитуляции Франции часть войск эвакуировалась в Англию, а часть – в Африку, просто тем, кто был на западе, ближе была Англия, а тем, кто на востоке, – Африка. Сейчас, для большей легитимности и политического эффекта, остатки французских войск с помпой высадились в Марселе и присоединились к экспедиционному корпусу союзников.

Вот только праздник жизни продлился недолго, как только немцы убедились, что русские пока двигаться из Италии не собираются и даже принялись отводить войска, а Рокоссовский часть своих войск отправил в обход Швейцарии к Жукову, благо, что разведка у немцев осталась, так сразу и навалились на союзников. Если вначале те двигались вперед зачастую без единого выстрела и с легкостью захватывали практически пустые от войск города, небольшие подразделения комендатуры не в счет, то теперь им пришлось иметь дело с крайне обозленными немецкими солдатами.

Это против советских ИСов и «Костоломов» немецкая бронетехника мало что могла сделать, а против английских «Черчилей» и «Кромвелей» с «Матильдами» да американских «Шерманов» была вполне боеспособна. Новые длинноствольные 7,5-сантиметровые орудия достаточно уверенно поражали их практически с любой проекции, и это обычные «четверки» последней модификации, а что говорить про «пантеры» и «тигры», которые с легкостью их жгли. Просто их было мало, так как в основном они шли на Восточный фронт против русских.

Легкая увеселительная прогулка внезапно превратилась в кровавый кошмар, когда немцы всерьез принялись за союзников. Потери сразу стали астрономическими, и приходилось в срочном порядке гнать войска во Францию, даже отправить часть войск из Италии, благо, что русские прикрыли их собой от Германии, когда заняли север страны.

Во Францию срочно отправили резервы, в том числе из новозеландцев, австралийцев, индусов и вообще из всех, кого только было можно, но на это требовалось время. Спасло их только то, что русские продолжили наступление в самой Германии, и немцы были вынуждены в срочном порядке перебросить все, что только было можно, в Рейх, для того, чтобы остановить русское наступление.

Получив передышку, союзники принялись срочно окапываться, забыв о наступлении, и только дождавшись подкрепления и убедившись, что немцы вывели из Франции практически все свои силы, они двинулись дальше. По мере возможности немцы огрызались, временами нанося союзникам чувствительные удары, но тем не менее вынуждены были отходить, и 2 мая 1945 года союзники вступили в Париж.

Пока мы с Коневым проламывали оборону немцев, Жуков, получивший подкрепление в части армии Рокоссовского, ударом из Баварии, вдоль границы со Швейцарией, вышел к Штутгарту. Поскольку основные силы вермахта были сосредоточены против меня и Конева, то он достаточно легко захватил довольно большую территорию, но затем стали прибывать войска из Франции, и наступление Жукова несколько снизилось. Тем не менее, частично пройдясь по территории Франции, ибо следовать по всем изгибам границы было форменным идиотизмом, его войска достигли Люксембурга и с легкостью его заняли, после чего двинулись дальше в Бельгию и в итоге вышли к побережью Ла-Манша, тем самым отрезав остатки немецких войск во Франции от Германии.

Впрочем, остатки вермахта во Франции трепыхались недолго, уже через пару дней после этого они массово стали сдаваться в плен союзникам. С одной стороны, те облегченно вздохнули, а с другой, были жутко недовольны, что кроме Франции и половины Италии они ничего не захватили. Получалось, что все Балканы, Греция и половина Европы были под русскими, чего им очень не хотелось.

Главное, что давить на русских и Сталина было нечем. Хотя тут был ленд-лиз, но поскольку тяжелых поражений Красная армия не получила и промышленность СССР оказалась лучше, то и ленд-лиз в основном состоял из необходимого сырья, причем к этому времени почти все позиции СССР мог покрыть и сам. Грозить Сталину продолжением войны было также глупо.

Да, в апреле умер Рузвельт, и ему на смену пришел ярый антикоммунист Трумэн, но и он, и Черчилль прекрасно осознавали, что сейчас, по крайней мере в Европе, они не в состоянии противостоять Сталину. То, что русское оружие превосходит их, они уже убедились, это своему населению они могли вешать лапшу на уши, что их техника лучшая в мире, а их войска самые сильные.

Реальность была такова, что на данный момент в Европе самыми сильными стали русские. В ходе войны они получили большую, прекрасно обученную, оснащенную и вооруженную армию, и победить ее было невозможно. А ведь была еще и Япония, которую Америка пока так и не победила, и без русских война на Тихом океане продлится еще минимум пару лет.

Разработка атомного оружия подходила к концу, но для его массового производства требовалось время, которого практически не было. Именно поэтому союзникам приходилось под зубовой скрежет смотреть, как русские захватывают остатки Европы.

Жуков после Бельгии развернулся на Голландию и не особо спеша двинулся вперед, причем часть его войск продолжала стягивать кольцо вокруг центра Германии. К этому времени Конев, двигаясь вдоль побережья Балтийского моря, взял Росток и Любек и подступил к Гамбургу, одновременно двигаясь на Фленсбург и дальше в Данию. На всю Данию ему потребовалось полторы недели, за это время ситуация в Гамбурге особо не изменилась, но, получив подкрепление и пополнив боезапасы, Конев пошел на приступ города, который продолжался две недели, превратив большую часть строений в руины, а некоторые кварталы города полностью были разрушены.

После того как остатки гарнизона сдались, войска Конева двинулись дальше на Бремен и Ганновер, где и соединились с войсками Жукова, который двигался от Голландии, тем самым замкнув кольцо над остатками Рейха. А я за это время пробился к Берлину и, окружив его, принялся за осаду. Поскольку сейчас не было коридора

на запад к союзникам или в нейтральную Швейцарию, то путей для бегства нацистской верхушки было очень мало.

Поскольку Конев отсек их от моря, а кроме того, занял все морские базы, то тут оставалось только пытаться под видом мирных жителей постараться ускользнуть от нас. Воздушное пространство мы контролировали плотно, и прорыв на самолете был маловероятен. Транспортник практически не имел шансов на прорыв, даже ночью, а истребитель... Не знаю, с каждым днем таких шансов было все меньше. По крайней мере, по докладу разведки, основная масса фашистских бонз была в Берлине, а к 12 мая мои войска сомкнули вокруг него кольцо.

Да, сейчас мы несколько запаздывали, зато, с другой стороны, вся Германия была под нами, а значит, точно потом не будет деления на ФРГ и ГДР.

Через неделю ожидания ждали, пока подтянется подкрепление и подвезут боеприпасы, 19 мая началась битва за Берлин. Со всех сторон города двинулась наша бронетехника, в первых рядах шли тяжелые танки и штурмовые самоходки, а чуть поотстав от них, бронетранспортеры с десантом. Тяжелые снаряды бьющих прямой наводкой танков и самоходов сносили дома и здания, в которых были огневые точки, при этом хороня в обломках обороняющихся немцев.

Не желая терять своих солдат, я приказал массово применять огнеметы. И огнеметчики под прикрытием других солдат после разрушения зданий, совали трубы своего оружия во все щели и щедро, не жалея горючей смеси, прожаривали все, что только могли. Над всем городом встал густой черный дым. Пускай медленно, но верно и с минимальными потерями мы двигались вперед.

Для мирных жителей были коридоры, мы постоянно по громкоговорителям объявляли об этом, но пользовались ими единицы.

Бои за Берлин шли больше месяца, пока 21 июня немцы наконец не сдались. За это время большая часть гарнизона города и большое количество мирных жителей погибло. Гитлер, как и в моей истории, отравился, не желая сдаваться нам в плен. Он прекрасно понимал, что после того, что он у нас натворил, пощады ему не будет, и его в любом случае приговорят к смертной казни. Не скрою, с большим удовольствием посмотрел бы на суд над ним, но австрийский ефрейтор обломал нам в этом случае весь кайф.

Несмотря на капитуляцию, боевые столкновения происходили каждый день, слишком много различных частей и небольших групп вермахта желали куда-либо попасть. Союзники попытались отжать у нас часть Германии, но Сталин, хоть и вежливо, но твердо послал их, а поскольку американцы были кровно заинтересованы во вступлении Советским Союзом в войну против Японии, то были вынуждены смириться с этим.

Хотя тут мы, можно сказать, настояли на своем, но пришлось вступить в войну с Японией, тут все прошло без изменений, часть армии отправили на Дальний Восток, и командовать туда поехал Жуков, как уже имевший опыт боев в этой местности. Затем последовали разгром Квантунской армии и атомные бомбардировки Японии, причем цели оказались те же самые.

Вот после разгрома Японии и начались основные торги с союзниками. Несмотря на то что за это время мы получили великолепную и прекрасно вооруженную армию профессионалов, новая война в Европе нам была не нужна. Даже угроза атомного оружия тут не имела пока большой роли, так как кроме прототипов ничего не было, а для его производства в достаточных количествах требовалось время.

Если бы союзники пожелали открытой конфронтации, то, учитывая, что большая часть Европы у нас, выдавить их из Франции и начать переправу через Ла-Манш можно было в кратчайшее время. Думаю, тут бы и немцы с охотой нам помогли, все же для их населения англичане тоже считались врагами, а особенно подогрели обстановку их бомбардировки жилых объектов во время войны. Ширина пролива не такая большая, и современные суда вполне могли за ночь его пересечь.

Руководство Англии и Америки прекрасно осознавало, что не сможет сдержать советские войска в случае конфликта. Тут даже их флот не поможет, так как хоть у СССР и не было больших военных кораблей, способных на равных противостоять флоту Англии и Америки, но вот подводных лодок и авиации было достаточно. Этих сил вполне хватит, чтобы прикрыть высадку десанта на английскую территорию и потом подвозить туда подкрепление и припасы, а потому пришлось скрепя сердце договариваться со Сталиным.

В итоге мы покидали Италию, полностью отдав ее союзникам. Бельгия, Голландия, Греция, Дания становились нейтральными странами, это прописывалось в их конституциях, а советские войска должны были в течение пяти лет выйти из них. За это время в этих странах формировалось новое правительство. То же самое касалось и стран Восточной Европы, исключением была Германия. Она полностью находилась под протекторатом СССР, а кроме того, Восточная Пруссия с Кенигсбергом отходили к СССР. Она, учитывая Сувалки и Августов, примыкала к Белоруссии.

В этот раз Сталин не стал отдавать части территории Германии полякам и чехам, вернул лишь Судеты, так как это была чешская территория. Кстати, Данциг был присоединен к Кенигсбергу, и полякам осталась только достаточно узкая полоса выхода к Балтийскому морю. Прекрасно зная сволочную натуру панов, Сталин решил ничего им не давать.

Кроме того, начались преобразования и в Прибалтике. Учитывая массовые случаи сотрудничества местного населения с немцами, было принято решение о ликвидации республик и образовании на их месте Прибалтийской Республики с привлечением в нее жителей со всей страны.

Госбезопасность тем временем рыла во всю мощь, тщательно проверяя буквально всех жителей, кто остался в оккупации. При малейшем поводе их выселяли в Сибирь и на Дальний Восток, таким образом, уже к 50-му году о лесных братьях можно было забыть. Они потеряли опору среди местного населения, так как почти половина жителей была выселена, а оставшиеся вместо помощи, сразу докладывали в МГБ, ибо в противном случае могли легко отправиться в ссылку, даже если не только помогут националистам, а просто промолчат. Теперь точно можно было не опасаться, что позже в республике начнутся националистические выступления.

Отсутствие прямой военной угрозы от бывших союзников позволило Сталину не насаждать социализм в странах Восточной Европы, их официальный нейтральный статус позволял не контролировать их, что позже очень благоприятно сказалось на СССР, так как ему не пришлось вбухивать прорву денег и материальных ценностей в них, и я был причастен к этому.

После подписания капитуляции я напросился на прием к Сталину. Благодаря моим усилиям наши потери в этой войне были в несколько раз меньше, и разрушений тоже было значительно меньше, но вот если на этом умыть руки, то дальше все могло вернуться на круги своя и с тем же результатом. Именно поэтому я и напросился на этот разговор со Сталиным, хотя прекрасно понимал, что после него меня вполне могут не только снять с командования, но и расстрелять, но по-другому я просто не мог.

1 июля 1945 года, Кремль, Москва

В этот раз не надо было для безопасности лететь ночью и в сопровождении истребителей. Вернее вылетел я в ночь, но не для безопасности, а чтобы прилететь в Москву утром. С аэродрома меня ненадолго отвезли домой, где я привел себя в порядок. С женой только обнялся, а так просто не было времени, после чего меня привезли прямо в Кремль.

– Здравствуйте, товарищ Павлов, что у вас на этот раз, что вы срочно попросили о личной встрече?

– Здравия желаю, товарищ Сталин. Как настоящий коммунист и патриот своей страны я не могу молчать.

От таких слов Сталин сразу насторожился.

– Дело в том, что выиграв в ЭТОЙ войне, мы не должны расслабляться. Наш главный враг по-прежнему полон сил, и нам нельзя останавливаться на достигнутом, а кроме того, необходимо не допустить ошибок сейчас, ибо эйфория от победы может сыграть с нами злую шутку.

– И кто же, по-вашему, наш главный враг, товарищ Павлов?

– Англосаксы, товарищ Сталин. Они считают, что весь мир принадлежит им. Это только на первый взгляд обе мировые войны развязала Германия, на самом деле это не так. Обе эти войны организовали англосаксы. Первопричиной Первой мировой войны было то, что после образования Германии, ее товары, как более качественные и дешевые, стали теснить английские товары, а для англосаксов самое страшное преступление – это покушение на их прибыль. В той же Америке вам за уклонение от налогов могут дать больше, чем за убийство. Я вам уже говорил, что пока мы не даем англосаксам нас грабить, мы для них враги, и неважно, какой у нас

строй. А сейчас они хотели просто погреть руки, стравив между собой СССР и Германию.

– Что вы предлагаете?

– Товарищ Сталин, я долго думал об этом и считаю, что сейчас нам нельзя совершить две главные ошибки. Первая – это страны Европы. Можно попробовать подмять их под себя, насильно устроить там социализм, вот только в итоге это сработает против нас самих.

– Почему?

– Дело в том, что насильно социализм не построить, в итоге мы просто надорвемся. У нас и народ для него был больше склонен по причине общинности, что более соответствует коммунизму, а кроме того, условия сложились благоприятные, но Европа – дело другое. Там исторически сложился индивидуализм, и быстро его не истребить. Нам просто придется, обделяя себя, вкладывать огромные средства в Европу, а нам это надо?

Намного лучше обезопасить себя и пустить все силы на собственное развитие. Только после того, как мы достигнем благополучия собственных граждан, можно будет на личном примере показать другим все преимущества социализма. Нам необходима не ликвидация богатых, нужно ликвидировать бедных, чтобы все граждане нашей страны были обеспечены всем необходимым.

Сейчас почти все наши солдаты задают себе вопрос, почему у проклятых буржуинов рабочие живут лучше, чем у нас, почему у них все есть. Именно поэтому мы и должны сейчас все силы направить на резкое повышение благосостояния наших граждан. Думаю, в этом нам могут хорошо помочь артели и кооперативы, так как они мгновенно реагируют на спрос населения, в отличие от государственных предприятий, для которых, с учетом Госплана, переход на выпуск новой продукции – задача не быстрая, а отсутствие конкуренции просто не дает это делать. Зачем делать что-то новое, если и старое купят за неимением другого.

Это все будет тормозить наше развитие, а в условиях, когда все расписано на годы вперед, конкуренции быть не может, и многие изобретения будут просто класть под сукно, чтобы не делать лишней работы.

А если учесть, что часть наиболее активной прослойки нашего населения все равно будет этим заниматься, то такая деятельность

уйдет в подполье, и государство потеряет много денег, которые пойдут теневым дельцам. Есть те, кто просто не может работать под строгим руководством, так лучше дать им возможность нормально работать, лишь контролируя законность их деятельности. Они быстро насытят рынок необходимыми населению товарами.

Я считаю, что легкую промышленность, сельское хозяйство и сферу услуг можно отдать частникам. Не перекладывать это на них полностью, но дать им возможность работать вместе с государственными предприятиями. Это, за счет возникшей конкуренции, заставит государственные предприятия работать намного лучше без всякого понукания сверху.

– Хорошо, товарищ Павлов, я вас понял и, в принципе, согласен с вами, но вы говорили и про вторую ошибку.

– Да, товарищ Сталин. – Тут я ступил на очень тонкий лед. – Все дело в том, что все мы смертны, если, допустим, я завтра умру, то моя смерть на государство особо не повлияет. Но вот с вами совсем другое дело, сейчас на вас держится все. Вспомните хотя бы империи Александра Македонского, Тамерлана и Чингисхана. Они распались после их смерти.

Взгляд Сталина сразу стал жестким и опасным, сейчас любая ошибка могла привести меня к смерти.

– На мой взгляд, наиболее лучшая форма власти – это монархия, хотя и у нее есть недостаток, если власть наследует неподходящий наследник. Взять хотя бы Николая Второго, правитель из него никудышный, и результат закономерный. Вы, можно сказать, красный монарх, твердый, умный, и власть для вас не самоцель, а всего лишь инструмент для создания своей империи. Да, империи, Россия была, есть и будет империей, какая бы власть в ней ни была. Вы делаете все для ее процветания, вы выбрали прекрасных соратников, но что будет, когда вас не станет? К сожалению, все мы смертны, кто продолжит ваше дело? Где гарантия, что после вашей кончины соратники не передерутся за ваше место? Пока у вас еще есть силы и время, необходимо воспитать своего преемника, который продолжит вашу линию.

– А преемник – это вы?

Голос у Сталина стал ледяным.

– Нет, товарищ Сталин, я не гожусь на это место. Необходим достаточно молодой кандидат, прошедший войну, причем не на тыловой должности, а воевавший, кто сам рисковал своей жизнью, такой вряд ли окажется гнилым. Который проявил хорошие лидерские качества и успешно руководил и не зазнался, кого волнуют проблемы людей. Именно такой человек сможет продолжить ваше дело и не угробить его.

Понимаю, найти не так легко, но если взять несколько таких людей, приблизить их к себе и выбрать одного, кто будет лучше всех, то и остальные тоже не будут лишними, им можно будет поручить ответственные посты в правительстве, не опасаясь, что они все загубят. Главное – не допустить возникновения красного барства, когда пробившиеся наверх начнут считать простой народ обычным быдлом. На этом погорело дворянство, и не следует повторять их ошибку. К сожалению, даже сейчас хватает таких руководителей, и чем их будет больше, тем больше шанс развала страны.

– А у вас, товарищ Павлов, есть кандидаты в мои преемники?

– Нет, товарищ Сталин, я занимался исключительно военными делами, а тут нужны администраторы. Но война хорошо показала истинную натуру людей, гниды быстро проявляли свою гнилую сущность, думаю, сейчас не так трудно найти достаточно молодых, кто отлично показал себя в прошедшей войне, проявил свои лидерские и организационные качества.

Сталин, который при первых словах Павлова насторожился, сейчас расслабился. Павлов действительно болел за дело и не побоялся поднять такой скользкий и опасный вопрос. При этом не пытался пропихнуть на место вероятного преемника какую-либо кандидатуру и сам на это место не метил.

А ведь он прав, сколько сил пришлось приложить ему самому, чтобы не просто получить этот пост, но и удержаться на нем. Это ведь был еще тот серпентарий, и кто может гарантировать, что после его смерти соратники не передерутся за его пост, а что будет со страной? Очень не хочется, чтобы его преемник все порушил, что он с таким трудом строил всю жизнь.

Да, уже который раз Павлов поднимает важные вопросы и проблемы и дает советы. И ведь ни разу не ошибся, причем сам во власть не лезет, ни в каких группировках не состоит и свою не создает,

хотя завистников у него хватает. Прав Павлов, прав в этом, здоровье уже начинает подводить, да и возраст берет свое, ему уже почти семьдесят лет, а здоровье хорошо подорвано в ссылках, и сколько он еще проживет, неизвестно.

Да и с Европой Павлов, пожалуй, тоже прав, нельзя распыляться, оставить себе Германию и добиться нейтрального статуса остальных стран. Подождать несколько лет, пока там сформируются правительства, и уйти, СССР по-любому их сейчас не потянет, а делать их врагами не стоит. Действительно, лучше собственным примером их заинтересовать, а для этого советские граждане должны жить лучше, чем в Европе, чтобы сами европейцы захотели присоединиться к СССР.

– Товарищ Павлов, спасибо, что вы не побоялись поднять такие темы, вы действительно настоящий коммунист, не боящийся поднимать острые вопросы и отстаивать свое мнение. Можете идти и ничего не бояться, наш разговор останется только между нами, и я, пожалуй, последую вашим советам.

Уф... Когда я услышал эти слова Сталина, то у меня просто от сердца отлегло, ведь я вполне мог не выйти из Кремля, меня могли сейчас вывести из кабинета Сталина и расстрелять без всякого суда. Я прошелся по лезвию бритвы и не только уцелел, но и, похоже, добился, чего хотел. И, кстати, я действительно не знал, кого лучше назначить преемником Сталина, я мог, конечно, посоветовать ему Машерова, Шелепина и Романова, они сейчас молодые совсем, но стоит ли это делать, вот в чем вопрос. Что ж, посмотрим, что из этого выйдет.

О решении Сталина я узнал позже, и из моей тройки в кандидаты попал Машеров, остальных пятерых кандидатов я не знал^[81].

Эпилог

20 июня 1996 года, Адлер

Я сидел в удобном кресле на террасе своего дома в Адлере и, медленно попивая красное вино, смотрел на вечерний закат, приятно дул морской ветер, принося не только свежесть, но и изумительный запах моря.

Вот уже почти полтора десятка лет я живу тут. После того как в 1965 году вышел в отставку, сначала поселился на Карельском перешейке, в окрестностях Приозерска, на берегу Ладоги. Любил я еще по прошлой жизни эти места, вот и переехал сюда после выхода в отставку. Леса и озера, грибы и рыбалка, и лишь настойчивые рекомендации врачей сменить климат на теплый морской подвигли меня переехать в Адлер.

Семь лет назад ушла из жизни жена, зато много внуков и даже уже правнуков. На прошлой неделе я вернулся из Москвы, Алешка, мой внук, уже, кстати, генерал-лейтенант, возил меня в Кубинку, показывать «Армату». Да, тут его построили гораздо раньше и, вообще, сейчас СССР один из признанных мировых лидеров в производстве электроники.

Просто здесь не случилось Хруща, который очень хорошо прошелся по всему хозяйству, когда пришел к власти. Из всех кандидатур Сталин в итоге выбрал себе в приемники Машерова. Я даже не знаю до сих пор, что было бы, если я тогда порекомендовал его вождю. Помогло бы это Петру Мироновичу или, наоборот, навредило? Но после инсульта весной 53-го Сталина спасли, правда, он после этого все же отошел от власти, передав свой пост Машерову, а сам до самой своей смерти летом 57-го жил на даче в Абхазии. Хрущ не удержался, после смерти Сталина попробовал отстранить Машерова от власти, но погорел и отправился на Таймыр руководить рыболовной артелью.

Прекрасный хозяйственник, Машеров уделял большое внимание промышленности, а также благосостоянию населения, в итоге уровень жизни населения уже к концу пятидесятых годов значительно вырос.

Сразу поняв значение электроники, Машеров всячески поддерживал ее производство, а потому и отставания от Запада у нас не было.

Политическая обстановка тоже кардинально отличалась. Североатлантического альянса не получилось, во Франции к власти тоже пришел де Голь, который был себе на уме, а одних Англии и Америки было недостаточно. Нейтральный статус почти всех европейских стран не позволял им в него вступить, а Германия находилась под полным контролем СССР. Политика невмешательства СССР в дела европейских стран не позволяла лепить из него в глазах этих стран пугало.

Открытие границ для посещения также не позволяло демонизировать нашу страну, а постоянно растущий уровень жизни населения и возможность владения артельным и кооперативным производством показывали преимущество социализма.

В итоге все страны Восточной Европы перешли на югославский социализм, который также позволял иметь частные производства. Результатом всего этого стало значительное уменьшение напряжения в отношениях.

К 80-м годам почти полностью был решен квартирный вопрос, а население страны стремительно увеличивалось.

Диссиденты, правда, были, куда же без них, только их не сажали в психушки, а просто выставляли из страны. На Западе они быстро становились ненужными, и только тогда понимали, КАК они попали, но хода назад им уже не было.

Горбачев тоже пролетел мимо партийной карьеры, не было запрета госбезопасности по работе с партийными функционерами, единственное, они в таком случае должны были ставить в известность комиссию партконтроля. Машеров большое внимание уделял чистоте рядов партии, стараясь по возможности избавляться от попутчиков, для кого партия была лишь ступенькой в карьере, а потому на начало девяностых СССР крепко стоял на ногах, и не было ни малейшего намека на его развал.

Я был доволен тем, что смог кардинально переписать историю. С такими мыслями я и заснул в кресле, чтобы уже не проснуться.

Примечания

Чего не знал наш герой, так это того, что 88-миллиметровая немецкая танковая пушка «тигра» KwK 36 превосходила нашу 107-миллиметровую как по скорострельности, так и по бронепробиваемости, так что «тигр» все равно имел преимущество в дистанции поражения. Он мог подбить KV раньше, чем тот выйдет на дистанцию действенного огня, но в любом случае новая форма лба, более толстая лобовая броня и более мощное орудие должны были свести преимущества немецкого «тигра» к минимуму. А если принять во внимание создание новых штурмовых самоходок СУ-122 и СУ-152, которые в том числе должны были поддерживать атаку наших танков, то с появлением на поле боя «тигров» и «пантер» немцы просто добьются паритета с нами.

Тут наш герой снова был не совсем прав. Корабли строили, но вот то, что необходимое для кораблестроения оборудование простаивает, было верно, а что касается орудия, то скорость бронебойного снаряда на танковой Ф-34 была 650–660 м/с, а у 76-миллиметровой зенитки – 816 м/с, что давало лучшую бронепробиваемость.

Танковая версия авиадвигателя М-17, который ставился на танки БТ, Т-28, Т-35, а также на Т-34 и КВ, когда не хватало дизельных В-2.

И снова наш герой ошибается, серийно танковые дизельные двигатели В-2 стали производиться с сентября 1939 года, но он просто не мог этого знать, так как не являлся историком и не интересовался в прежней жизни танками.

В 1941 году Т-50 превосходил немецкий Т-3 по бронированию, это уже позже, в ходе войны немцы его модернизируют, значительно повысив бронезащиту и огневую мощь, но и его вес скакнет с первоначальных 15,4 до 23 тонн, в то время как Т-50 с почти вдвое большей броней весил всего 13,8 тонны.

К сожалению, знаменитую зенитку 52-К калибра 85 миллиметров, на базе которой были созданы танковые орудия Д-5 и ЗИС-С-53, устанавливаемые затем на Т-34-85, еще не сделали, а потому наш герой и не может ее сейчас ставить на противотанковые самоходки, а также и на создаваемый Т-34.

На самом деле судьба Грачева достаточно интересна, и можно сказать на полном серьезе, что он был фанатиком автомобилестроения. Молодой Грачев служил техником в авиационных частях, затем работал киномехаником, окончил несколько курсов Томского технологического института, однако был изгнан оттуда за непролетарское происхождение. Он так никогда и не получил высшего образования.

В декабре 1931 года он был безработным и по мобилизации был направлен в техотдел строящегося в то время Нижегородского автозавода. В 1936 году за рулем самостоятельно разработанной машины ГАЗ-АААА участвовал в знаменитом Каракумско-Памирском автопробеге. В 1937 году под его руководством был разработан грузопассажирский трехосный автомобиль ГАЗ-21 (впоследствии тот же индекс дали первой «Волге»), на базе которого впоследствии были созданы семиместный легковой автомобиль и два бронеавтомобиля.

В 1938–1939 годах проектирует первый советский легковой вездеход ГАЗ-61 (на базе шестицилиндровой «эмки»), который до наших дней так и остался непревзойденным по динамике и проходимости для машин этого класса. Решение о начале разработки ГАЗ-61 Виталий Андреевич пробил с огромным трудом у самого Ворошилова. Эта машина пошла в серию уже в конце 1940 года.

Генерал армии Ватутин погиб в начале 1944 года, когда его машина была обстреляна украинскими националистами.

Тяжелый четырехосный грузовик Я Г-12 был разработан и построен в единственном экземпляре в 1932 году на Ярославском автомобильном заводе по заказу военных. Им же он потом и был передан для испытаний в одну из воинских частей Саратова, но его производство так и не состоялось. Дальнейшая судьба опытного образца неизвестна, скорее всего, его просто списали и утилизировали. Причиной, по которой производство ЯГ-12 так и не началось, стала сложность его производства и дороговизна, хотя грузовик получился хорошим, с отличной проходимостью и грузоподъемностью.

К примеру, немецкий Т-3 ранних версий, до 1939 года, имел при толщине лобовой и бортовой брони в 15 миллиметров вес в 15–16 тонн при 37-миллиметровом орудии. Модификации 1940 года имели уже лобовую броню в 30 и бортовую – в 20 миллиметров при орудии 50 миллиметров и весе примерно в 20 тонн.

Это не опечатка, ШВАК – Шпитального-Владимирова авиационный крупнокалиберный. Сначала был спроектирован и запущен в производство 12,7-миллиметровый крупнокалиберный авиационный пулемет ШВАК, а в 1936 году на его базе была создана 20-миллиметровая авиационная пушка. Все различие состояло только в более крупном стволе.

М-62 или АШ-62 авиационный двигатель мощностью 1000 л/с, позднее устанавливался на самолеты АН-2, производился более 50 лет, серийное производство начато в 1937 году. Павлов прав, лучше сделать самолет на нормально работающем двигателе, тем более что М-88, который изначально планировали поставить, всего лишь на 100 л/с мощнее. И с вооружением нужно подумать, может, действительно лучше поставить пушки?

На данный момент на вооружении Германии стоял «Эмиль», он имел максимальную скорость в 532 км/ч и вооружен четырьмя пулеметами МГ-17 калибра 7,92 миллиметра. Лишь весной 1941 года в люфтваффе стали поступать «Фридрихи», которые имели скорость уже 600 км/ч и были вооружены двумя МГ-17 и одним МГ-151 калибра 15 миллиметров.

Но это еще только будет, а в ходе заседания наш герой решал совсем другие вопросы и задачи.

Реактивный снаряд РС-82 был принят на вооружение в 1937 году и имел общий вес 6,8 килограмма, из него вес ВВ был 360 граммов. Дальность стрельбы составляла 6 километров, впервые был применен в 1939 году на Халхин-Голе.

Специально для любителей заклепок: да, официально орудие А-19 начало выпускаться с 1939 года, вот только все дело в том, что сама А-19 была разработана на базе 122-миллиметровой гаубицы образца 1931 года, путем наложения ее ствола на новый лафет как раз от МЛ-20, так что по крайней мере ствол, который нужен, уже есть.

По воспоминаниям наших танкистов, кто воевал на Т-34, зачастую мехводу помогал при переключении передачи стрелок-радист, но чаще ее просто ставили на вторую скорость и не переключали до последнего. Только на машинах более позднего выпуска эта проблема была решена.

Зенитная пушка калибра 85 миллиметров 52-К будет принята на вооружение только в следующем году, но до начала войны останется еще достаточно времени на полное перевооружение уже выпущенной бронетехники с 76-миллиметровых орудий на нее.

В реальной истории 1-й мехкорпус состоял из 3-й танковой дивизии, 163-й механизированной дивизии, 5-го мотоциклетного полка, 202-го отдельного батальона связи и 101-й отдельной корпусной авиационной эскадрилий.

Гаубицы М-30 начали выпускать в 1939 году, их выпуск продолжался вплоть до 1955 года. За 16 лет была произведена 19 531 гаубица. Она до сих пор состоит на вооружении некоторых стран мира и приняла непосредственное участие во всех важных вооруженных конфликтах XX-го века.

Советские войска имели 3607 танков, в том числе 419 КВ обоих модификаций и Т-34, против 728 немецких танков, но в итоге мы лишились 2648 танков безвозвратно, в то время как немцы потеряли всего 85 безвозвратно и 200 потом отремонтировали.

Для любителей заклепок: Т-26 имел круговое бронирование корпуса и башни в 15 миллиметров, БТ-5 соответственно 13 миллиметров и БТ-7 – 20 миллиметров лоб и 15 – борт, в то время как основная немецкая 37-миллиметровая противотанковая пушка ПАК 36 обычным бронебойным снарядом пробивала на дистанции в полкилометра вертикальный броневой лист толщиной в 30 миллиметров.

Дело в том, что буквально за 4 года в авиации сменилось 4 начальника управления ВВС СССР. В 1937 году сначала был арестован и расстрелян командарм 2-го ранга Алскнис, затем в 1939 году – командарм 2-го ранга Локтионов, в 1940 – году генерал-лейтенант Смушкевич и, наконец, в 1941 году – генерал-лейтенант Рычагов.

Для деионизаторов Сталина: перед СССР такой же договор о ненападении с Германией подписали Польша, Великобритания, Франция, Литва, Латвия и Эстония.

В ходе этого конфликта РККА потеряла ранеными, больными и обмороженными почти 250 тысяч человек.

Финское противотанковое ружье Lahti 39 имело калибр в 20 миллиметров и на расстоянии в 100 метров пробивало броню в 30 миллиметров, тем самым имея возможность пробития брони всех легких советских танков.

На данный момент самоходки – совершенно новый вид бронетехники, а поскольку тут бронированный корпус с орудием, пускай и без башни, а экипаж одет в танковые комбинезоны и шлемофоны, то комбриг Пшенников и считает штурмовые самоходки танками, но без башни.

В реальной истории кроме 7-й армии на Карельском перешейке воевала и созданная 25 декабря 1939 года на основе оперативной группы комкора Грендаля 13-я армия, но поскольку события вследствие действий нашего героя стали меняться, то и тут 13-я армия просто еще не сформирована.

В реальной истории безвозвратные потери наших войск составили 95 348 человек и еще 248 090 больных, раненых и обмороженных.

В реальной истории по официальным данным СССР потерял 650 единиц бронетехники в безвозвратных потерях, около 1800 – подбитыми и еще 1500 вышедших из строя по техническим причинам.

Во время войны были неоднократно зафиксированы случаи, когда попавшие под удар «катюш» немецкие солдаты сходили с ума, а другие из них сидели на глазах.

Для сравнения, в фугасном снаряде от 76-миллиметрового орудия находится от 540 до 815 граммов взрывчатки, в зависимости от типа снаряда. В 122-миллиметровом снаряде – от 3,6 до 3,8 килограмма, а в 152-миллиметровом – от 4,8 до 5,8 килограмма.

Тухачевский предлагал создать танковые корпуса, в реальной истории Павлов был против этого, и в этом он был не одинок. Вместе с ним против танковых корпусов были Шапошников и Тимошенко, а также еще несколько военачальников, в том числе и командиры этих самых корпусов. Вместо них Павлов предлагал сформировать моторизованные дивизии, где вместе с бронетехникой были и пехота, и артиллерия. Их эффективность позже была доказана во время войны, вот и сейчас наш герой создает их несколько увеличенный аналог, но достаточно сбалансированный.

Разумеется, об этих выводах вождя наш герой не знал, а продолжал делать все от него зависящее по укреплению армии.

В реальной истории Федоренко стал начальником ГАБТУ в июне 1940 года и тогда же получил звание генерал-лейтенанта танковых войск.

Нападение Германии на Францию началось 10 мая 1940 года, причем немцы напали не только на одну Францию, но и на Бельгию с Голландией тоже, и уже 25 июня 1940 года Франция капитулировала. Разумеется, наш герой все это знает, но прямо заявить Пономаренко об этом он не может, после этого его просто посчитают или сумасшедшим, или провокатором. Именно поэтому он и вынужден преподносить это несколько расплывчато с указанием примерных дат.

Дело в том, что из-за жаркого лета многие болота высохли и стали проходимы как для живой силы противника, так даже и для различной техники.

К примеру, в реальной истории, после того как случился разгром Западного фронта, были осуждены и расстреляны командир фронта генерал армии Павлов, начальник штаба генерал-майор Климовских, начальник связи генерал-майор Григорьев, начальник артиллерии фронта генерал-лейтенант артиллерии Клич, командующий 4-й армией генерал-майор Коробков, командир 14-го механизированного корпуса генерал-майор Оборин. И если бы начальник авиации генерал-майор Конец не застрелился сам, то и он, без сомнения, пополнил бы собой этот список. В то же время ни один политработник не был осужден.

Карл Маркс был жутким русофобом и в очень многих своих работах называл Россию оплотом мировой реакции и угрозы свободному человечеству, при этом полностью отказывая ей в возможности рыеволюции.

Исторически со средних веков, с момента расцвета крестовых походов, Прибалтика была одним из главных оплотов крестоносцев, и потом долгое время немцы в Прибалтике владели значительным количеством земель.

Читатели могут спросить, почему фронт, Северный, а не Ленинградский, а ответ прост: до 23 августа 1941 года был Северный фронт и лишь в этот день, согласно директиве ставки В ГК Северный фронт разделился на Ленинградский и Карельский. Ленинградским фронтом стал командовать генерал-лейтенант Попов, а Карельским – генерал-лейтенант Фролов, правда, только с 1 сентября.

В реальной истории Жуков с 23 июня как представитель главнокомандующего, находился в войсках Юго-Западного фронта, поэтому наш герой и удивился его присутствию в кабинете Сталина, но поскольку история уже стала меняться, то с каждым днем «послезнание» теряло свою актуальность.

Генерал-лейтенант инженерных войск Карбышев, в начале июня 1941 года был откомандирован в ЗОВО для инспекции строительства Гродненского укрепрайона, но это было в реальной истории, в нашей истории он руководил строительством укрепрайонов в ЗОВО.

Это подлинная хронология обстрела Бреста немецкими войсками ранним утром 22 июня 1941 года.

Это реальные события обороны Брестской крепости и использование мортир «Карл» мало повлияло на ее оборону.

Исторический факт: вермахт использовал массу трофейной техники и вооружения, исключением было лишь люфтваффе. Наиболее массово из Советского вооружения немцы использовали орудия Ф-22, А-19 и МЛ-20, а из стрелкового оружия – самозарядные винтовки С ВТ и автоматы ППШ. При необходимости они даже налаживали выпуск боеприпасов к ним. Ну и под конец – бронетехника, немцы использовали все, от бронеавтомобилей БА-10 и БА-20 до танков, причем всех, и старых Т-26, и новых Т-34 и КВ.

Гудериан подразумевает главу немецкой разведки адмирала Канариса.

StuG III, средняя штурмовая самоходка, созданная на базе немецкого танка Т-3, имела короткоствольное 75-миллиметровое орудие, аналогичное танку Т-4.

Реальный факт, наши войска не только не допустили противника на свою территорию, но и ненадолго захватили вражескую.

Филипп Сергеевич Октябрьский (Иванов), на данный момент вице-адмирал, командующий Черноморским флотом, его деятельность на данном посту вызывает некоторые вопросы, на мой взгляд, он проявляет просто вопиющую некомпетентность и дурость.

На 1941 год в составе румынского флота были 2 вспомогательных крейсера, 4 эскадренных миноносца, 3 миноносца, подводная лодка, 3 канонерские лодки, 3 торпедных катера и 13 тральщиков. Правда, сюда не входит Дунайская флотилия речных судов.

Кстати, немцы делали точно так же. Так, например, они скрытно перебросили из-под Ленинграда танковую дивизию, оставив на ее месте радистов, тем самым введя наше командование в заблуждение.

Это подлинный состав за исключением 46-го моторизованного корпуса, и в реальной истории 2-я танковая группа Гудериана была подчинена 4-й полевой армии фон Клюге.

Лично на мой взгляд, немцы совершили большую ошибку, когда вместо своего достаточно хорошего среднего танка Т-4 начали производить «тигры» и «пантеры». Не спорю, эти танки, несмотря на свою незавершенность и массу недостатков, были очень грозным оружием, тем более в опытных руках, но лично я считаю, что более рационально было сосредоточиться на производстве танков Т-4F2 и Т-4Н. Чем был хорош наш Т-34, именно совокупностью соотношения: цена, технологичность производства и средние качества – проходимость, бронезащищенность и мощность орудия. Именно это позволило нам даже с учетом того, что Харьковский и Сталинградский заводы были выведены из строя, произвести в общей сложности с 1940 года и до конца войны более 35 000 танков.

Для сравнения, немцы за годы войны выпустили Т-4 – 8573 танка, Т-5 «пантера» – 6003 танка и Т-6 «тигр» – 1349 танков, причем и «пантера», и «тигр» были гораздо дороже Т-4, а также намного более трудоемки в производстве. А теперь давайте сравним модернизированный немецкий Т-4 и наш Т-34. Уже со второй половины 1942 года производится модификация F2 с лобовой броней в 50 миллиметров и орудием с длиной ствола в 43 калибра, что вполне соответствует орудиям Т-34 в 41,5 калибра, а с 1943 года уже выходит Т-4 модификации Н, здесь уже лобовая броня в 80 миллиметров и орудие длиной в 48 калибров. То есть модернизированный Т-4 по своим боевым качествам ничуть не уступает нашему Т-34, даже когда вместо Т-34-76 пошли Т-34-85, положение не особо изменилось. Намного хуже было бы, появившись на поле боя гораздо больше Т-4Н и противотанковых самоходок «штутг» с орудием в 88 миллиметров. Более дешевые и технологичные, они могли усилить немецкие войска за счет большего количества при достаточно хороших технических данных. Но это сугубо мое личное мнение.

Копец Иван Иванович, генерал-майор авиации, командующий ВВС Западного фронта, в реальной истории застрелился вечером 22 июня 1941 года, после того как осознал количество потерь в нашей авиации.

Т-43, экспериментальный танк, созданный в 1942 году на базе танка Т-34. Этот танк имел более мощную броню по сравнению с Т-34, лоб – 75 миллиметров, борт – 60 миллиметров и орудие 76 миллиметров. К сожалению, этот, намного лучше бронированный по сравнению с Т-34 танк так и не пошел в серию.

Для использования минометов всегда требуется открытая площадка, при использовании их в лесу необходима поляна, это связано с тем, что при стрельбе среди деревьев есть очень большой шанс пострадать от собственных мин, так как они легко могут при выстреле попасть в ветки деревьев и взорваться.

Лобовая плита «тигра» имела толщину в 100 миллиметров и могла пробиваться бронебойными снарядами наших 85-миллиметровых орудий на дистанции до километра. А если учесть, что самоходки заняли позиции за нашими окопами, то немецкие танки достаточно близко подошли к позициям нашей пехоты.

Кстати о курьезном: после появления в нашей армии ИС-2 танкисты на Т-34 зачастую крепили бидоны на конец ствола своего орудия, тем самым делая его похожим на ИС-2, которого немцы боялись. Не знаю, правда это или армейская байка, но вот то, что ИС-2 мог уничтожить немецкий «тигр» с дистанции в два километра, это правда, причем сам он оставался для «тигра» на таком расстоянии неуязвимым. Честно говоря, очень жаль, что ни Т-44, ни ИС-3 не

Специально для неверующих, основное оружие немецкой пехоты – это карабин Маузера 98к, плюс ручные пулеметы, автоматов мало, ими вооружена лишь незначительная часть немецких войск. В то время как Красная армия кроме старых мосинок вооружена большим количеством самозарядных винтовок СВТ, пистолетов-пулеметов ППШ, а с 1943 года и ППС, которые выпускали миллионными партиями.

По артиллерии в основном паритет, но на нашей стороне – тяжелый 120-миллиметровый миномет, производство которого немцы смогли наладить только после захвата в Харькове документации на него, но тут этого не случилось, и его у немцев нет. Также немецкий «нэбельверфер» вчистую проигрывает нашим реактивным минометам как по техническим характеристикам, так и по количеству.

В бронетехнике и так все ясно: даже старый Т-34 был в принципе на равных с немецким Т-4 после его модернизации, а по количеству произведенных танков даже превосходил в несколько раз. По тяжелым танкам, когда на смену КВ пришел И С-2, то он с легкостью давил немецких «кошек», да и Т-34-85 на средней дистанции вполне уверенно их поражал, а ведь кроме них были и многочисленные средние и тяжелые самоходки, которые также эффективно боролись с любыми немецкими танками.

И наконец, авиация, где наши новые самолеты также были примерно на одном уровне с противником, а в штурмовиках даже имели преимущество, так как аналог нашего ИЛ-2 немцы так и не смогли сделать.

Действительно, мощную лобовую броню пробить даже на малой дистанции основной массе орудий было невозможно, но зато ее борт был весьма уязвим, так как имел толщину в 80 миллиметров, и достаточно было выйти «Фердинандам» во фланг или сбить им гусеницу и таким образом обездвижить. Кроме того, он был достаточно беззащитен против пехоты, так что самое эффективное его использование – это бой на дальней или средней дистанции.

Здесь наш герой ничуть не заблуждается, он разве что немного ошибся в толщине брони башни, у ИС-3 она была не 220 миллиметров, а 250. Что касается орудия, то пушка Д-25Т как раз и была разработана на базе гаубицы А-19, и ее бронепробиваемость на то время была выше всяких похвал.

Так, обычным бронебойным снарядом она пробивала вертикальную плиту толщиной в 105 миллиметров на дистанции в 3 километра, а при наклоне плиты под 60 градусов, на дистанции в 2 километра. Если учесть, что у «пантеры» лобовая плита была 80 миллиметров под углом в 55 градусов, орудие ИС-3 могло уверенно поражать и «тигр», и «пантеру» уже на дистанции в 3 километра, а если еще принять во внимание, что на ИС-2 стояло такое же орудие, то нет ничего удивительного, что Гитлер запретил своим танкам вступать в прямые бои с ИС-2. Наши новые тяжелые танки могли с дальней дистанции безнаказанно поражать любые танки немцев, в то же время сами оставались для них неуязвимыми.

Танк Т-44 имел лобовую броню в 90 миллиметров, борт – 75, лоб башни – 120, борт башни – 90, так что наш герой выдал те же данные, что и были в оригинале. А что касается орудия, то 100-миллиметровое орудие имело бронепробиваемость вертикальной плиты толщиной в 100 миллиметров на дистанции в 2 километра, а более новыми снарядами – плиты в 125 миллиметров. Это обычными калиберными снарядами, подкалиберные и кумулятивные пробивали намного больше. Таким образом, в зависимости от марки снаряда, немецкие «тигр» и «пантера» могли быть подбиты на дистанции от двух до трех километров.

Основная разница между Т-54 и Т-55 в том, что Т-55 уже производился с возможностью вести бои с условием применения ядерного оружия, а так, в принципе, это практически идентичные танки. Можно сказать, что Т-55 это модернизированный Т-54.

Известен как минимум один зафиксированный случай применения ИС-3 донецким ополчением против националистов.

В нашей истории им стала Курская битва, именно тогда «пантеры» и появились на поле боя.

САУ «Фердинанд», или «Элефант» («Слон»), немецкая противотанковая самоходка, классифицируемая как истребитель танков. Имела вес в 65 тонн, орудие калибра 88 миллиметров и лобовую броню в 200 миллиметров. По сути, ни одно противотанковое или танковое орудие того времени не могло пробить эту броню. К примеру, это толщина броневго пояса многих линкоров и тяжелых крейсеров. Также самоходка могла с успехом подавлять огневые точки противника, выйдя на дистанцию прямого выстрела без опасения быть подбитой.

Всего был произведен 91 экземпляр самоходки, и в нашей истории они впервые появились на поле боя в Курском сражении. Из 89 самоходов, которыми были вооружены 653-й и 654-й тяжелые противотанковые батальоны вермахта, 35 единиц были потеряны немцами в ходе Курского сражения. Основной причиной этого стали повреждения ходовой части «Фердинандов». В большинстве случаев самоходки в ходе боя сгорели, но 4 штуки были захвачены советскими войсками, причем одна из них в неповрежденном состоянии, она просто застряла на песчаном грунте, и экипаж был взят в плен.

Особой роли, в связи со своей малочисленностью, они в ходе войны не сыграли. Всего СССР получил в свое распоряжение 8 исправных самоходов, которые тщательно изучили, в итоге осталась только одна, остальные были отправлены на переплавку.

Тяжелый французский танк Char B1 имел два орудия, одно – короткоствольная 75-миллиметровая пушка – находилось в его лобовой части и имело очень малый радиус наводки по горизонтали. Вторым орудием была 47-миллиметровая пушка во вращающейся башне. Конечно, это спорный вопрос об эффективности такого расположения и количества орудий, на мой взгляд, классическая схема наглядно доказала свое преимущество перед всеми другими вариантами вооружения танка.

Бронепробиваемость 37-миллиметрового орудия была 56 миллиметров вертикальной брони с дистанции 200 метров. Толщина кормовой брони танка Char BI была 55 миллиметров, так что это было вполне реально.

В реальной истории это звание он получил 26 августа 1943 года, то есть в новой реальности это произошло несколько раньше.

В реальной истории Паулюс получил звание генерал-фельдмаршала 30 января 1943 года.

Многие читатели могут сказать: не верю, но такое поведение Паулюса вполне могло быть в новой реальности. В нашей истории он после того, как попал в наш плен, стал сотрудничать с советским правительством, правда, не сразу, на это потребовалось полтора года. И на Нюрнбергском процессе он был не в качестве обвиняемого, а свидетелем обвинения, что стало неприятным сюрпризом для обвиняемых. В 1951 году он переехал в ГДР, где ему предоставили виллу в Дрездене, машину, адъютанта и даже разрешение на личное оружие, там он и прожил до самой своей смерти 1 февраля 1957 года.

Тяжелый понтонный парк (ТПП) Н2П-32 использовался в Красной армии до, во время и после войны, он предназначался для наведения переправ грузоподъемностью от 16 до 60 тонн. Как непосредственно плавучего моста, так и паромных переправ. Если учесть, что вес советских тяжелых танков КВ, ИС-2 и ИС-3 составлял от 43 до 49 тонн, то эти понтоны вполне подходили по грузоподъемности для устройства переправы.

Дымовые снаряды применялись в русской армии уже в Первую мировую войну, так что нет ничего удивительного в их применении.

Тяжелые штурмовые самоходки создавались на базе тяжелых танков КВ и ИС и весили практически столько же. Вес СУ-152 на базе танка КВ составлял 45,5 тонны, а ИСУ-152 на базе танка ИС – 46 тонн соответственно.

Хочу пояснить, что указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля 1941 года НКВД СССР был разделен непосредственно на само НКВД под руководством товарища Берии и НКГБ под руководством Меркулова, а Абакумов в 1943 году возглавил СМЕРШ, военную контрразведку.

На самом севере сначала СССР, а теперь и Россия граничат с Норвегией, примерно километров 100 границы по прямой, хотя с учетом всех изгибов она длиннее. А самое интересное, что за всю войну на этом участке фронта немцы практически не смогли продвинуться вперед. Что касается Финляндии, в нашей истории она капитулировала 19 сентября 1944 года, то есть в новой истории это произошло примерно на полгода раньше.

В реальной истории Прибалтика была полностью освобождена только в конце ноября 1944 года.

Дитрих, подойди ко мне! (нем.)

В нашей истории оставшиеся верными польскому правительству войска назывались Армией Крайовой, и они воевали как с немцами, так и зачастую и действовали с ними сообща против нас. В противовес ей в СССР была создана Армия Людова, которая была подконтрольна советскому правительству, и между собой Армия Людова и Армия Крайова враждовали. Еще был корпус Андерсона, его создали в 1941 году из пленных поляков. Советский Союз их снарядил и вооружил, что в тех условиях было очень непросто, но корпус Андерсона отказался воевать на нашей стороне, и состоящие в нем поляки потребовали, чтобы их через Иран отпустили к англичанам, что и было сделано.

Иностранец едет с нашим водителем, ехать далеко, иностранец говорит: «Включи навигатор». На что водитель отвечает: «Зачем, тут просто ехать». Иностранец настаивает, водитель включает, после этого навигатор выдает: «Едьте прямо 1300 километров, затем поверните направо, и через два километра будет ваша цель».

Романов в то время был мало кому известен, да и его карьера пока еще, можно сказать, не началась. Шелепин хоть уже работал в Московском городском комитете ВЛКСМ, но также еще мало известен, а вот Машеров воевал в немецком тылу, Герой Советского Союза, один из организаторов и руководителей партизанского движения в Белоруссии, и хотя история пошла другим путем, Машеров отличился и тут.